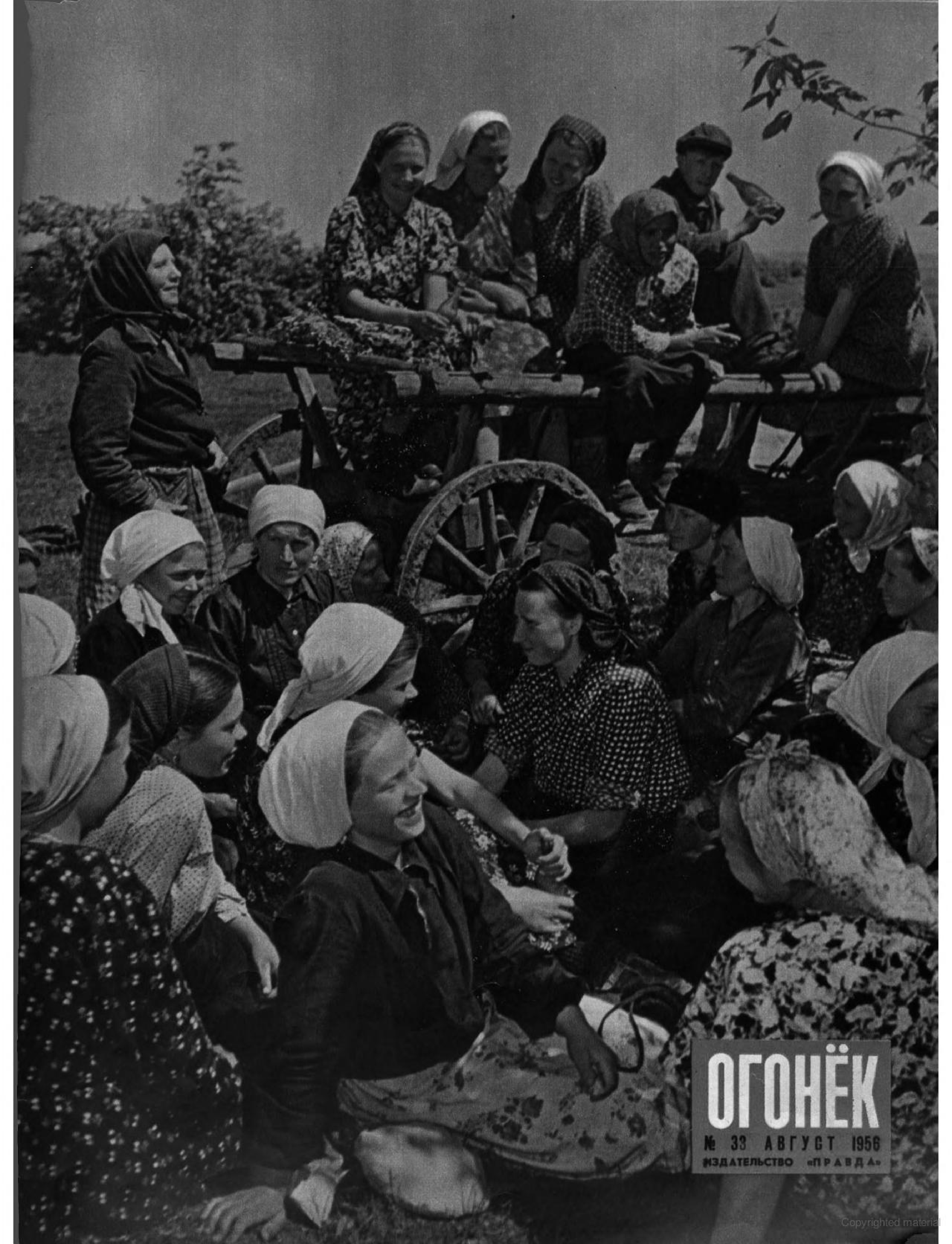

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство газопровода Ставрополь—Москва. Трубогибочная машина выгибает трубы для укладки через овраги.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: В полеводческой бригаде колхоза имени Куйбышева, Бузулукского района, Чкаловской области. Полдник...

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Эстрадные артисты Т. Птицына и Л. Маслюков.

Фото Е. Тиханова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 33 (1522) 12 АВГУСТА 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАРАД СИЛЫ И КРАСОТЫ

Вся страна отмечала 5 августа Всесоюзный день физкультурника — день молодости, красоты и силы. Центром этого всенародного праздника стала Большая арена Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Там состоялось торжественное открытие Спартакиады народов СССР.

Лучшие спортсмены пятнадцати союзных республик выстроились на зеленом поле перед огромными переполненными трибунами, на которых собрались представители трудящихся Москвы, многочисленные гости из союзных республик и из многих стран мира. В правительственной ложе — товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, М. Г. Первухин, Н. С. Хрущев, Г. К. Жуков, Л. И. Брежнев, Н. А. Мухитдинов, Д. Т. Шепилов, А. Б. Аристов, Н. И. Беляев.

Лучшие спортсмены страны под звуки Гимна Советского Союза поднимают государственный флаг СССР. В тот момент, когда над стадионом взвилось красное знамя, со всех концов поля к правительственной ложе устремились девушки в нарядных национальных костюмах. Они вручили руководителям партии и правительства букеты цветов...

Над стадионом разносятся слова команды: «К торжественному маршу поколонно, дистанция — десять метров...» И парад участников Спартакиады народов СССР начался.

Шла цветущая молодость Советской страны. Как легки, ритмичны движения марширующих спортсменов, как разнообразны, красочны их костюмы! Незабываемое зрелище! Казалось, вся необъятная Советская страна проходила перед нашими глазами. А когда кончился парад участников Спартакиады, зеленое поле заполнили 1500 школьников. Их гимнастические выступления вызвали овацию трибун. С большим успехом прошли выступления физкультурников спортивного общества «Трудовые резервы», студентов Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры и гимнастов спортивных обществ профсоюзов.

Начинаются соревнования. Сильнейшие ведут борьбу на дистанции 10 000 метров, и Владимир Куц заканчивает бег с новым всесоюзным рекордом. Проносятся по дорожке эстафеты; финишируют участники многодневной велогонки; зрители с волнением следят за ходом футбольного состязания ЦДСА — «Динамо» на первенство СССР.

Впереди дни интересной борьбы по двадцати одному виду спорта.

Фото А. Новикова.

Заплыв на 100 метров вольным стилем для женщин.

Участники звездной эстафеты на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Более двух тысяч гимнастов спортивного общества «Трудовые резервы» в день открытия Спартакиады народов СССР продемонстрировали свое искусство.

СПАРТАКИ

Соревнования Спартакиады народов СССР в полном разгаре. Уже 6 августа борьба началась одновременно на баскетбольных площадках, борцовских матах, велосипедном треке, фехтовальных дорожках, стрелковом полигоне и конном ипподроме, а на воду вышли ватерполисты, пловцы и гребцы.

Центральный стадион имени В. И. Ленина в день открытия Спартакиады народов СССР.

Фото В. Кругликова, А. Новикова, Н. Петрова.

Руководители партии и правительства на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в день открытия Спартакиады народов СССР.
Фото А. Новикова.

АДА ИДЕТ!

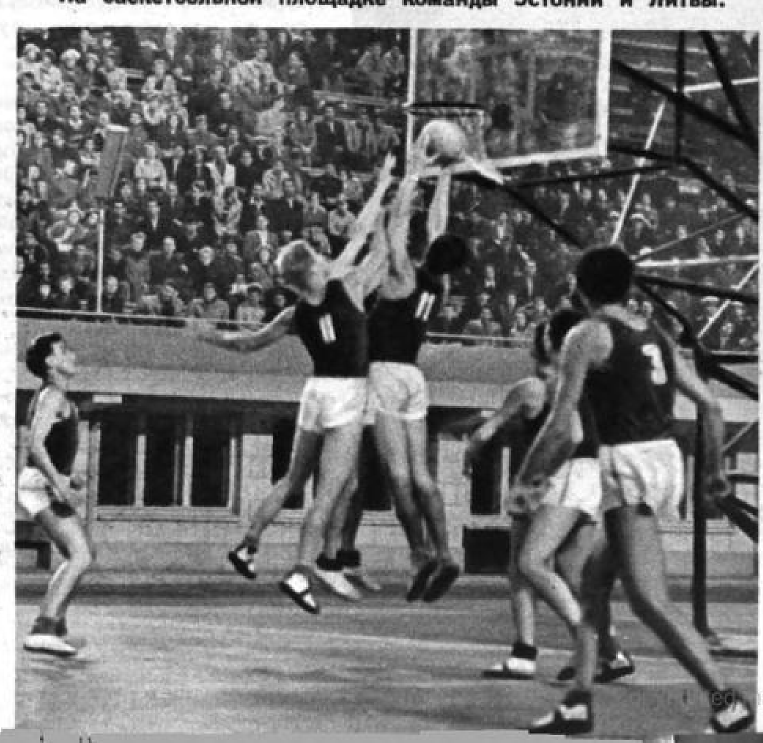
Проходят напряженные состязания футболистов и теннисистов, и с каждым днем все новые и новые отряды спортсменов включаются в борьбу. Близок день, когда на постамент почета поднимутся первые победители. Спартакиада идет!

Владимир Куц заканчивает бег на дистанцию 10 000 метров с новым всесоюзным рекордом: 28 минут 57,8 секунды.

На баскетбольной площадке команды Эстонии и Литвы.

Ко Дню строителя

СТРОЙКА НА КОЛЕСАХ

С. МОРОЗОВ

Фото О. Кнорринга.

Специальные корреспонденты «Огонька»

На глянцевитой, влажной после дождя траве желтеет свежевыкопанный ров, а рядом с ним черным угольным блеском сверкает металлическая труба. Если глянуть издали, ров и труба, сливаясь вместе, кажутся бесконечной пестрой змеей. Будто выползая из леса, устремляется она под уклон к глубокому оврагу, там обрывается и вновь показывается уже совсем далеко, на противоположном луговом склоне.

— На даче тут жить или в доме отдыха — одно удовольствие, — говорит Тимофей Петрович Савченко, — а работать сподручней в степи, хоть и жарко, и пыльно, и глазу отдохнуть не на чем...

И Савченко вспоминает прошлогоднее лето, когда между Ставрополем и Ростовом его колонна укладывала такие же точно трубы в такие же точно траншеи.

Многое изменилось с той поры на огромной стройплощадке, растянувшейся на 1 300 километров от кавказских предгорий до подмосковных лесов. Строители газопровода Ставрополь — Москва завершили сооружение южного участка трассы. От села Изобильное до берегов Дона проложена сплошная магистраль, и природный горючий газ устремляется по ней к Ростову, чтобы синими огоньками затеплиться в квартирах горожан и в заводских котельных.

Строители газопроводов — один из отрядов великой трудовой армии, которая воздвигает города и заводы, электростанции и шахты, железные дороги и порты, создает новые индустриальные очаги в недавно еще пустынных краях.

В шестой пятилетке должны быть построены и введены в действие магистральные газопроводы общей протяженностью примерно в 9 тысяч километров. От месторождений природного газа, которыми богаты многие районы нашей Родины, стальные трубы пролягут к Ленинграду, Минску, Грозному, Харькову, Горькому, Тбилиси, Свердловску.

Сегодня первоочередная и самая крупная стройка газовой промышленности — магистраль между Ставрополем и Москвой.

Механизированные колонны строителей движутся с юга на север и с севера на юг навстречу друг другу. Работы идут по всей трассе: близ Старобельска и под Воронежем, в районе Тулы и Щекина, между Серпуховом и Подольском. Новый газопровод будет самым мощным в Европе. Общие размеры газоснабжения Москвы с притоком ставропольского газа возрастут к концу шестой пятилетки в четыре с половиной раза. Перевод на газовое отопление многих столичных предприятий сократит потребление угля примерно в восемь раз, высвободит сотни тысяч железнодорожных вагонов.

Залегающие в недрах Ставропольщины газоносные пласты обладают таким естественным давлением, что по трубам диаметром почти в три четверти метра газ может двигаться самотеком до самой Москвы. Первая очередь газопровода, намеченная к пуску в нынешнем, 1956 году, начнет действовать еще до окончания постройки компрессорных станций.

Большого, напряженного труда стоит прокладка первой стальной нити, которую тянут сейчас строители к Москве, прорубаясь сквозь леса, преодолевая холмы и овраги, форсируя реки. И, конечно, прав Тимофей Петрович Савченко, уложивший на своем веку не одну сотню километров труб между Саратовом и Москвой, Дашавой и Киевом: строить на пересеченной местности не в пример труднее, чем в ровной степи.

...Неторопливо и осторожно спускаются по склону тракторы-трубоукладчики, похожие на сухопутные суденышки своими высокими, будто мачты, поднятыми грузовыми стрелами. Размокший глинистый грунт скользит под гусеницами. Мутные потоки воды заливают траншею, вдоль которой вытянулась подготовленная к укладке изогнутая труба. Машины подходят почти вплотную к трубе, и трактористы, включив лебедки, опускают стрелы. Трубу застропливают, крепко охватывая стальными «полотенцами».

«Внимание, товарищи!» В шуме моторов не слышно человеческого голоса. Но всеми трактористами воспринят короткий и властный жест Савченко. Строгим, придирчивым взглядом начальник колонны еще и еще раз окидывает машины и людей.

Затем, снова вскинув руку, Тимофей Петрович повелительно поднимает два пальца, и лебедки тракторов, глухо заурчав, приподнимают многотонную стальную махину. Еще секунда, Савченко опускает большой палец вниз, и стрелы, нагибаясь, мягко укладывают трубу в приготовленное для нее земляное ложе.

Впереди еще много работы. Из траншеи на дне оврага надо откачать воду, трубу прижать к грунту бетонными утяжелителями. Но главное сделано — переход через овраг завершен. Одним препятствием на трассе стало меньше.

Как только выглянет солнышко, подсохнет все вокруг, любо-дорого будет смотреть, как работают изолировочные и очистные машины: скребут стальными щетками рыжую ржавчину с труб, покрывают металл густым слоем битумной мастики, пеленают трубу широкой лентой крафт-бумаги.

Все больше удобств появляется и в быту строителей. Приятно, вернувшись в лагерь после работы, помыться тут же на лужайке под теплым душем, а потом собраться в столовой — просторном фургоне на дутых шинах, который стоит в тени деревьев рядом с разборными жилыми домиками. За тонкой перегородкой видна чистая кухня, эмалированные газовые плитки. Газ, правда, пока еще не ставропольский, а московский, привезенный сюда в баллонах. Нередко заезжает к строителям и автолавка.

Стройка на колесах... И по ровному асфальту шоссе и по тряским, ухабистым проселкам мчатся «плетевозы» — громоздкие автомашины с прицепами. Они развозят по трассе «плети» — сваренные из отдельных труб многометровые секции будущего газопровода.

Едва успевают строители обжиться на одном месте, как пора уже переезжать на другое — со всей техникой, со всем хозяйством.

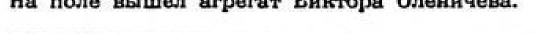
Вчера еще участок сварочных и монтажных работ Федора Александровича Борщева базировался в Столбовой, а сегодня, приехав туда, мы застаем опустевший лагерь. Разобранные домики грузят в кузовы автомашин, фургон-столовую берет на буксир тягач, и только антенна телевизора еще маячит меж берез над крышей походного клуба.

— К Москве продвигаемся, — сказал нам Борщев. — Скоро перешагнем Оку, а там недалеко и до столицы...

На десятки метров вытянулся на шоссе «плетевоз», доставляющий трубы к месту укладки.

На поле вышел агрегат Виктора Оленичева.

Уборка урожая в разгаре

Главный агроном западноказахстанского совхоза имени газеты «Правда», показывая на карту полей, сказал:

— О масштабах нашего совхоза можно судить хотя бы по тому, что климат у нас не везде одинаков. Скажем, в урочище Мукашхутор осадков ежегодно выпадает на тридцать миллиметров меньше, чем в районе центральной усадьбы. Тридцать одна тысяча гектаров занята под посевами.

Если зерно, которое будет собрано на полях совхоза, погрузить в вагоны, то потребуется пять с половиной тысяч шестидесятитонных пульманов.

Два миллиона пудов хлеба даст нынче совхоз стране. Сейчас здесь идет массовая уборка хлебов. На поля вышли семьдесят комбайнов, десятки автомашин. Помогать в уборке приехали рабочие из различных городов и студенты. Посланцев комсомола можно встретить и на токах и на штурвальных мостиках комбайнов. Круглые сутки не утихают моторы тракторов, комбайнов, автомашин. На электрифицированных токах — горы пшеницы, ржи, ячменя.

Таких хозяйств в казахских степях выросло много. Едешь полями, и, куда ни посмотришь, кругом море хлебов. Только одна Западно-Казахстанская область даст семьдесят восемь миллионов пудов хлеба.

Повсюду в этом году применяется раздельная уборка. Задолго до страды посланцы целинных земель побывали на Кубани, где и научились приемам уборки. В совхозе «Пугачевский» раздельно убираются большие площади. Первым вышел на поле агрегат Виктора Оленичева. Молодой механизатор скашивает по двадцать пять — тридцать гектаров в сутки.

М. КУХТАРЕВ

На электрифицированном току совхоза «Ульяновский».
Фото автора.

Воронежцы держат слово!

Это было четыре года назад. Путешествуя по Воронежской области, мы оказались в большом селе. Возле каждой избы — тополек, перистолистая акация.

Я зашла в первый попавшийся дом и попросила продать молока. Высокая старуха глянула строго и низко поклонилась:

— Не обессудьте, добрые люди. Нет у нас молочка.

— А у соседей есть?

— Нету, по всему нашему порядку нету. Кормить коровок нечем, вишь, как степь горит,— печально ответила старуха.

И вот я снова в воронежских степях. Сколько здесь нового!

С председателем колхоза имени Маленкова Иваном Васильевичем Калининым мы шли вдоль длинного ряда бетонированных силосных траншей. Было время обеденной дойки. Скотники нагружали в кузов машины кукурузные початки. Калинин поднял с земли оброненный початок, протянул его мне:

— Вот кто нас спас от бескормицы! Один год ее сеяли, а запасли на два года. И нынешним летом виды на урожай неплохие...

— Сколько же вы сеяли, что хватило с избытком?

— Триста гектаров. А этой весной — четыреста... У нас кукурузу и на приусадебных участках многие посеяли — для своих коров. Теперь ведь в каждом дворе корова.

Молочное стадо — гордость колхоза. Сюда ездят смотреть, как поставлено хозяйство. Еще бы — с 800—900 литров к 3 000—3 300 на каждую корову!

— Пойдемте посмотрим летний баз,— предлагает Иван Васильевич.

На лугу, одной стороной примыкая к реке Елани, огороженный жердями баз. Здесь доят коров, подкармливают их после выпаса, тут они отдыхают на берегу.

Старший пастух Андрей Егорович Пименов подошел к Калинину как-то бочком, со смущенной улыбкой надвинул свою выцветшую фуражку на самые глаза:

— Опять три уходили, Иван Васильевич... Вот проклятущие твари!

— Ночью?

— Перед рассветом.

Я заинтересовалась странным разговором.

— Кукуруза «виновата»... Зимой коров на ферме хорошо кормили, они это помнят. Как ночь — с база долой, через реку — и вплавь на ферму, к кормушке. На лугах-то травы у нас немного.

Калинин подходит к группе доярок и знакомит нас с Марией Васильевной Филиной. Одна из опытнейших и старейших на ферме доярок, она в это время доила свою любимицу Венеру. 27—30 литров молока в день дает эта корова. Молоком одной Венеры можно напоить всех питомцев детского сада.

Я обратила внимание, что Мария Васильевна еще продолжала доить, когда многие другие молодые доярки уже управились со своим делом и сдали молоко учетчице.

— Наша работа — вся в терпении да умелом подходе,— ответила Филина на мой вопрос.— Оттого-то и молочка у меня поболе. Мы тут соревнуемся с Зиной Селиной, молоденькая такая доярка у нас... Вот вдвоем и сидим. Корова сама ведь молока не отдаст, надо суметь его взять...

— Размочим Калач в молоке! — говорит Мария Васильевна.

Эту фразу в Абрамовском районе я слышу не впервые. Ее произносили в райкоме партии, на колхозных фермах, на совещании пастухов (теперь здесь проводят и такие совещания).

Калач, который в Абрамовке все грозятся «размочить», отнюдь не испечен из муки. Это просто один из передовых в области, Калачеевский район. Он долго держал первенство по надоям молока, но в конце концов сдался перед энергией и необычайной настойчивостью абрамовцев. «Размочили» Калач в апреле этого года, и с тех пор переходящее Красное знамя Воронежского обкома партии и облисполкома постепенно привыкает к своему «постоянному» месту, «укореняется» на абрамовской земле. Еще 20 мая район выполнил план сдачи и продажи молока государству на 1956 год. С начала текущего года его колхозы поставили 20 638 центнеров молока, или в 2,3 раза больше, чем за тот же период прошлого года. К 1 августа район перевыполнил годовое задание вдвое.

Но так же, как трудно колхозу удержать районное знамя в соревновании с соседями, наступающими ему «на пятки», точно так же трудно и району удержать областное знамя. От Эртильского района он нынче ушел всего лишь на 9 литров, а от Калача — на 10. И «горе» абрамовцев по этому поводу — большая радость для всей страны. Не колхозы-одиночки, не отдельные районы, а вся область дружно поднимается ко все более и более высоким показателям.

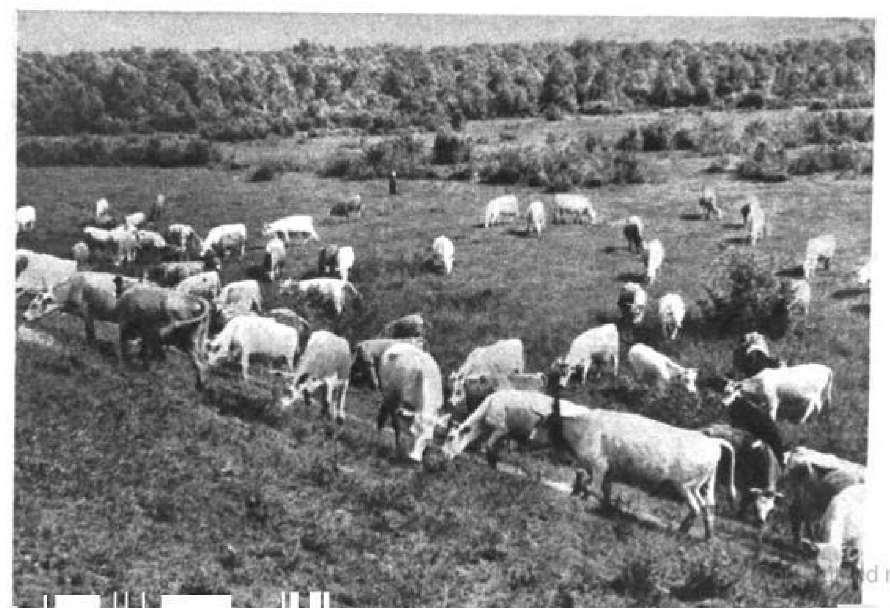
В недрах колхозной жизни родилась знаменитая на всю страну предсъездовская инициатива воронежцев — досрочно выполнить «молочную» и «мясную» пятилетку. Сразу же после съезда был выдвинут второй, «встречный» план: не к 1 июля 1957 года рассчитаться полностью по молоку за пятилетку, а к 1 января 1957 года...

Велики успехи воронежцев в осуществлении встречного плана. Успехи эти отмечены словами привета и благодарности, с которыми обратился недавно Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в адрес воронежцев.

Воронежская область, известная своими яблоневыми садами, степями, заповедными дубравами, нынче известна новой славой — славой людей, умеющих держать свое слово.

О. КОЖУХОВА

Колхозные коровы на выпасе.
Фото А. Зенина (ТАСС).

2 августа Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев приняли делегацию Национального собрания Исламской Республики Пакистан. В центре (на втором плане) — глава делегации г-н Мохаммед Аюб Хуро.

Фото Е. Умнова.

Датские фрегаты в Ленинграде

На снимке: Айлиф Енсен, Тобен Шмидт и Стейн Эльхольм в Петродворце беседуют со студенткой Ленинградского университета Тамарой Пашковой.

Жители Ленинграда с сердечным радушием принимали на днях новых зарубежных гостей — военных моряков флота Дании.

— Мы восхищены трогательным вниманием, проявленным к нам жителями вашего города! — сказал командующий береговым флотом Дании контр-адмирал К. Лундстин, под чьим флагом корабли прибыли с дружественным визитом в СССР.— Многовековая тесная связь военно-морских флотов Дании и России жива и сегодня. Мы никогда не воевали друг против друга, и эта священная дружба сохранится и впредь.

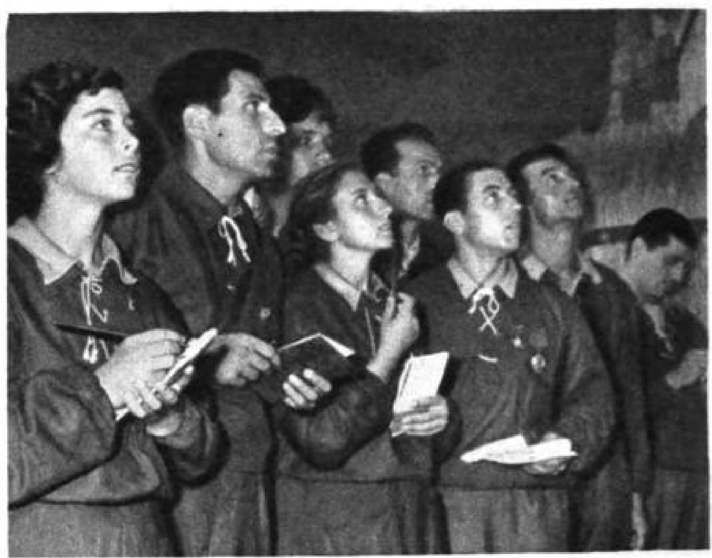
В парке Петродворца один из молодых датских матросов, Тобен Шмидт, сказал корреспонденту «Огонька»:

— Последние три года я работал на судостроительной верфи в Копенгагене, строил корабли, которые потом продавались Советскому Союзу. У всех хватало работы по горло, а это очень важно. Тогда на верфи я встречал русских, но разговаривать с ними не пришлось. И вот я хожу по советской земле и разговариваю с теми, для кого строил корабли. У меня и у моих товарищей теперь здесь много новых друзей.

Когда датские фрегаты уходили на родину, на набережных было много провожающих. И это подтверждало слова молодого датского моряка.

К. ПЕТРОВ

Фото автора.

Из Болгарии, Румынии, Чехословакии прибывает в нашу страну молодежь, чтобы вместе с советскими юношами и девушками убирать богатый урожай, выращенный на целинных землях.

У группы болгарской молодежи, которую вы видите на снимке, первая «встреча с целиной» произошла на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в павильоне Казахской ССР. Третий справа на этом снимке — Герой Социалистического Труда, член Димитровского союза народной молодежи Болгарии Парашкев Гадуларов. В Болгарии он известен как отличный тракторист.

Фото Р. Лихач.

Иностранные журналисты в «Огоньке»

В Советском Союзе гостит делегация журналистов Демократической Республики Вьетнам во главе с главным редактором центрального органа Партии трудящихся Вьетнама — газеты «Нян Зан» тов. Хоанг Тунгом. Группа делегатов — тт. Хоанг Тунг, Куан Дам (газета «Нян Зан») и Нгуен Ню Фонг (газета «Куу Куок») — посетила редакцию журнала «Огонек».

Н а с н и м к е: Хоанг Тунг, Нгуен Ню Фонг и Куан Дам в редакции «Огонька».

В редакции «Огонька» побывали представители американского иллюстрированного журнала «Лук»: редактор иностранного отдела Уильям Атвуд и постоянный корреспондент журнала в Москве Эдмунд Стивенс. Американские журналисты интересовались различными сторонами работы журнала «Огонек» и ответили на вопросы о представляемом ими иллюстрированном издании. У. Атвуд и Э. Стивенс высказали пожелание об обмене между «Огоньком» и «Луком» фоторепортажами, освещающими советский и американский спорт.

Н а с н и м к е: Уильям Атвуд (слева) и Эдмунд Стивенс в редакции «Огонька».

ИНТЕРНАТ ГОТОВ...

В Москве на кирпичном пятиэтажном здании в Денисовском переулке еще висит голубая вывеска: «Средняя школа № 341». Но уже с порога подмечаешь необычное: под каменным сводом крыльца и в вестибюле штабелем сложены панцырные сетки и коричневые спинки кроватей, стоят домашние столы... Это привезли мебель будущему интернату, где станут жить и учиться сто пятьдесят московских ребятишек в возрасте первого — пятого классов.

Директор А. К. Рогачев очень занят. Но видно, что и самому ему приятно еще раз пройти по вновь отремонтированному зданию.

— На втором этаже вы в школе,— говорит Александр Кузьмич.— Здесь классы, где ребята будут учиться и готовить домашние задания.

На третьем и четвертом этажах расположатся спальни. Двери выходят в коридор, который превращен в своеобразную гостиную. Здесь лягут дорожки, будут поставлены столики, стулья, диваны: уют для интерната — дело немаловажное. Недаром так придирчиво рассматриваются предлагаемые образцы мебели. Зато модели одежды, созданные Общесоюзным Домом моделей, как будто понравились всем. Тут целый гардероб: школьная форма, пионерский костюм, специальная рабочая одежда (в нижних этажах здания оборудованы мастерские), простое, будничное платье, праздничный наряд и пижама.

Осмотрев просторный актовый зал, комнату тихих игр, библиотеку, мы спускаемся вниз, во «временные владения» Александра Кузьмича.

— Главное-то здесь,— говорит он, кивая на стол.

Главное действительно в этих исписанных разными почерками, но схожих по смыслу листках — заявлениях о приеме в интернат. Приемная комиссия при райисполкоме еще не начинала своей работы, и листки лежат пока тут, скупо рассказывая о тех, кто, быть может, будет жить и учиться в этом здании.

Одиннадцатилетняя Марина осталась без родителей с молоденькой сестрой, которая сама в этом году заканчивает 10-й класс в школе рабочей молодежи. Девочки волнуются: примут ли Маринку? У Алеши нет матери, отец — инвалид первой группы...

Невольно задумываешься над тем, какой большой смысл скрыт в сдержанных словах положения о приеме: «Преимущественным правом поступления в интернат пользуются дети-сироты, дети одиноких и многодетных матерей, дети инвалидов войны и труда и дети, для воспитания которых отсутствуют необходимые условия в семье».

Большая роль, конечно, будет принадлежать педагогам. Их подбирали серьезно, вдумчиво. Сам Александр Кузьмич прошел всю педагогическую лестницу — от учителя младших классов до директора школы. Заведующая учебной частью Елена Константиновна Воскресенская делится с нами своими заботами:

— Как расселить по спальням ребят: по возрастному признаку или нет? Нужны ли ночные дежурства? А самообслуживание в столовой как организовать?

М. ГРИНЕВА

Спектакль строителей

Пьесу репетировали уже больше четырех месяцев. Исполнители знали текст ролей назубок, свободно и непринужденно держались на сцене. Но как только режиссер объявил, что спектакль скоро будет показан зрителям, весь коллектив пришел в смятение.

Да и как было не страшиться первого выступления Капе Савилкиной, если от роду ей девятнадцать лет, а играть приходится сварливую, каверзную старушку! Веселая и подвижная, Капа с большим трудом добивалась размеренной старушечьей поступи. На репетициях это было увлекательно и ново. Но играть перед народом? С испугом смотрела она на режиссера М. Давыдова. Такие же опасения были у Маши Косовой, игравшей главную роль, и у шестнадцатилетней скромной Люси Климовой, которой надо было показать энергичную, разбитную работницу Зою, да и у всех участников, так как все они впервые играли на сцене.

Немногим более года назад в Новых Черемушках (юго-западный район Москвы) открылся новый Дом культуры строителей «Новатор». Здесь занимается сейчас более пятисот любителей искусства: поют, играют, пляшут, рисуют, вышивают. Сюда приходит ежедневно до двух тысяч посетителей — почитать журналы, послушать лекцию, концерт, поиграть в шахматы, заняться спортом.

Для начала драматический коллектив решил поставить пьесу А. Городецкого «На пятом этаже». В пьесе говорится о дорогах в жизнь, об уважении и любви к труду строителя. Эти же вопросы занимали и членов кружка.

Героиня пьесы Евгения, или Жешка (М. Косова), как ее называют в семье, только что получила аттестат зрелости и стоит перед трудным вопросом: кем быть? Все так заманчиво: можно стать актрисой, учиться медицине, а разве плохо быть кинооператором? На пятом этаже дома, где живет Жешка, идет наружная отделка стен. С лесов на балкон заглядывают штукатуры — «воды попить». Между молодыми людьми завязывается дружба, и девушка с удивлением узнает, что быть строителем не менее интересно, чем кинооператором. Главное — это полюбить свой труд.

Жешка работает на лесах. Ей еще тяжело приходится, но она уже постигла радость труда и выбрала свою дорогу в жизнь. Девушка говорит увлеченно: «Если делать для всех, для многих людей, знаете, какое это замечательное чувство!..»

...Сегодня в Доме культуры «Новатор» самодеятельный коллектив показывает пьесу «На пятом этаже» А. Городецкого. С интересом следят зрители за событиями на сцене, бурными рукоплесканиями, веселым смехом одобряют игру товарищей.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

— Из двух путей надо выбирать хоть и самый трудный, зато и самый честный,— говорит Саша Птушкин (А. Демьянов) Жешке (М. Косова).

Фото Галины Санько.

Письмо в Кэсон

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Как быстро идет время, уважаемая Цой Бок Сен! Казалось, только вчера поднялись мы по тихой и узкой улице старинного города Кэсона и постучались в калитку дома Вашей матери Пак Сен Дю. Может быть, это был неожиданный визит, может быть, вам трудно было вновь раскрывать свое горе и делиться скромными своими радостями, и мне приходится еще раз попросить извинения у Вас и Вашей семьи за наше посещение.

— Я предупредил Цой Бок Сен, — успокаивал нас Дю Лен Хо, известный Вам работник городского народного комитета, который рассказал нам, как умело и трогательно вы учите школьников в кэсонской школе «Манволь», как пишете вместе с ними детские пьески и разучиваете стихи, как выступаете на вечерах школьной самодеятельности, как активно участвуете в общественной жизни города.

— Она пришла в нашу семью лишь во время войны, — добавил Дю Лен Хо, услышав, что по каменным плитам двора прошуршали Ваши легкие резиновые комусины.

Когда Вы открыли калитку и, приветливо улыбнувшись, впустили нас во дворик, мы увидели Вас впервые — и запомнили навсегда. Вы приняли нас радушно и с достоинством. Беседуя с Вами, я тщетно пытался найти в Вас черты той феодальной семейной среды, которую Вы покинули всего три года назад. Если Вы помните, наша беседа касалась не только Ваших переживаний и горя, а, развиваясь свободно и легко, затрагивала области науки, искусства, вновь сложившихся социальных и правовых взаимоотношений, которые Вы узнали теперь. Мы говорили и об условиях быта, и нам было вдвойне ценно Ваше свидетельство, так как Вы могли сравнивать сегодняшнее свое положение с недалеким прошлым — при режиме Ли Сын Мана. Новое во всех отношениях воодушевляло Вас и порождало ту большую, я сказал бы, раскованную активность, которая помогла Вам найти свое место в жизни и превратиться из безгласного члена феодальной семьи в передовую женщину.

Вы разрешите мне в день праздника Освобождения хотя бы вкратце рассказать читателям этого открытого письма поучительную историю Вашей семьи. Я представляю себе Вашу семью в небольшом городе Хэчжу, строгого и заботливого Вашего отца. Вряд ли он был виноват в том, что условия быта при японской оккупации носили феодальный характер. Колонизаторам было выгодно отгораживать порабощенные нации от современных веяний. Не всякому удавалось вырваться из-под тяжелого морального гнета завоевателей. На их стороне было абсолютистское государство и колониальные законы империализма.

Цой Бок Сен.

Вам пришлось впервые столкнуться с дикими нравами в самую красочную пору Вашей жизни. Вы полюбили человека, умного, обаятельного, молодого, но у него имелся один «крупный грех». Молодой человек был сыном второй жены. Вы сейчас грустно улыбаетесь и пожимаете плечами. Неужели это могло быть препятствием для сближения и любви двух юных сердец? А ведь сколько таких молодых людей даже и сегодня в южной части Кореи считаются неполноценными людьми и вынуждены нести бремя отверженности! Ваш жених уехал учиться в Токио и в письмах поверял Вам свои чувства и мечты. Отец перехватывал большинство из этих писем, уничтожал их. Управляющий Электрической компании, где служил Ваш отец на небольшой должности, решил сыграть на его предрассудках и сделать Вас женой своего сына.

Вас заставляли забыть прежнего жениха, а Вашего отца подкупали благами, которыми может воспользоваться его дочь. Теперь Вы недоуменно улыбаетесь, но следует представить себе Вашего отца, человека, экономившего на единственной лампе и вдруг попавшего в дом, где лампы сверкали, как солнце, а разутым ногам

было так тепло на нагретом электричеством полу.

Ваш отец распродал все свои ценные вещи. Он собирал приданое. Сын управляющего не был плохим человеком. Вы вышли за него замуж, привыкали к нему, отыскивали в нем привлекательные качества. В доме своего отца Вы ходили в европейском платье. В доме отца своего мужа Вам пришлось снова переодеваться в старинные национальные одежды, кланяться гостям в пояс, уходя, пятиться в почтительной позе и, склонив голову, не садиться за стол с мужчинами, подчиняться капризам и злому нраву мачехи своего мужа, бывшей гейши.

Вы рассказали нам, что Вам удалось уйти вместе с мужем из дома его родителей. Если я не ошибаюсь, мачеха приложила к этому свою руку. На новой квартире Вы вздохнули свободней. У Вас появился ребенок. Теперь ему семь лет. Его имя — Цун Кюн. Это он очутился перед нами на пороге и, смущенно потупив глаза, протянул нам свою маленькую, подрагивающую от волнения ручку.

— Ему много пришлось пережить, — предупредили Вы.

Что ж, мы поняли Вас, товарищ Цой Бок Сен. Три года разрушительной, бесчеловечной войны, навязанной Вашему народу империалистами, наложили отпечаток на детские лица. Рано, слишком рано мужали сердца корейских детей. Поэтому у многих из них появилась в характере настороженность, в глазах пытливость и недетская строгость. Свобода добывалась на их глазах. Конечно, мимо детей не могли бесследно пройти все события жестокой борьбы. Я вспоминаю свое поколение, далекие детские годы. Мы тоже пережили немало. Возле нас тоже рвались снаряды. Эти суровые годы вырастили героев, закаленных, как сталь, описанных нашим честным, боевым современником Николаем Островским, книгу которого Вы вслух читали своим ученикам в школе «Манволь».

Надо задумываться над судьбами детей и не оставлять свои сердца равнодушными. Помните, Вы поведали нам свои мысли об этом, об отношении к сиротам и обездоленным, о всем том, что питает нравственные силы педагога в условиях Кэсона, расположенного на самой 38-й параллели. Ведь там почти нет ни одной семьи, которую не разделила бы эта горькая линия.

Разрешите мне привести слова, сказанные Вами тогда:

«Собственное горе заставляет понимать горе других. Имея ребенка, оставшись в войну с ним одна, я поняла не только родительские чувства, но и чувства детей. Когда к нашему городу подошла война — я имею в виду декабрьские бои 1950 года, — мой муж, находившийся в командировке в Сеуле, приехал за мной. Американцы и лисынмановцы кричали: «Подходят китайцы! Они вырезывают всех!». Население насильно выгонялось из домов. Муж рассказал о том, что делается на улицах Сеула. Беженцы спали под открытым небом, поднялись цены на продукты, возникли болезни. Мой ребенок был слаб, и я боялась за его жизнь. Осталась. Муж вынужден был уйти на Юг. Пришли люди с Севера. Пришли китайские добровольцы. Никто никого пальцем не тронул. Новые власти завозили продовольствие, медикаменты, топливо.

Американцы избегали бомбить Кэсон. Но все же провели несколько налетов. В один из них дом, где жила я с ребенком, был разрушен. Я спасла ребенка, прикрыв его своим телом. Снизившийся самолет открыл пулеметный огонь. Я была тяжело ранена. Меня подобрали санитары Корейской Народной армии, выходили, вылечили, позаботились о ребенке. Китайцы, о которых лисынмановцы рассказывали ужасы, дрались за город, умирали в боях, и сейчас мы часто посещаем их братские могилы у сопок и приносим туда цветы.

В войну наш город и окрестные горы буквально обливались кровью. Братские могилы повсюду. Это могилы павших за дело свободы нашей родины, тех, кто любил родину и мечтал о ее независимости и объединении. Разве можно жить разрезанным на две части? Разве можно жить детям без отцов, матерям без детей?»

Я с большим вниманием слушал Ваши слова и постарался поточнее их записать.

Нужно ли говорить на такие темы в праздник Освобождения? Не лучше ли подвести итоги мирного строительства Корейской Народно-Демократической Республики, рассказать о возрожденных городах, восстановленных заводах и шахтах, институтах и школах, библиотеках и театрах?.. Об этом будет много сказано в праздничные дни августа. Мы, советские люди, никогда не забываем трудовых подвигов корейского народа, как никогда не забудем его героизма во время освободительной войны. Нам сродни, близки и ваши радости, и горе, и ваши героика и титанический труд. Кому, как не нам, понимать ваши дела, мысли и чувства!

...Мы познакомились с Вашей матерью. Мы вправе назвать ее по-корейски омони. Ваша омони, товарищ Цой Бок Сен, — умная, хорошая и трудолюбивая женщина. Мы видели чистоту и порядок в Вашем доме, милое лицо Вашей сестренки Ин Сен, которая домывала полы и, видимо, чуточку застеснялась: гости захватили ее врасплох. Ваш младший брат, Чель Хен, коренастый крепыш, сидел за книгами и поздоровался с нами, как взрослый, несмотря на свои неполные шестнадцать лет. Чель Хен без тени застенчивости отвечал на довольно сложные житейские вопросы и проявил себя в беседе как любознательный мальчик, полный чувства собственного достоинства. Ваша омони сумела не только сложить, но и воспитать такую крепкую семью.

Вы и Ваша мать в новой социальной обстановке полностью нашли себя и не можете даже вообразить возврата к прошлому.

— Меня порой волнует мысль о предстоящей встрече с мужем, — сказали Вы. — Сойдемся ли мы теперь с ним взглядами?

Опасения эти серьезны и естественны. Но мне лично кажется, что Вы найдете общий язык с Вашим мужем. И если перенести Ваше личное на более широкую арену, можно надеяться, что Юг и Север сумеют постепенно добиться полного братского взаимопонимания.

В начале письма я говорил о быстром движении времени. К сожалению, над временем не имеют власти даже самые всесильные владыки. После нашей встречи в Кэсоне прошло около четырех месяцев. Тогда была прохладная весна, а сейчас — конец лета. Тогда еще только-только распускались пушистые цветы тиндалле, а сейчас они, наверное, уже давно отцвели, да и мугунхва, вероятно, успела открасоваться в девичьих прическах, и ее розовато-фиолетовые лепестки более щедро осыпают кремнистую почву.

Время не спрашивает ни нас, ни природу. Время даже врачует раны, хотя это свойство времени показалось нам с Вами тогда сомнительным. Есть такие глубокие раны, которых не в состоянии залечить даже всемогущее время. Вы назвали самой глубокой раной всего корейского народа 38-ю параллель. Вряд ли можно даже на секунду не согласиться с Вами. Вы лишены права вернуть отца своему сыну только потому, что этого не хотят люди, прибывшие на вместительных океанских лайнерах в порты корейского Юга.

Почему вон там, на горизонте, стрекотал чужой геликоптер, высадивший двух иноземных офицеров, прилетевших из Сеула? Мы видели эту картину в районе Паньмыньчжона. Мы стояли над долиной, примыкающей к окраине Кэсона, и смотрели на Юг. Туда летели птицы, похожие на стрижей. Вероятно, семя травы, сорвеж, может быть занесено ветром за 38-ю параллель. Почему же люди Кореи разделены этой параллелью и лишены права не только ступить на землю южнее ее, но даже послать на Юг письмо, телеграмму, позвонить по телефону?

Помните, мы внимательно разобрались во всех этих вопросах и ответили на все «почему». Нас было несколько человек — и корейцев и русских. Не думаю, чтобы все мы были поражены слепотой или страдали политическим невежеством.

Нам думается, что придет время и Вашего личного и общенационального счастья, товарищ Цой Бок Сен. Корейский народ найдет пути мирного объединения, без авиабомб, без штыковых схваток.

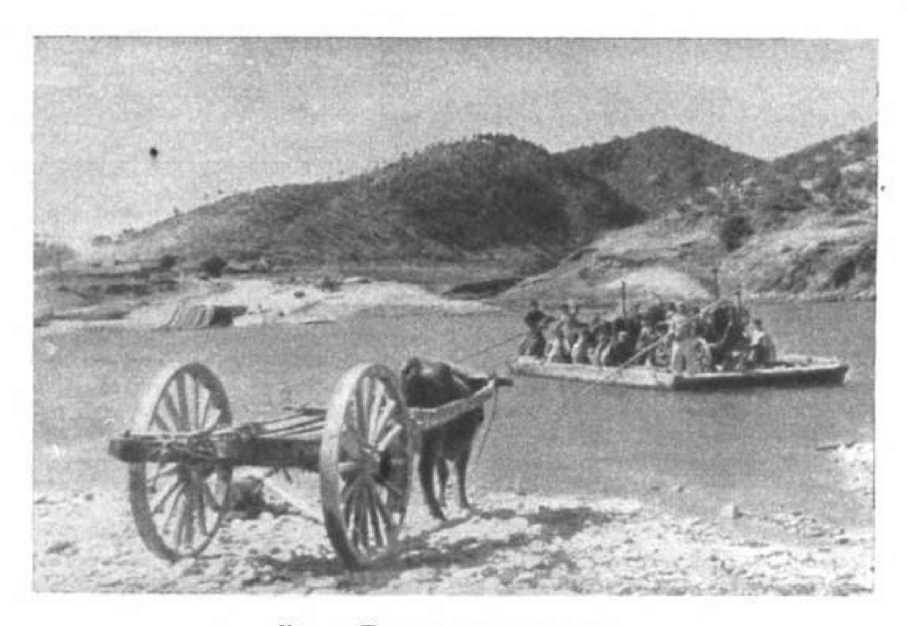
Соберется корейский народ под общую кровлю. Не обойдется, конечно, без обид, без споров. Но недаром мудрый писатель и философ Ен Ан сказал: «Обычно, где любовь, — там и упреки, а где упреки, — там симпатия. Недаром члены одной семьи часто повышают голос друг на друга».

Пусть только уйдут чужие. Пусть кончится трагедия Вашего чудесного, трудолюбивого, умного народа, вынужденного жертвовать трудами и кровью, семейными очагами и радостью детей ради бесчеловечных затей заокеанских пришельцев.

Пусть будет мирное счастье Вашему большому дому, товарищ Цой Бок Сен! Пусть настанет то время, когда день Освобождения будут праздновать и Север и Юг, мирно объединившиеся в границах своего издревле сложившегося государства!

Восстановленный завод химических удобрений в городе Хыннаме.

Корея. Переправа через реку.

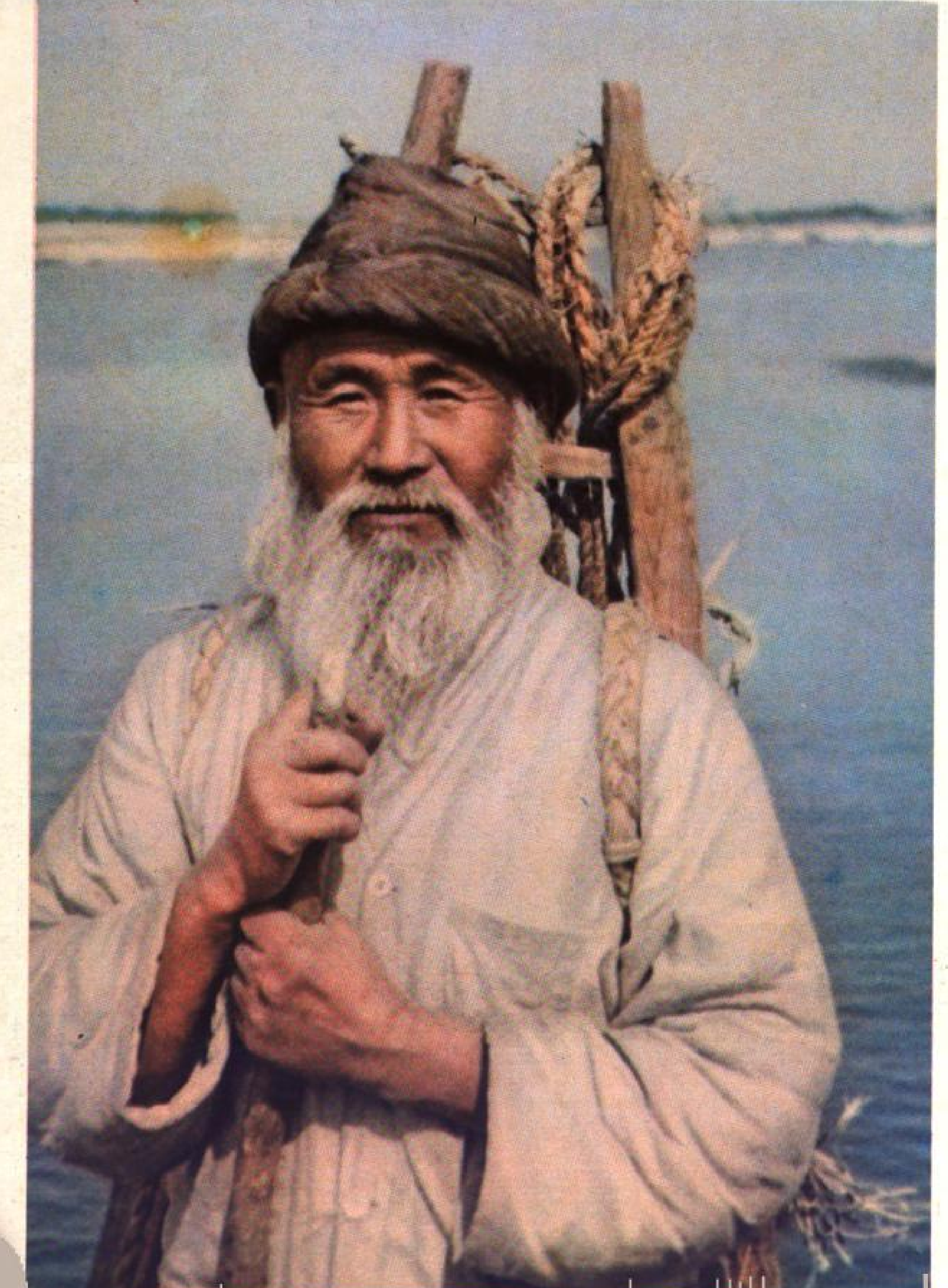
Фото С. Антонова.

В КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.
Фото С. Антонова.

Плотина восстановленной Супхунской ГЭС на реке Амноккан (Ялуцзян) — одной из самых крупных гидроэлектростанций страны.

Алмазные горы — самый живописный район страны.

Новый кинотеатр в Пхеньяне.

Юная кореянка из города Хамхына.

Крестьянин с носилками.

Трудная должность

А. СТАРКОВ

Фото И. Романова.

В городском комитете партии мне сказали:

— Хотите написать о хорошем директоре?.. Что ж, у нас в Ленинграде немало таких. Вот на Кировском умный, толковый руководитель. Часто, говорите, пишут об этом заводе?.. Не удивительно: это наша гордость. Но, пожалуйста, берите другого директора. На «Светлане» неплохой хозяйственник, на заводе имени Ленина... Знаете что, поезжайте-ка на Васильевский остров, к Сафьянцу Ивану Иосифовичу. Он на сталепрокатном имени Молотова. Предприятие передовое, высокой производственной культуры, работает ритмично. Вот уже десять кварталов держит всесоюзное переходящее знамя. И во всем этом большая заслуга Сафьянца. Он там десять лет директором. Кстати сказать, воспитанник Кировского завода. Был мастером, сменным инженером, начальником мартеновского цеха, главным металлургом... Боевой, энергичный работник. Впрочем, поезжайте на Васильевский и судите сами.

I

Первое знакомство с Сафьянцем. Вид у него не директорский, скорее, я бы сказал, спортивный. Худой, поджарый, жилистый. Так выглядят бегуны на дальние дистанции. Мое появление нарушает планы директора на этот, только начинающийся день. И потому договариваемся, что я пока просто посижу у него в кабинете, послушаю разговоры, понаблюдаю. «Но вы должны забыть о моем существовании»,— говорю я. «Хорошо,— смеется Сафьянц,— уже забыл».

Почти до самого обеда директор был занят с цеховыми «треугольниками». К нему приходили по трое: начальник цеха, секретарь партбюро, предцехкома. На заводе заканчивался пересмотр окладов мастеров и начальников участков. Получать они теперь будут больше, и делается это по решению правительства. Но не только заработок повышается, шире становятся и права. Мастер может ныне людей принимать на работу, а нерадивых, нарушающих дисциплину, снимать с работы. Может назначать тарифные разряды и даже премировать отличившихся из фонда, который специально выделяется в его распоряжение. Большие права!

Руководители цехов подготовили проекты новых окладов, и сейчас директор, прежде чем подписать приказ по заводу, рассматривал каждое предложение в отдельности. Для этого надо знать людей, о которых идет речь. И он, кажется, знает их. Начальник отдела кадров, тоже присутствующий здесь, прихватил с собой на всякий случай папки с личными делами. Но лишь раз потребовалась директору одна из таких папочек... Я прислушиваюсь к этому разговору, и реплики, замечания Сафьянца говорят мне не только о мастерах, но и о нем самом.

— ...Дулина вы верно выделяете. Я за высший оклад Степану Дмитриевичу. Поищите-ка второго такого прокатчика... И молодец, что выгнал того лодыря. Сколько мы возились с ним, уговаривали, предупреждали. А получил мастер право — и быстро разделался с бездельником. Приходил тот ко мне на прием. Трезвый. Жаловался на Дулина. Кто, мол, разрешил мастеру самовольничать, людей увольнять? Не самовольничать, объяснил я ему, а порядок наводить. Правительство разрешило.

...Э-э, а вот тут вы, братцы, неправы. Так будет несправедливо. Крутову и Ложкину устанавливаете одинаковые оклады. У Крутова — шесть классов. У Ложкина — девять, и на курсах учится. Давайте увеличим ему ставку... Надо поддерживать стремление людей к учебе. В пружинном у нас все мастера — или инженеры, или техники. Вот так бы везде...

...Суглобова? Что это за Суглобова? На участке средних канатов? Почему же я ее не помню?

— Худенькая такая, Иван Иосифович, блондинка.

— Нет, не знаю. Алексей Аркадьевич,— обращается Сафьянц к начальнику отдела кадров,— покажите, пожалуйста, ее личное дело. Может быть, я по карточке вспомню. А не вспомню, хоть на лицо взгляну.

Берет в руки фотографию и сразу:

— О, так это ж Кира! Так бы и сказали. Я ее не как Суглобову, а как Киру знаю. Эту девушку пора и в технологи двигать.

...Соколов? Михаил Николаич? Встретил я его вчера в цехе. Ворчит старина. «Хожу, говорит, как неприкаянный. Зовусь старшим мастером, а определенного дела нет. То к технике безопасности приставят, то к технической учебе, то еще куда приткнут. И старухе-то своей не могу объяснить, что я нынче в цехе». Неужели вы, Роман Степаныч, не можете подобрать старому, заслуженному мастеру работу, которая была бы ему по душе? Я понимаю, производственный участок он уже, пожалуй, не потянет. А полуфабрикаты? Почему не отдать складскую площадку под начало Соколову? Я как сказал ему об этом, у него даже глаза загорелись. «Вот это, говорит, по мне!» И сразу начал строить планы, что и как там надо переделать. Он ведь из боцманов, знаете вы об этом? Он вам корабельный порядочек наведет...

После обеденного перерыва Сафьянц долго говорил с Москвой, с заместителем министра, потом поехал в обком партии, оттуда в Горный институт. Вернувшись, ходил по цехам. И встретиться с ним мы смогли только вечером. Разговор начался с утренней темы, с мастеров.

— Мастерá,— говорил Сафьянц, вышагивая по кабинету.— Мастерá... Бог мой, сколько о них написано и сказано, сколько лозунгов напечатано! А по существу, только сейчас сделаны реальные шаги, чтобы поднять, возвысить мастера, вооружить его правами... Что получалось? Оказывались мы Иванами, не помнящими родства.— Иван Иосифович улыбнулся.— Я, во всяком случае, был таковым. Ведь побывал я в свое время в шкуре мастера? Побывал. Сетовал на несправедливость, на то, что мастер лишен прав, кроме права подписать наряд? Сетовал, даже негодовал. А большинство моих нынешних коллег? Тоже испытали такое. Но как становились мы начальниками, директорами, быстренько обо всем этом забывали. И жизнь била нас.

Вот смотрите. Я тут директором без малого десять лет. А завод только четвертый год работает ритмично, по строгому графику. Но мне-то с первых шагов хотелось этого. Выходит, потребовалось шесть лет, чтобы желаемое стало действительным. Вы можете спросить, какое это имеет отношение к разговору о мастерах. Самое прямое.

В пятьдесят втором году я серьезно заболел. Три месяца не был на заводе. Когда возвратился, взглянул на все свежими, отдохнувшими глазами. Взглянул, как посторонний. И ужаснулся, хотя за время моего отсутствия ничего не изменилось, дело не ухудшилось. Телега шла с тем же скрипом, только прежде мои уши, видимо, звука этого не слышали, привыкли. Сейчас он резал слух. План завод выполнял, но так, как выполняли и теперь еще его выполняют многие заводы. Штурм, натиск, аврал в конце месяца, в конце квартала, в конце года. Ни ритма, ни графика. А в моих старых приказах, которые я перечитал, не раз говорилось и о ритме и о графике. В чем же дело?

Решил я месяц пожить в цехах... Месяц не являлся к себе в кабинет. Текущими директорскими делами занимался главный инженер. Я сидел в цехах, изучал положение. И помогала мне большая группа коммунистов, выделенных партийным комитетом. Глубоко мы копнули. Посмотрели прежде всего, как у нас с материально-техническим обеспечением. Считается, что раз с этим благополучно, то уже созданы условия для ритмичности. Это не совсем так. Ясно, что без твердых запасов металла, топлива, инструмента, вспомогательных материалов жить заводу нельзя. Но бывает, что склады ломятся от запасов, а ритма нет. Так и у нас: перебоев в снабжении цехов не было, и все же половина месячной продукции выпускалась в последней декаде. Возможно, что оборудование держит: устарело. Проверили цех за цехом, участок за участком, пролет за пролетом. Техника есть, и техника неплохая. Так что же бьет нас? Почему не можем войти в ритм?

И вот мои товарищи из бригады парткома обращают внимание на следующее обстоятельство. Месячный график, который спускается из заводоуправления в цех, директор, как правило, подписывает 4, 5 или даже 6-го числа. Значит, на места этот график поступает, когда план должен быть уже «в ходу», когда уже заканчивается первая декада. И значит? Значит, почти всю эту декаду руководство цеха, его службы работают вслепую. Когда же график доходит до начальника участка, до мастера? Он до них и вовсе не добирается. Он остается или в столе начальника цеха, или, в лучшем случае, в столе начальника планово-распорядительного бюро. А они командуют участками, которые своих графиков не имеют. И если службы цеха действуют вслепую первую декаду, то участки целый месяц тычутся впотьмах. А в общем-то весь цех, как малярийный больной: то в жар, то в холод бросит.

В приказах же директора: ритм, даешь ритм! Но к кому обращены эти приказы? Я еще раз перечитал их. И ни в одном не нашел обращения к мастерам. Директор взывал только к начальникам цехов и отделов, только с этих работников требовал взыска... Вот тут мы и докопались до собаки, которая была зарыта. До ответственности, вернее, полного отсутствия ответственности наших младших командиров производства за ритм, за график, за всю работу участка. У них не было ни прав, ни долга. Они не имели права вносить свои поправки в график. Но они и не отвечали за его выполнение. Мы превратили их в нарядчиков, табельщиков, учетчиков, в кого угодно, только не в командиров.

Нет, все это нужно было ломать. И первое — отказаться от месячных графиков, которые разрабатываются в заводоуправлении, в кабинете начальника производства, а затем подписываются директором. Такой документ — мертвая бумажка. Цех должен получать числа 24-го, не позже, проект плана на следующий месяц, чтобы все службы, все начальники участков, все мастера могли заранее ознакомиться с этим проектом и внести свои предложения. Потом он возвращается в заводскую контору, и директор подписывает его не позже 29-го числа с учетом всех внесенных на местах поправок. Это с планом.

А график нужен не месячный — недельный. И рождаться он должен на участке! Там, где его и выполнять... Мастер, зная теперь месячный план, имея перед собой перспективу, учитывая все свои резервы и заделы, составляет в четверг график на предстоящую

неделю. В пятницу появляется цеховой график, который вбирает в себя участковые. А в субботу директор подписывает заводской. График — закон, и раньше всех отвечает за его выполнение мастер, автор графика, хозяин графика, главный герой в нашей борьбе за ритм...

И теперь, когда ритм стал для нас воздухом, той питательной средой, без которой жизнь уже невозможна, когда каждую декаду каждого месяца мы выполняем 33 с соответствующими сотыми и тысячными процента месячной программы, иногда спрашиваешь себя: а неужели было время, когда мы работали иначе?

Было. Работали... Работали «с мордой, упершейся вниз». Так, кажется, у Маяковского? Как же было руководителям цехов оторвать глаза от грешной земли, если наши люди погрязали в текучке, в заботах дня: программа горит!.. Возьмите канатный. Трясло его и качало. И до поисков ли, до экспериментов было канатчикам? Не до жиру, быть бы живу, дать хоть бы вал... Сейчас для них и вал, и товар, и ассортимент не проблема. Они берут вглубь. Стране нужно много канатов. Поднять их стойкость — уменьшить потребность страны в этой продукции. Вот проблема! Искать новые виды смазки, вести опыты по снятию излишнего внутреннего напряжения в прядях... Теперь есть время для таких исканий, для таких опытов.

А ваш покорный слуга? С ужасом, с трепетом душевным вспоминаю я о той поре, когда график висел надо мной, как дамоклов меч. Ныне высвободился я от многого того, что держало меня прямо-таки на цепях. Больше не толкач я и не погонщик... Лишь одна треть рабочего времени уходит у меня сейчас на оперативные вопросы. А две трети? Две трети посвящены техническому потенциалу завода, загляду в его будущее. Завод не может долго работать «впритирку», с техникой, которая только-только соответствует его сегодняшним нуждам. Технический потенциал завода, его возможности должны быть гораздо выше его текущих задач. Заводу нужно свободное дыхание, разгон. Судите сами. 31 декабря у предприятия один план, требующий определенного уровня, определенного ритма. А 2 января, в первый трудовой день нового года, он работает уже по новому плану, конечно же, увеличенному. Другой уровень, другой ритм. Нужен подъем, рывок. Весь год завод в разбеге, в подготовке к подъему... Что сейчас определяет потенциал завода? Это новые отжигательные печи в холодной прокатке и в сталепроволочном. Это новые лентопрокатные станы. Это обводные аппараты... Все это — завтрашний день завода, его будущее.

Все сильнее нуждаемся мы в связях с наукой. Вот ездил в Горный. Уже и в петрографию залезли, в науку о минералах... Завтра встреча с профессорами из Консерватории. Будут консультировать по поводу фортепьянной проволоки, которую начали мы осваивать... С четырнадцатью институтами у нас договоры. Каждый день в любом цехе встретите ученых. Но у меня есть по этому поводу одно соображение. Хочу поделиться с вами. Понимаете, это хорошо — договоры, связь и прочее. Но тут и свет и тени. Ученые со стороны тратят очень уж много времени на освоение проблемы, которая нас волнует. Они не торопятся. А кроме того, они плоховато иной раз знают производство, особенно теоретики... Есть у меня мечта. Хотелось бы, чтобы мои директорские права, теперь достаточно широкие, дополнились еще одним. Правом держать в штатах завода — да, да, в штатах — своих ученых-теоретиков. Небольшую оперативную группу, не пришельцев со стороны, а годами работающих на заводе и глубоко вникших в производство. Кто нам нужен? Математик, физик, химик, теплотехник. Человек пять — шесть. Я бы назвал их «мозговым центром» завода. Затраты? Эти затраты окупятся. Окупятся и в прямом смысле и в более широком, я бы сказал, в государственном... Вот сейчас приехал к нам математик из Киева. Вызвали в связи с нашими работами по канатам. Говорит, что ему нужно не меньше месяца, чтобы вникнуть в суть этой работы. А был бы на заводе свой человек, владеющий математическим анализом и знающий производство... Ему бы и недели было достаточно для тех расчетов, которые нам необходимы. Я за договоры, за дружбу с институтами. Но я и за своих, штатных ученых!..

...Засиделись мы с Иваном Иосифовичем допоздна.

— Пожалуй, хватит сегодня,— говорит Сафьянц.— Вы где остановились? На Моховой? Я вас подброшу.

Только мы выехали из заводских ворот, как Иван Иосифович попросил вдруг шофера остановить машину, открыл дверцу и окликнул кого-то:

— Вениамин Иваныч!

К машине подошел худощавый молодой человек.

— Что это вы так поздно? Вам как будто к Дворцу труда? Садитесь.

В пути Сафьянц знакомит нас. Это Митусов, начальник ОТК сталепроволочного цеха.

— Так чего же вы полуночничаете на заводе? — снова спрашивает Сафьянц.

— В библиотеке занимался.

— А-а... У вас ведь экзамены на носу, в институте-то. Ну, как дела у всей вашей компании? Как Капустин? Как Юра Федоров?

— Пыхтим, Иван Иосифович. Меня вот начерталка душит.

— Начертательная геометрия? Так это ж мой конек был в студенческие годы.— В голосе Сафьянца почудилось мне что-то задумчивое, грустноватое.— Да-а, с удовольствием бы я сейчас положил перед собой кусок ватмана... Знаете что,— оживляется он сразу.— Приходите ко мне завтра пораньше, часа за полтора до работы. Почертим, а? Может, в чем и смогу помочь. Стариной тряхну... И, кстати, от биологии будет мне передышка. Дочка биофак, понимаете, заканчивает, готовится к государственным. И все эти дни на мне свои знания проверяет. Я у нее вроде подопытного кролика... Ну, так как, Вениамин, придете завтра утречком? Обязательно приходите! Буду ждать...

II

Нет ли у директора Сафьянца своих «любимчиков» на заводе, людей, которых он приблизил к себе и к которым прислушивается больше, чем к кому-либо другому, не потому, что они умней или опытней иных, а потому, что умеют во-время улыбнуться, угодить ему, директору?

Кажется, пристрастия к подхалимам Иван Иосифович не питает и работников оценивает объективно. Хотя я слышал не раз:

— К молодому Федорову наш директор неравнодушен. И к Вакуленко...

Действительно, я наблюдал: стоит только Сафьянцу заговорить о начальнике канатного цеха Федорове или начальнике участка Вакуленко, как глаза у него теплеют.

Как-то рассказывал мне Иван Иосифович о начальниках цехов, давал каждому характеристику.

— Серебряков Сергей Васильевич из горячепрокатного. Старая гвардия. 30 лет на заводе. Слесарем был, кончил рабфак, институт. Человек предельно ясный, без штучек, без хитростей. Иногда даже слишком прямой. Специалист отменный. Прокатное оборудование знает, как никто на заводе. И за литературой следит так, что за ним не угонишься. Пробовал я, вычитав что-нибудь в журнале, удивить его технической новинкой. Куда там, уже в курсе, уже у себя собирается использовать... Кулешов Роман Степанович, начальник сталепроволочного. Тоже грамотный, знающий инженер, но несколько себя переоценивающий. Считает, что он лишь один работает в цехе, так сказать, на полную мощность. Грубоват с людьми...

Наверно, я в этот момент улыбнулся, и Сафьянц недоуменно взглянул на меня. А улыбнулся я невольно, вспомнив рассказ о том, как Иван Иосифович на одном из совещаний отчитывал Кулешова. «Вы бываете невежливы с подчиненными,— упрекал директор начальника цеха.— Часто голос повышаете на людей. От вас можно услышать грубое слово. У кого вы учитесь этому?» И Кулешов, спокойно глядя ему в глаза, отчеканил: «В некоторой степени у вас, Иван Иосифович». Все присутствовавшие на совещании переглянулись. Кто-то шепнул на ухо соседу, но так, что это было слышно и другим: «Сейчас он ему выдаст». Но Сафьянц «не выдал». Грозные искорки метнулись в его темных глазах, но он произнес сдержанно: «Я стараюсь избавиться от этого своего серьезного недостатка. И вам советую...»

Вот что мне вспомнилось. Тем временем Иван Иосифович продолжал:

— В цехе крепежных изделий — Михал Михалыч Федоров. Он тут, как и Серебряков, старожил, еще гвоздильное производство застал. Большой знаток технологии. Постоянно приглашают на консультации то в министерство, то на другие заводы. И есть еще один Федоров,— в голосе Ивана Иосифовича появилась мягкая, нежная нотка,— Юра... Юрий Николаевич,— поправился он,— начальник канатного.

Юрию Николаевичу Федорову 27 лет. Он годится в сыновья и Сафьянцу, и главному инженеру Дружкову, да и большинству начальников цехов. Во время войны, когда Сафьянц лил в Челябинске броню для танков, а Дружков шел с артиллерийским полком по фронтовым дорогам, нынешний начальник канатного бегал в школу в одном из башкирских сел. Там он жил с матерью, вывезшей двух своих мальчишек-близнецов из осажденного Ленинграда... В тот год, когда Иван Иосифович был назначен директором завода имени Молотова, семнадцатилетний Юра Федоров, учащийся Ленинградского индустриального техникума, проходил на этом заводе первую свою практику. И последующие годы видели его в цехах в качестве практиканта. Он тут, в канатном, и дипломный проект готовил. К нему, к Юрию, привыкли в цехе, и когда он появился с дипломом техника, его все еще продолжали считать практикантом.

Казалось, этому тихому, застенчивому юноше больше пристало сидеть где-нибудь в лаборатории за анализами или в конструкторском бюро над чертежами. Но он превосходно чувствовал себя и среди этих стучащих, грохочущих, лязгающих машин, которые заплетают стальную проволоку в пряди, а из прядей вьют канаты. Как-то незаметно он вышел из поммастеров в мастера, а потом и в начальники участка. Это слово «начальник» не шло к нему. Уж больно молодо выглядел, даже моложе своих 22 лет. Однажды товарищ, приезжавший из главка, принял его за ученика. Впрочем, не очень солидная внешность не мешала начальнику участка Федорову разумно и твердо вести дело. А главное, без шума, без крика, без биения в грудь, к чему так склонен был И. — тогдашний начальник канатного.

Цех лихорадило. Он медленно, туже других втягивался в ритм, в график, который уже начал подчинять себе всю заводскую жизнь. На совещаниях, на диспетчерских перекличках, везде И. предъявлял претензии, жаловался, негодовал. То сталепроволочный не обеспечил его полуфабрикатами, то транспортный не вывез

Иван Иосифович Сафьянц.

во-время готовую продукцию, то технический отдел задержал документацию. И в каждом отдельном случае И. был прав. Но вот заготовки на месте, транспорт не подводит, чертежи спущены. А цех все же выбивается из графика.

Сафьянц как директор старался поставить канатный в наиболее выгодные условия, шел иногда даже на ущемление интересов других цехов, лишь бы вытянуть этот, гирей висевший на ногах. Но тщетно. Дела у И. катились под гору. Зато он обладал удивительной способностью мгновенно козырнуть объективной причиной, которая полностью оправдывает его в данный конкретный момент... Иван Иосифович сам когда-то выдвинул этого человека. Теперь неприятно было признаваться в собственной ошибке. И при всей своей горячности Сафьянц какое-то время терпел незадачливого работника. Пытался помогать ему. Но все больше и больше убеждался в его, как принято говорить в армии, «служебном несоответствии». В интересах дела нужно было кем-то заменить И. Но кем? Можно найти кандидатуру в самом цехе, можно перевести кого-нибудь из другого цеха или из заводоуправления. Сафьянц перебирал в уме фамилии. Чаще других мелькала: Федоров. Юра Федоров...

Ивану Иосифовичу давно нравился этот молодой техник. Нет-нет, да заглянет к нему на участок. Для успокоения нервов. Побудешь в канатном, весь издергаешься. То там неладно, то тут. А у Федорова порядок, чистота, график. Глазам приятно, настроение поднимается... Вот Федорова бы и в начальники цеха. Но ведь совсем молоденький, справится ли? Одно — участок, к тому же не самый решающий, а другое — цех. Огромный цех, который дает десятую часть всех стальных канатов, выпускаемых в стране. Потянет ли Юра такую махину? Не хочется второй раз ошибиться. Был бы он хоть на пяток лет постарше да выглядел бы чуть посолидней. А так ли уж это обязательно? Вот у И. внешность авторитетная, вполне руководящая внешность. И стаж подходящий. А толку? Выходит, кроме солидности и стажа, что-то еще нужно... Так, значит, Федорова?

Прежде чем поговорить в парткоме, Иван Иосифович решил посоветоваться с Афанасьевым.

Иван Трофимович Афанасьев был секретарем партийного бюро в канатном. И выбирали его в секретари пятнадцать раз. С тридцать седьмого года, с перерывом на войну... На прошлых выборах Иван Трофимович выступил с самоотводом. Доводы были веские. Первый — возраст. Не юноша — шестьдесят второй. На заводе с девятьсот тринадцатого. Мастерские тогда, собственно, были, а не завод, гвозди штамповали. Началась мировая война, на колючую проволоку перешли. Но это уже без Ивана Трофимовича: он был на войне. Под Ковно, под Вильно воевал, в Мазурских болотах тонул. В гражданскую — форсировал Сиваш. Кончились войны, вернулся в Петроград, на завод, оживавший после консервации. Таков первый довод — возраст. А второй — здоровье. Покалечена у Ивана Трофимовича нога. В Отечественную войну он ушел на фронт с ополчением Васильевского острова, был ранен под Павловском. Ходит теперь, сильно прихрамывая, опираясь на толстую суковатую палку. И третий мотив — загрузка на основной работе. Это тоже верно — мастером Афанасьев на самом хлопотном участке, на подготовительном... Выслушали коммунисты своего секретаря и говорят: «Хорошо, Трофимыч, при голосовании учтем». И учли — в пятнадцатый раз выбрали.

Вот с ним, с Трофимычем, и решил посоветоваться Сафьянц. Он знал, что у парторга особое влечение к молодежи. Рассказывают, как в последний год войны, вернувшись из госпиталя на завод, Иван Трофимович принял под командование «полк курносых». То были 250 мальчишек и девчонок, оставшихся без отцов, без матерей и собранных со всех концов города. Их расписали по цехам учениками и поселили в общежитии, оборудованном на втором этаже ремонтного. Там же отвели уголок и Трофимычу, которому поручено было наблюдать за ребятами. Мороки он хватил с ними с избытком. Из цехов шли с жалобами, с обидами на всю эту безотцовщину, которая не очень-то ладила с заводскими порядками. И Трофимыч кого брал под защиту, а кого и строго наказывал, как наказал бы, наверно, отец, если б был жив... Афанасьев всей душой привязался к «курносым», и они полюбили его, шагу не давая ступить одному. Бывало, бредет на костылях по Косой линии, а за ним целый хвост подопечных. Прошло больше десяти лет с того времени, часть этих ребят разлетелась с завода, многие остались, но и те и другие не забывают своего шефа, своего Трофимыча, пишут письма, в гости к нему ходят.

И, конечно же, этот старый коммунист, столь приверженный к молодежи, горой стоящий за нее, одобрил выбор Сафьянца.

— Юрий Николаевич,— сказал он,— не только потянет, но и вытянет.

Подписав приказ о назначении Федорова, Иван Иосифович с некоторым волнением ждал, с чего начнет новый начальник канатного. В цех в этот день Сафьянц не пошел. Утром, сидя у себя в кабинете, он слушал диспетчерскую перекличку. Из динамика доносились хорошо знакомые голоса: грудной, чуточку ленивый бас Серебрякова, резкая, обрывистая речь Кулешова, мягкая, вкрадчивая скороговорка Савенкова из пружинного. «Канатный, докладывайте...» — попросил главный инженер, ведущий перекличку. В динамике послышался не совсем уверенный, срывающийся тенорок: «Вчера недодали десять тонн...» «Вопросы, претензии к цехам и отделам есть?» — спросил ведущий. Обычно вслед за таким обращением канатный выпаливал тысячу жалоб и недовольств. А сейчас последовало: «Вопросов нет. Претензий тоже». Это было совсем неожиданно. У кого-то вырвалось: «Слышь-ка, канатный не жалуется!» Пауза. Затем голос главного инженера: «Канатный, я правильно вас понял? Нет претензий?» И ответ прозвучал твердо и ясно: «Нет».

К концу того же дня Сафьянц встретил на заводском дворе Афанасьева. Ивану Иосифовичу показалось, что парторг в расстроенных чувствах. Он вроде и прихрамывал сильнее, чем всегда.

— Ну как? — спросил Сафьянц.— Как новое начальство?

— ...И мне же первому досталось,— с горечью и словно продолжая уже начатый с кем-то разговор, сказал Трофимыч.

— От кого досталось-то? От Юрия Николаевича?

— От него... Обходил сегодня участки. Начал с нашего, с подготовительного. «Учет, говорит, у вас аховый. Мы должны знать в любую минуту, сколько в цехе какой проволоки. По размерам, по разрывному сопротивлению. Наше производство, говорит, требует аптечного учета. А у вас общие сведения, общие количества. Как же так, говорит, товарищ Афанасьев, вы такой опытный работник, а порядок не уважаете?.. Мы, говорит, все с других спрашиваем, соседей клянем. А в собственном доме что? Давайте с собственного дома и начинать...» Он-то коротко говорил, но смысл такой. И что обидно, Иван Иосифович, ведь не возразишь ему, кругом прав. Вот иду и думаю. И как мастер я в ответе и как секретарь...

— А кажется, не ошиблись мы с тобой, Трофимыч,— сказал Сафьянц.

Не ошиблись! Без крика, без шума, без жалоб и претензий молодой Федоров вместе с людьми, с народом «потянул и вытянул» цех, прежде гирей висевший на ногах, а ныне работающий — применим это не очень оригинальное сравнение,— как отлично выверенные часы.

Выдвижение Федорова было смелым. Но еще смелее выдвинул Сафьянц Ивана Вакуленко.

Этот балтийский морячок — маленький, ладный, веселый — появился в холоднопрокатном сразу после войны. Корабль, на котором он служил, всю блокаду стоял на Неве, неподалеку от завода, и беспрерывно обстреливал невидимые отсюда неприятельские позиции. Отслужив срочную, отвоевав, котельный машинист Иван Вакуленко собирался возвращаться на родную Днепропетровщину. Но молодая его хозяйка, с которой они расписались перед самой демобилизацией, не пожелала покидать невские берега. И днепровец накрепко пришвартовался к Васильевскому острову...

Работы искать не пришлось — работа сама искала его. В райкоме предложили на выбор любой завод. Выбрал сталепрокатный — ближе к дому. А что дело незнакомое, совсем в новинку,— не беда. Принадлежал Иван Романович к тем людским натурам, что к любому делу легко прикипают. В действительности-то им, может, не легче, чем и прочим грешным. Но, во всяком случае, виду не показывают, не ропщут, не хнычут. Вот так и морячок наш. Флага не спустит!.. Прокатного стана и в глаза прежде не видывал, а к валкам в первый же день смело подошел. Словно то не валки были, а хорошо знакомые ему форсунки в котельном отделении корабля.

Полмесяца в подручных, полгода в вальцовщиках, а там и в старшие... И уже всем казалось, что этот разговорчивый, доброжелательный, никогда не унывающий человек давным-давно в цехе. И уже само собой разумелось, что ему поручается наиболее ответственная, сложная работа. Он первым начал катать тонкую лезвийную ленту, которую прежде получали из Швеции. Вакуленко шутил, что у него-де личная заинтересованность в выполнении этого заказа. «Бреюсь-то я безопаской...» Личный же

В канатном цехе (слева направо): старший мастер И. Т. Афанасьев, начальник цеха Ю. Н. Федоров и работница М. Х. Давыдова.

И. И. Сафьянц (в центре) беседует с начальником цеха горячего проката С. В. Серебряковым и сменным мастером С. Д. Дулиным.

интерес — уже как бывший шахтер — соблюдал он, видно, и первым осваивая еще более тонкую, аккумуляторную ленту для угольной промышленности. А потом пришел заказ на ленту наитончайшую, чуть толще папиросной бумаги. Технические требования были исключительные. Принималась она под микроскоп. И первым катал ее тоже Вакуленко.

Вальцовочный участок — решающий в цехе. От того, как он сработает, зависит выполнение программы. Раньше она постоянно висела на волоске: вальцовочный держал ее в напряжении, работая неровно, рывками. А вот характер у начальника участка был как раз удивительно ровный, невозмутимый. Ничто не могло его вывести из состояния полусна. Говорят, он только на рыбной ловле и оживал... Сафьянц, разговаривая с этим человеком, всегда начинал закипать, и чем сильнее он закипал, тем спокойнее тот становился. Иван Иосифович сам не из ангелов, но, пожалуйста, спорьте с ним до хрипоты, ругайтесь — он не обидится. Вот что ему «нож вострый», так это равнодушный тон, холодные глаза.

В тот день из отдела сбыта позвонили, что прокатка опять недодала лезвийной ленты, которую ждет заказчик. Сафьянц в цех. Узнал, что лента была готова еще третьего дня, но почему-то не испытана. А без этого ее нельзя сдавать на склад. Пошел на участок. Действительно, мотки лежат.

— Лента-то готова,— сказал Сафьянц начальнику вальцовочного.

— Готова...

— И до сих пор не испытана.

— Не испытана...

— А должны были испытать еще вчера.

— Вчера...

— Мы ведь не в лесу,— сказал Сафьянц, уже закипая, но еще сдерживаясь.— И вы не эхо...

— Не эхо.

Сафьянц аж задохнулся от гнева. Равнодушие этого человека вывело его из терпения.

— Вы... вы...— начал он.— Я снимаю вас с работы! Немедленно сдайте участок!

— Кому?

В самом деле, кому? Иван Иосифович оглянулся по сторонам и увидел Вакуленко, нагнувшегося над валками.

— Иван Романыч! — крикнул Сафьянц.— Прошу вас...

Вальцовщик подошел, обтирая ветошью замасленные руки.

— Иван Романыч, примите участок... Да, да, сейчас же!

Бывалый, видавший виды морячок стоял в растерянности, но недолго. Старый флотский служака быстро взял в нем верх.

— Есть принять участок! — отчеканил он, вытянувшись по стойке «смирно» и приложив ладонь к козырьку кепчонки. И тут же, круто, по-военному, развернувшись, направился к своему рабочему месту.

Иван Иосифович видел, как Вакуленко подозвал помощника, что-то начал говорить ему: наверно, инструктировал, оставляя за себя. А потом он пошел вдоль всех прокатных станов. Пошел как хозяин, как начальник участка.

— Конечно, не обязательно было вот так, по-чапаевски, выказывать свою власть,— говорил мне Сафьянц, рассказывая об этом эпизоде.— Горячность моя... Можно было в обычном порядке подписать приказ о снятии этого деятеля. Снимать-то его все равно подошла пора. Он уже серьезно мешал делу. Да и в Вакуленко не просто так ткнул я пальцем, не случайно. Подвезло, правда, что он был в дневную смену. Но я его давно держал на примете. Видел, что этот вальцовщик и в мастерах будет хорош. А перемахнул с моей легкой руки прямо в начальники и тоже оказался на месте. Шестой год ведет Иван Романыч участок, и как ведет! В великолепном ритме работает вальцовочный...

III

Я был огорчен, узнав в цехе горячего проката, что сменный мастер Дулин с сегодняшнего дня в отпуске. А мне так хотелось повидаться со Степаном Дмитриевичем! Жаль... Но потом кто-то из вальцовщиков сказал, что в обед видел Дулина в проходной, шел он в завком, собирался еще в отдел кадров зайти. Я отправился по этим следам и разыскал Степана Дмитриевича в заводоуправлении. И вид у него и настроение были отпускные, и он без особого энтузиазма согласился уделить мне полчасика, не больше. Мы нашли свободную комнатенку, заперлись, чтобы никто не мешал, и «полчасика» превратились в полтора. Собеседник мой разохотился, разговорился, и я был рад этому, потому что послушать умного человека всегда приятно и полезно.

Иван Романович Вакуленко.

Прокатчик он потомственный: сын, внук и правнук вальцовщиков. Вырос в Выксе, старом русском городе металлургов. Но в Выксе не работал. Сразу после фабзавуча направили в Москву, на «Серп и молот»... Комсомолец с двадцатого года. Коммунист ленинского призыва. В первый год первой пятилетки поехал в командировку сюда, в Ленинград, на этот завод, который назывался тогда «Красный гвоздильщик». Здесь монтировали прокатный стан.

— Посылали, помню, на три месяца. Но командировочка, как видите, малость затянулась. Я стан и собирал и пускал да так и остался при нем. И нынче при этой машине состою. Она вроде прежняя — станина та же, клети те же,— а вроде и другая, неузнаваемая. Да и весь цех не узнать. На конвейер крючковой обратили внимание? Его и вовсе не было. Всю готовую продукцию, тяжеленные мотки, на горбу оттаскивали. Когда катали шестьдесят тонн в смену, это еще было терпимо. А пошли полтораста — начали задыхаться. Решили ставить разгрузочный конвейер. Но где? В цехе теснотища... Видели, как вышли из положения? Подвеска! Весь груз плывет под потолком и, охлаждаясь, во двор выплывает... Между прочим, когда шла сборка конвейера, была угроза остановки цеха. Монтажники всё тут так разворотили, что катать стало почти невозможно. А мы катали! Программу ведь нам никто не снижал... Горячие были денечки! Директор наш, Иван Иосифович, днями в ту пору из цеха не выходил. Бывало, и в ночную смену оставался до утра.

Вы скажете: а зачем? Нужно ли директору ночевать на заводе? Разве мало у него помощников? Может, если все по косточкам разобрать да по полочкам разложить, то выйдет, наверно, что и необязательно ему, директору, в ночную оставаться. Но в жизни не все этак, знаете, гладенько, по трезвому рассуждению, получается. Хотел бы я на вас посмотреть. В цехе горячка, всё кругом разворочено, программа на ниточке, а вы, директор, спокойненько домой укатываете. А всю эту перестройку вы же как раз и затеяли. Выходит, распоряжение отдал, бумажку, приказ подмахнул, а как прижало — в сторонку. Пусть помощники расхлебывают. Ну, не знаю, как вы, а я с моим характером, будь на месте директора, тоже бы в ночную остался. И еще я вам скажу: мне как-то на душе спокойней становится, когда я в трудную минуту рядом с собой директора вижу...

Он у нас буревой, напорный. И уж техники любитель! А техники нынче в заводе — богато... У нас, в горячепрокатном, автоматика на печи, конвейер. А сейчас вот обводные аппараты. Это целая революция в нашем деле. Наблюдали, как раскаленный пруток из одной клети в другую загоняют? Я говорю «пруток», а ведь он длиной 200 метров. Летит, извиваясь, как змея, и вальцовщик, что тебе заклинатель змей, должен поймать, подхватить его на лету клещами и точно направить в валки. Не каждый циркач-жонглер словчится вот так, как наши вальцовщики. Красиво работают! Но нам бы поменьше такой красоты. Чуть ошибся — ожегся. На новых станах клети расположены гуськом, и там все гораздо проще. Заготовка сама летит из клети в клеть. А на старых, линейных, ее надо все время направлять, поворачивать, обводить. Потому и аппарат называется обводной. И еще его зовут «стальной вальцовщик». Человека должен заменить. Но технически это очень сложная задача. С квадратным профилем проката легче. А у нас овал. Скользит, вывертывается пруток, не поддается машине. Директор наш всю науку, какая только есть в городе, к нам в цех согнал. И математиков и физиков привлек. Целая университетская кафедра прибыла в полном составе. С такой силой, да не управимся!.. Один аппарат почти уже налажен. Вчера весь день с его помощью катали. Благодать!

Это у нас, в горячей прокатке. А в холодной — атом работает. Там прежде бирками ленту маркировали, чтобы один сорт отличить от другого, но бирки отлетали, терялись, и сорта путались. Теперь радиоактивными изотопами метят. И «зарубка» эта уже не исчезнет, хоть ленту и прокатывай, и кислотой трави, и в печи обжигай. В сталепроволочном — жидкое стекло. Это вместо извести при волочении. И пыли у них не стало и скорости на волочильных станках повысились... В канатном — смазка, которая в мороз не стынет, в жару не тает. А без смазки канат не канат, все проволочки в нем, все пряди изотрутся... Вот так везде что-нибудь новое ищут, во всех цехах. И заводилой в тех поисках — директор.

Сильный он инженер! Это мы сразу почувствовали, как Иван Иосифович на завод пришел. Знали, что по образованию и опыту работы он мартенщик. Правда, как главный металлург Кировского завода имел касательство и до прокатного производства. Но такой профиль, как у нас,— тонкая лента, проволока, канаты, пружины, крепёж — был ему в новизну. В новизну, да не во страх. Смело взялся, хватко.

И хозяйственника мы увидели в нем с первых шагов крепкого. Помню, перед самым его приходом появились на заводском дворе электрокары. Новенькие, легкие, быстрые. Так и сновали меж цехов, развозя сырье, готовую продукцию. Но бегать им было трудно. Двор в то время булыжником был покрыт. Вот они и грохотали и тряслись на этой булыге. И уже одна пошла в ремонт, другая. Так он что сделал, новый директор? Он все электрокары приказал на прикол поставить, запретил ими пользоваться. Снова вышли на круг ручные тачки и тележки. Сперва непонятным показалось это решение. Но как начали заводской двор участок за участком огораживать и асфальтом заливать, все стало ясно. По гладенькой дорожке веселее забегали стальные лошадки. Да и двор преобразился...

Все хорошо, но больно круто повел. Мысль, направление у него были верные. Виделось нашему директору предприятие, понимаешь, образцовое. Чтобы ритм. Чтобы техника передовая. А покуда что это был за завод? Горе одно послеблокадное... Куда ни ткнись, этого нет, того недостает. Ни порядка, ни организации!.. А характер нетерпеливый. Охота, чтобы сразу все заиграло. Вот и серчал, раздражался. Казалось ему, что люди в полнакала, в полсилы работают. Были и такие. Но не замечал: большинство о том же, что и он, мечтает и всей душой к этому стремится. Не видел того. Всю работу своих помощников на собственную спину взвалил и на них же сердился, что-де гуляют ручки в брючки... На басовых нотах разговаривал с людьми. А ведь на заводе как? Человека обидели — об этом уже во всех цехах знают. Стали поговаривать, что новый директор, ожегшись на молоке, на воду дует. А горячего он хватил перед войной, когда был назначен директором на арматурный завод. Там у него дела неплохо сперва шли. А потом вышло строжайшее постановление о прогулах, помните? Вот он и пожалел нескольких нужных заводу слесарей, не

отдал их под суд. И был снят с работы за нарушение указа. Разок, значит, слиберальничал, и теперь в другую крайность подался, перекручивает гайку. А так можно и резьбу сорвать.

Месяца через два после прихода Сафьянца на завод было у нас отчетно-выборное партийное собрание. Выбрали мы нового директора в партком. Через год такое же собрание. За это время завод вперед шагнул, получил технику, порядка стало больше. И в том была, понятно, и заслуга директора. Об этом так и говорили коммунисты. Но и досталось ему за грубость, за отрыв от масс. А когда выборы начались — 120 голосов против. Забаллотировали!.. Мы после того собрания восемь раз подряд выбирали его в партком. Так что тот случай — далекое, можно считать, прошлое. Я тогда близко от директора сидел, видел, как что-то дрогнуло в нем, как посерел он. Сами понимаете, каково директору, когда его в партком не выбирают. Слыхал я, что случалось подобное и с некоторыми еще более ответственными работниками...

Целительная это штука — вот такое массовое воздействие коммунистов. Переживал наш Иван Иосифович! Мы видели это. И верили в партийность его души. Верили, что победит в нем рабочий человек, кочегар, которого партия подняла. Никто не отстранился от него, никто не злорадствовал. Все переживали. И он, думаю, чувствовал, ценил это. Ближе стал к людям. Зорче начал к ним приглядываться. И сколько сразу хорошего народа разглядел! Увидел нашего Серебрякова, открытое, честное сердце. Увидел Федоровых, старого и молодого, Вакуленко увидел, Ваню Суряхина в инструменталке, Пашу Варламова у нас в прокатном. Потянулся к людям. И люди к нему.

А потом было так, что всем народом поднялись мы горой за нашего товарища, за директора.

Порекомендовали нам в секретари парткома одного человечка. Человеком не назову. Человек — это звучит гордо. А то был человечишко, мелкая душонка. Ни знаний за плечами, ни профессии настоящей. Зато — номенклатурный работник! Мы этого секретаря надолго запомним. Жил он по принципу, что кругом все подлецы. Никому и ни во что не верил. Не верил, к примеру, что производственную программу можно выполнить честным путем. И всех начальников цехов подозревал в очковтирательстве. Человека с человеком столкнуть, стравить — это он был мастер, это ему было просто в удовольствие. И, скажем, начальники отделов в заводоуправлении, пересcоренные им, уже смотрели друг на друга исподлобья, а потом и вовсе перестали разговаривать, только переписывались. На слово один другому не верил, лишь бумажке, документу.

На коммунистов, чуть не на каждого, секретарь завел карточки. И заносил туда компрометирующие фактики, «темные пятна» из биографии или какое-нибудь «крамольное» словцо, оброненное человеком. В удобный момент секретарь вытаскивал ту карточку, как козырного туза из колоды.

Он и в биографии директора обнаружил «темное пятно». В восемнадцатом, оказывается, году наш Сафьянц, которому было тогда 13 лет, с отцом, матерью и маленькой сестренкой бежал из Карса от нашествия турецких войск. Подозрительно? Вот эту крапленую карту и вытащил секретарь перед отчетно-выборным собранием. Думал, «завалят» теперь коммунисты Сафьянца. Но Сафьянц прошел в партком вторым по числу голосов. А за секретаря был подан один голос, ему же, видать, и принадлежавший...

На моей памяти Сафьянц — девятый директор. Те восемь, до него, пробыли у нас в общей сложности семнадцать лет. А он один — десять. Выходит, ко двору пришелся...

В пятьдесят лет характер трудно переломать. А у Ивана Иосифовича характер — кипяток. Но не злобивый, не злопамятный человек наш директор. Другой к тебе с улыбочкой, с вежливым словцом, а при случае так ущучит, что запищишь. У Сафьянца нет этого. Может вспылить, но и сам резкое слово стерпит. Был у нас с ним один такой шумный разговор. Начал наш цех из графика выбиваться. А причина — вода. Насосная станция была старая, работала с перебоями. А для прокатного стана вода все равно, что влага для дерева. Без охлаждения валки горят. Воды не подадут — стоим, программа летит. И директора что-то не видно в цехе. Обычно он в таких трудных случаях тут как тут. Разберется, порядок наведет. А сейчас кличет всех к себе — начальника цеха, начальника участка, механиков. Возвращались от него красные, в испарине. Но воды попрежнему нехватка. От директорской накачки ее не прибудет.

Дошла и до меня очередь. Зовут к Сафьянцу. Прихожу. «Почему, — спрашивает, — недодали вчера проката?» «А вам,— отвечаю,— известно, почему. Воды не было. И сегодня нет». «План,— говорит,— надо выполнять, есть вода или нет воды». А я: «Чудес не бывает. Займитесь, пожалуйста, насосной станцией». «Вы не учите меня, чем я должен заниматься». «Как знаете,— говорю,— но без воды невозможно». Вот тут он и взорвался. «Без воды, без воды... Я заставлю вас воду ведрами таскать!» «Нет,— говорю,— товарищ директор, это не в вашей власти. Если б завод и лично вам принадлежал, то и тогда не заставили бы. А покуда он государственный, советский...» Повернулся и пошел.

Вернулся в цех, стою у клети, а валков не вижу. Туман перед глазами. Трясет всего. Подручный спрашивает: «Чего это на вас лица нет, Степан Митрич?» «Так,— говорю,— занеможилось чуток, сейчас пройдет». Понемногу отошел. А тут и воду подали... После обеда гляжу, Иван Иосифович в цех пришел. Глазами кого-то поискал, меня увидел — и ко мне. С минуту — другую молча постоял, а потом и говорит: «Ты, Митрич, не серчай, не хотел я тебя обидеть...» И так это по-хорошему как-то сказал, тронул меня за сердце. И уже внутренне себя корю. Тоже ведь хорош, не очень-то вежливо обошелся. «Извини,— говорю,— и ты, Иван Иосифович». Улыбается: «Дипломатические отношения восстановлены. А что касается воды, вода будет с избытком. Примусь я за насосную станцию».

Слово у него твердое. Сказал «примусь» — принялся! Поставили еще один насос, провели в цех дополнительную магистраль. Славно пошла водичка!

Цех холодного проката.

Стояли мы тогда около стана, и увидел я, какие усталые у Ивана Иосифовича глаза. Мы ведь с ним годки, ровесники, а седых волос у него куда поболе. И, знаете, сочувственно как-то стало на душе. У меня что? Прокатный стан, печь, людей полсотни. А у него заводище на плечах. Забота! За программу отвечай, за качество отвечай, за ассортимент — непременно. А ритм, а график? Думаете, это легко далось? За жилье, за быт, за охрану труда тоже ответственность. Палец кому в цехе прищемит — тянут... Из школы звонят — станки нужны в мастерские. Из подшефного района звонок — грузовиков не хватает удобрение возить... Люди идут на прием — выслушай, посоветуй, помоги... А те бессонные ночи в прокатке. А срочные заказы, вне очереди, которые врываются в график. А рекламации, не без них ведь. А... Да что там! Трудная, скажу вам, должность...

* * *

Она и в самом деле не из легких... Я убеждался в том, разговаривая с Иваном Иосифовичем, беседуя с людьми, наблюдая заводскую жизнь. И постепенно вырисовывался передо мной облик директора. Может быть, не все в нем, этом облике, соответствовало представлению об этаком гладеньком, без сучка и задоринки, образцово-показательном руководителе предприятия. Я видел и сучки и задоринки. Видел, как директор иной раз и сорвется и как подправляют его люди, коллектив. Видел, как сложно «вести» завод... Вот об этом — о трудной директорской должности — я и решил написать.

ДВЕ СКАЗКИ

С. МАРШАК

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

СКАЗКА ПРО ЦАРЯ И ПРО САПОЖНИКА

Жили-были грозный царь
И веселый чеботарь.

Грозный царь страною правил.
Чеботарь заплатки ставил.

И жилось чеботарю
Веселее, чем царю.

Царь не ест, не спит спокойно.
У царя пиры да войны.

А сапожник в мастерской
Тянет дратву день-деньской,

Шьет, кроит и ставит латку,
А потом возьмет трехрядку,

Скажет: — Ну-ка, запоем! —
И зальется соловьем.

В пляс пойдут его ребята
Так, что пол трещит дощатый.

Но прослышал государь,
Как беспечен чеботарь.

Издает приказ он краткий:
«Запрещаем класть заплатки

На башмак и на сапог.
Нарушителей — в острог!»

У царя и власть и сила.
Чеботарь припрятал шило,

Дратву, нож и молоток,
Мастерскую — на замок.

И сидит себе на рынке,
Чистит публике ботинки.

До того натрет башмак,
Что блестит он, точно лак.

Царь узнал про эту чистку,
Пишет новую записку:

«С пары чищеных сапог
Троекратный брать налог!»

Чеботарь опять без дела.
Ждать работы надоело,

Взял он в руки два ведра
Да к реке пошел с утра.

Стал он в жаркую погоду
Продавать речную воду.

— Подходи, народ, сюда.
Вот холодная вода!

За копейку выпьешь кружку,
А полкружки за полушку!

Поступил к царю донос:
«Появился водонос.

Воду носит он народу,
А верней, мутит он воду!»

Бородою царь потряс
И велел писать приказ:

«Запрещается народу
Пить в жару сырую воду!»

Сел на камень водонос,
Загрустил, повесил нос.

И жена и дети босы...
— Не пойти ли мне в матросы?

Я и ловок, и силен,
И смекалкой наделен.

Входит он в контору флота.
Говорит: — Служить охота,

То есть плавать по морям,
Нынче здесь, а завтра там!

Видят: парень он здоровый,
Рост приличный, двухметровый.

Взяли малого во флот.
Вот однажды царь плывет

На своей, на царской яхте,
А моряк стоит на вахте.

Вдруг поднялся ураган.
Смыты с борта капитан,

И помощник, и матросы...
Гонит яхту на утесы...

Так и есть! Раздался треск,
А потом зловещий плеск.

Где пробоина? У носа.
Лейтенант зовет матроса:

— Надо, брат, заплату класть,
Чтобы судну не пропасть!

Говорит матрос: — Положим!
Положить заплату можем.

Но, простите, ваша власть
Не велит заплаты класть!..

Царь выходит из каюты
Непричесанный, разутый,

По колено борода,
По колено и вода.

Подзывает он матроса,
Все того же водоноса.

Молит жалобно: — Нырни
Да пробоину заткни.

Награжу тебя чинами,
Галунами, орденами.

Сколько ты воды хлебнешь,
Столько чести наживешь.

За глоток воды студеной —
По медали золоченой!

А матрос царю в ответ:
— Воду пить приказа нет!

Не велели вы народу
Пить в жару сырую воду.

Ну да ладно. Я нырну.
Не идти же нам ко дну...

Только вы уж извините —
Все приказы отмените,

Или каждый ваш приказ
Обернется против вас!

ОРЕХ
Норвежская народная сказка

Герда, старая норвежка,
Рассказала мне о том,
Как сидел внутри орешка
Черт с рогами и хвостом.

Но прибавила старуха:
— Изменился белый свет.
Говорят, ни злого духа,
Ни чертей на свете нет.

Если так, пустые бредни —
Мой старушечий рассказ...
А быть может, черт последний
Был у нас в последний раз!

* * *

Через поле по дороге
Шли ребята в лес.
А навстречу — кривоногий,
Кривоногий, криворогий,
Криворогий, длиннохвостый,
Очень маленького роста
Бес.

Говорит: — Здорово, дети!
Я умнее всех на свете.
Я хитрее всех!
Говорят ребята черту:
— Если правда, что хитер ты,
Заберись в орех.

Бес уткнул в копытца рожки,
Стал немного меньше кошки,
А потом не больше мошки
И залез в орех.
— Вот так черт! — сказали дети.—
Видно, правда, что на свете
Он хитрее всех!

Шла на кузнице работа.
Кузнецы, трудясь до пота,
Раздували мех.
Вдруг ребята прибежали,
Просят: — Дяденьки, нельзя ли
Расколоть орех?

Взял кузнец тяжелый молот,
Стукнул что есть сил.
А орешек не расколот,
Не расколот, не размолот,
Только подскочил.

Говорит отцу со смехом
Молодой кузнец:
— Что, не справишься с орехом?
Перед всем кузнечным цехом
Стыдно нам, отец!

Был кузнец силен и молод,
В руки взял тяжелый молот,
Стукнул и присел.
Пополам расколот
Молот,
А орешек цел!

Что за чушь! Такая злоба
Кузнецов взяла.
Бьют они с размаху оба,
Бьют и вместе и особо —
Скорлупа цела.

Оба лезут вон из кожи...
Подошел к дверям прохожий,
Говорит: — Нельзя ль
Попытать мне счастья тоже?
— Бей! — сказал коваль.

Стукнул парень по ореху
Раз, другой, но без успеха.
— Видно, крепкий сорт...
Что за черт!
И трижды эхо
Повторило: — Черт!

Ну и черт сейчас же вышел
С дымом и огнем.
И никто с тех пор не слышал
Никогда о нем.

В гостях у Лады

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Иозеф Лада.

Недавно мне довелось познакомиться с одним из интереснейших художников современности. Это чехословацкий рисовальщик Иозеф Лада. Творчество Лады так же характерно для Чехии, как книги его друга, чудесного юмориста Ярослава Гашека, как куклы Иозефа Скупы, как остроконечные шатры пражских колоколен, как пильзенское пиво, которое тут пьют по вечерам в кабачках со столетней репутацией.

У Иозефа Лады необычный и, насколько я знаю, никем не повторенный творческий почерк. Его рисунок на первый взгляд грубоват, в нем едва намечены детали, никакой штриховки, никаких полутонов. Но этими нарочито грубоватыми линиями с удивительной выразительностью воспроизведены человеческие образы.

Обложка книги «Народный художник Иозеф Лада».

Собственно, первое знакомство с Ладой произошло еще в юности, когда мы зачитывались «Бравым солдатом Швейком». Кажется, трудно назвать другое издание, в котором писатель и иллюстратор выступали бы так согласно, как бы становясь соавторами. Славный юморист Гашек не мог найти себе в мире искусств лучшего напарника, чем Лада. Листаешь книгу, рассматриваешь рисунки — удивительный калейдоскоп образов — и поражаешься, как это иллюстратору удалось запечатлеть столько разных людей, не повторяясь, находя для каждого свое, индивидуальное, и в то же время обобщая типические черты. Секрет, вероятно, в том, что оба они — и автор и иллюстратор — воплощают в своих работах черты своего талантливого, жизнерадостного народа. И в результате рисунки настолько сливаются с текстом, что, однажды просмотрев их, уже просто невозможно представить себе другого Швейка, другого поручика Лукаша, другого подпоручика Дуба, другого обжору Балоуна, другого сапера Водичку, другого кадета Биглера, другого вольноопределяющегося Марека. Вероятно, поэтому многочисленная поросль, рожденная произведениями этих двух художников: и инсценировки романа, и фильмы, и всяческие пародии, вот уже десятки лет не сходящие со сцены эстрадных площадок и экранов,— почти всегда несет черты творчества и Гашека и Лады.

Недавно в Праге был поставлен кукольный фильм Иржи Трнки, посвященный тому же Швейку. В руках этого волшебника образы Гашека, рисунки Лады ожили, задвигались, приобрели объемность. Теперь уже три мастера, три человека, щедро наделенных народным юмором, из которых каждый в совершенстве владел своим искусством, работали вместе. Маленькие «артисты», сохранявшие условность пропорций и жизненную типичность рисунков Лады, зажили на экране. Основной сюжет играли куклы. Когда же «гениальный балбес» Швейк, обтерев лоб клетчатым платком, начинал свой нивесть какой уже по счету рассказ — «Осмелюсь доложить... был случай...»,— рассказ этот изображали уже не куклы, а движущиеся рисунки, и от этого сам рассказ, отделяясь от главного течения действия, приобретал особую выразительность. Получился слаженный артистический ансамбль, в котором и куклы и рисованные фигурки, как хорошие актеры, не только играли сами, но и усердно «подыгрывали» друг другу.

Вот почему, поднимаясь по лестнице обычного пражского дома, я никак не мог отделаться от странного ощущения, что иду на встречу не только с Иозефом Ладой, но и с Ярославом Гашеком и с Иржи Трнкой.

В жизни Лада оказался точно таким, каким изобразил его Орест Верейский на рисунке, опубликованном в «Огоньке» № 32 за 1955 год. Грузноватый пожилой человек. Гривка белых пушистых и мягких волос. Из-за толстых, очень толстых стекол очков глядят близорукие светлые, добрые глаза, в которых, кажется, живет тот самый неиссякаемый юмор, который позволил художнику нарисовать в своей жизни тысяч двенадцать — пятнадцать рисунков, населив их забавными человечками. В зубах художника старая трубка с белым обкусанным мундштуком. Он не курит, а просто держит ее в зубах и вынимает изо рта лишь тогда, когда хочет что-то сказать или рассмеяться. А смех у него молодой, заразительный.

Вся мастерская Лады завешана и заставлена так, что стен почти не видно. Вот портрет Ярослава Гашека, нарисованный Ладой в условной его манере, необыкновенно живой и, вероятно, похожий. Вот какая-то простецкая сельская мадонна, изображенная в виде пастушки старым крестьянским богомазом на стекле. Вот народные изделия из фаянса. А вот и рисунки самого Лады: сельские пейзажи, жанровые сценки, на которых в бесконечном разнообразии тонко наблюденных черт запечатлен сам народ — трудолюбивый, талантливый, веселый.

Художественная манера Лады, при некоторой ее условности, очень гибка, всегда свежа и эмоциональна. И в иллюстративных рисунках, и в карикатурах, и в многоплановых и многоликих композициях движения людей точны, в каждой позе с удивительным лаконизмом передается характер.

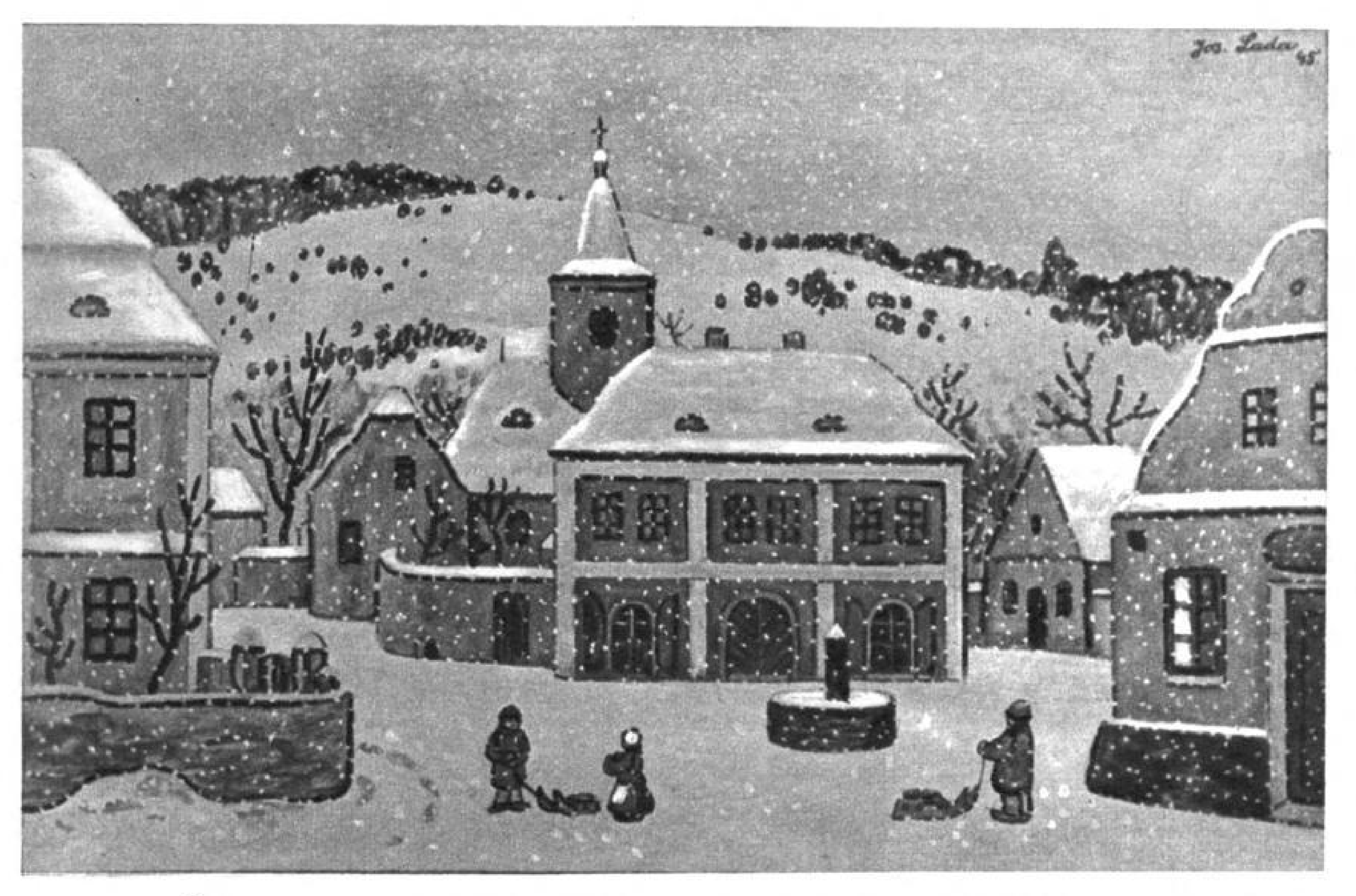
Невольно задумываешься над этой своеобразной манерой: как и откуда она взялась? И начинает

Сцена в сельской корчме.

А вот ее продолжение...

Зима.

казаться, что корни ее уходят вглубь веков, к тем безыменным сельским художникам, что в этих краях изображали когда-то на стенах евангельские сцены, сюжеты былин и сказок, украшая крестьянские дома. И еще кажется, ведут эти корни к бетлемам, которые в некоторых местах Чехии христославы еще и по сей день носят в рождественские дни из дома в дом. Бетлем — запечатленная художниками многолюдная сцена, в которой воспроизведена легенда о рождении Христа. Богородица, волхвы, пастухи, дети, иногда целые народные группы сделаны в виде раскрашенных фигурок, вырезанных из картона. Большие коллекции старых бетлемов, а также рисунки на стекле, хранящиеся в местных музеях, можно рассматривать часами: настолько они многообразны и выразительны. Может быть, от этих сельских художников далекого прошлого Лада и унаследовал

Весенний день в деревне.

свою выразительную манеру? Я высказываю это предположение своему собеседнику. Лада вынимает изо рта трубку и смеется тихим, рассыпчатым смехом:

— Ну, об этом уж судить не мне. Предоставляю полный простор вашей фантазии. Но должен сказать, действительно, с детства я любил рассматривать эти картинки на стекле и эти бетлемы... Я как-то сам не думал над этим, но может быть, может быть...

Он на миг наклоняется над лежащим перед ним листом плотной бумаги, на котором изображена снежная зима в каком-то маленьком чешском городке. Берет кисточку, целый набор которых лежит перед ним, окунает ее в один из горшочков с краской, добавляет на рисунке какие-то новые штрихи и, откинувшись, вопросительно рассматривает их. Потом хмурится, резко стирает то, что добавил, быстро-быстро начинает двигать кисточкой, вновь рассматривает, что получилось, и теперь уже довольно улыбается...

— Я запомнил на всю жизнь людей моей деревни, их жесты, выражения лиц, — задумчиво вспоминает художник. — Многих из этих людей, давно уже умерших, я снова вернул в мир в своих рисунках... Какие это были типы! Каждый «из своего дерева». Один — из твердого граба, другой — из суковатого можжевельника, третий — из благородной липы. Один на другого совсем не похож...

Просматривая папку за папкой рисунков Лады, поражаешься их жизненности. Вот очень сложная по композиции сцена в сельской корчме. Масса фигур, но каждая живет своей жизнью, и у каждой свой характер. А вот продолжение той же сцены, ее логическое, так сказать, завершение: кружки пусты, крупный разговор перешел в драку. И это тоже нарисовано точно и выразительно.

Лада — по натуре своей поэт, влюбленный в родной пейзаж, большой мастер изображать детей. Вот зимний день на горе, где катаются деревенские ребятишки. Рисунок предельно лаконичен, лица сделаны будто по детской прибаутке: точка, точка, запятая — вышла рожица простая. Но вглядитесь в них, и вы увидите, что у каждого из ребятишек, даже у снеговика, которого они сооружают, свое выражение... А вот весенний день где-то в средней Чехии, в сельском краю. Чудесная, поэтическая картина!

Рисунки художника увидишь и над детской кроваткой и на стене в школьном коридоре.

Красивые своеобразные пейзажи Чехословакии, сценки на улицах, в сельских гостиницах — все это проникнуто знанием жизни, любовью к родной природе.

— ...Я хорошо помню, что начал рисовать, когда не ходил еще в школу, — задумчиво вспоминает Лада. — Рисовал я на полях газет, на старых пакетах, в которых отцу-сапожнику приносили в починку обувь, на конвертах от писем или на бумажных мерках, по которым отец шил сапоги... Но первый рисунок, который мне запомнился, был сделан в школе на обложке тетради. Помню, что изобразил мужика, стригущего весной плодовое дерево. Изобразил — и испугался. Учитель выхватил у меня тетрадь, и я уже втянул голову в плечи, ожидая, что на нее сейчас опустится линейка. Был страшно удивлен, когда учитель рассмеялся. Потом, уходя из класса, учитель унес тетрадь для того, чтобы, как он сказал, показать ее кому-то...

— А когда же вы познакомились с Ярославом Гашеком?

— О-о, задолго до того, как мы с ним встретились. Я очень любил его рассказы и фельетоны, всегда хохотал над ними и, помнится, пытался их иллюстрировать, так, для себя... Ну, а по-настоящему мы познакомились с ним уже позже. Я спустился в типографию журнала, где печатались мои рисунки, и вижу, входит туда маленький, румяный, круглоголовый человек с веселым, открытым лицом и просит дать ему какие-то гранки. Метранпаж — а он был сердитый человек, ни перед кем спину не гнул — вдруг сам побежал за корректурой и отдал ее незнакомцу, раскланиваясь и улыбаясь. Я удивился: кто это? Мне ответили: «Как? Вы не знаете? Это же пан Гашек». Мы и познакомились. Это был чудесный человек. Там, где он находился, всегда слышался смех.

Знакомство перешло в дружбу двух художников. Вскоре у писателя умерла жена. Потом он остался без квартиры, без денег. Гашек по очереди жил у всех своих друзей и чаще всего у самого близкого из них, Иозефа Лады.

— Удивительный, удивительный был человек! — мечтательно произносит художник, устремляя глаза к портрету, висящему на стене. — Частенько у нас не было денег, а вечера мы привыкли проводить в кабачках, за разговором, за кружкой пива...

Лада вынимает изо рта трубочку и задумывается, прихлебывая из маленькой чашечки крепкий кофе. Давнее время, далекие дни. В это мгновение он, вероятно, возвращается в веселую свою юность.

Гашек умер в 1923 году. В 1925-м впервые вышло полное издание «Бравого солдата Швейка» с рисунками Иозефа Лады. С тех пор друзья опять идут вместе, рука об руку. Вместе пришли они в театр и в кино.

— Я очень благодарю советских товарищей за прекрасное издание, — говорит художник и обращается к дочери: — Алена, принеси, пожалуйста, эту книгу.

Дочь художника Алена Ладава, красивая молодая женщина, тоже художница, — талантливый иллюстратор детских книг. Она приносит новое советское издание «Швейка», и некоторое время отец и дочь вместе бережно перелистывают страницы.

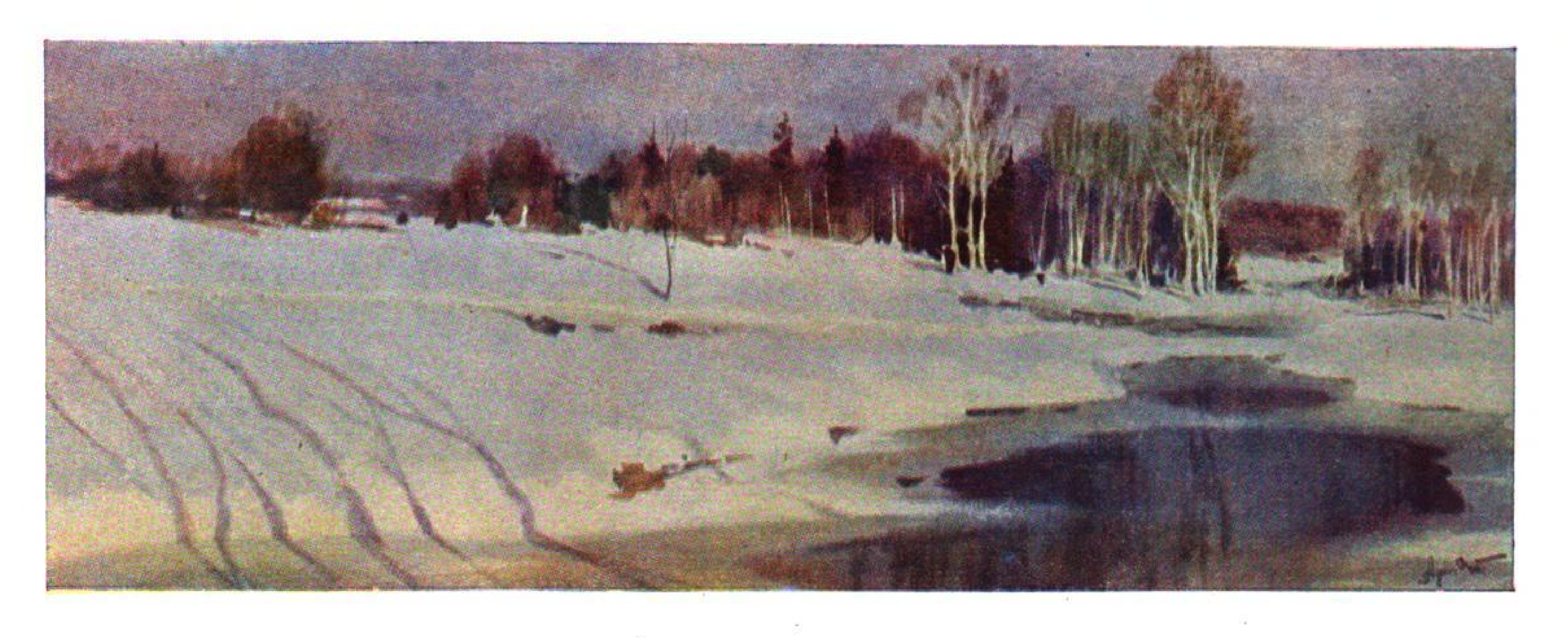
— Как бы порадовался Гашек, если бы знал, что у вас так любят его Швейка! Он всегда очень симпатизировал Советской России, столько рассказывал о ней. Была у него мечта — снова побывать у вас, посмотреть, как вы там все начинаете строить...

Художник расспрашивает о нашем искусстве, о новых выставках, о работе знакомых ему мастеров. Потом мы переходим в мастерскую его дочери. В отличие от студии Лады тут типично женский порядок и чистота. Здесь тоже кругом картины, рисунки, наборы кистей, горшочки с красками. Художница показывает нам иллюстрированные ею книги. У нее более современная манера, но от отца перешла любовь к родной природе, романтика, неистребимое стремление к жизненной точности, придающие и ее веселым рисункам ту народность, которой так богато творчество ее отца.

— Весь человек в том, что он сделал для людей, — говорит Лада, задумчиво перебирая работы дочери. — Красота вянет, доброта забывается, да и ум исчезает вместе с жизнью, если его во что-то не воплотить... Человек остается в делах, в творчестве. Иногда надолго, на века.

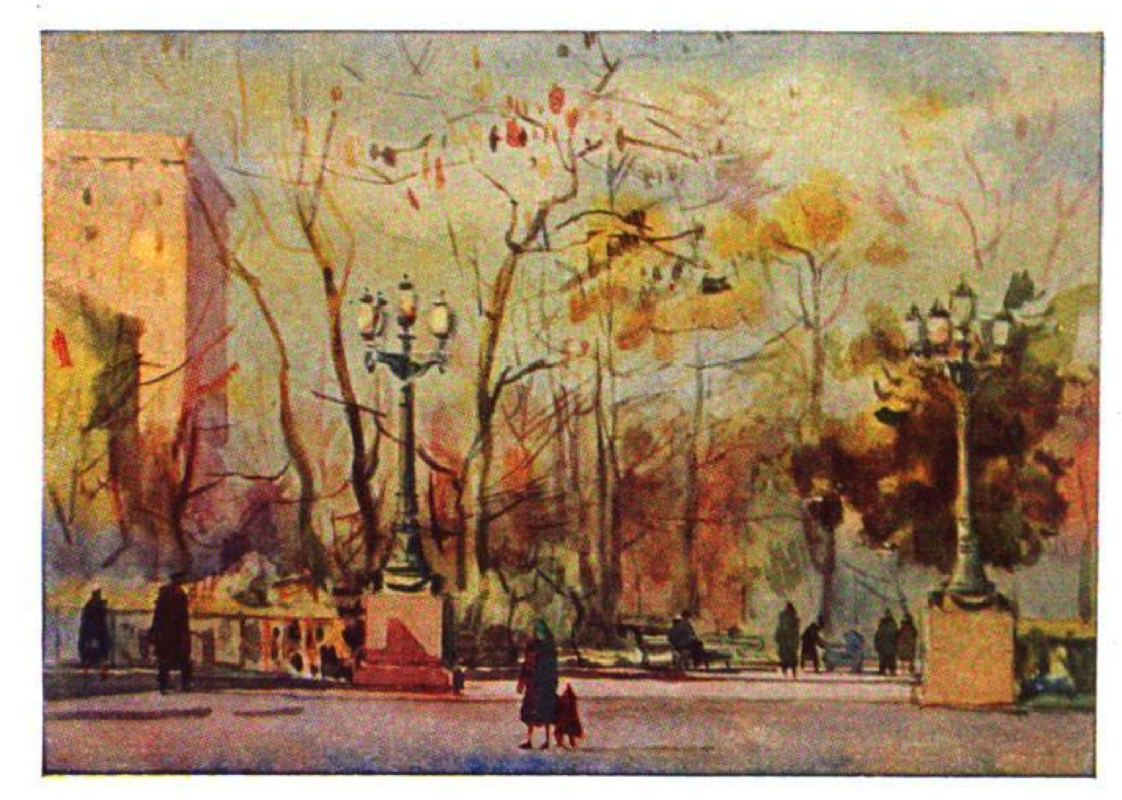
Мы еще долго сидим в мастерской. Новые и новые рисунки вынимаются из старых папок. И все они своеобразны, ни разу не повторены. Перебирая их, невольно думаешь о словах Лады, оброненных как бы вскользь: человек, он весь в делах своих.

Прага.

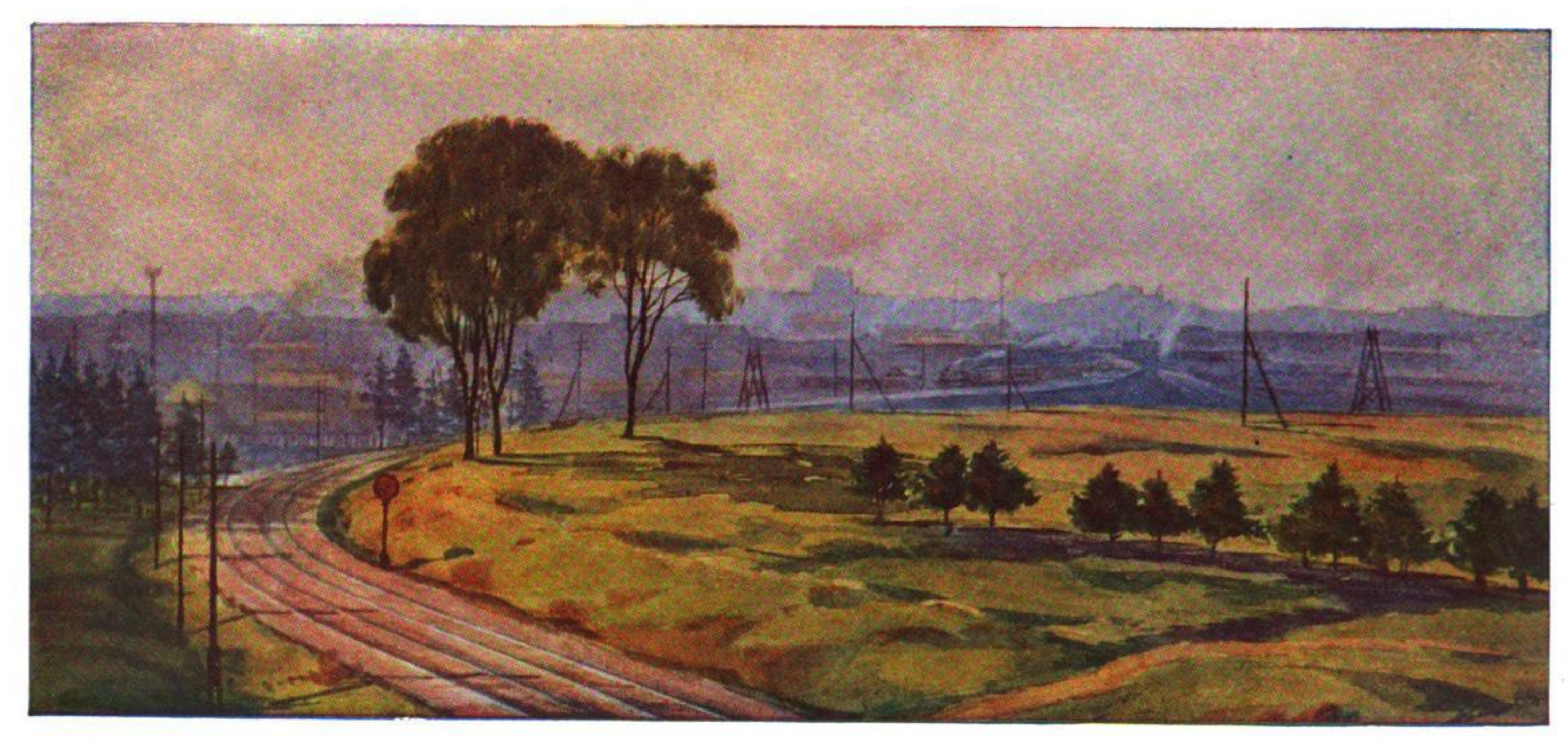
Ю. В. Арндт. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

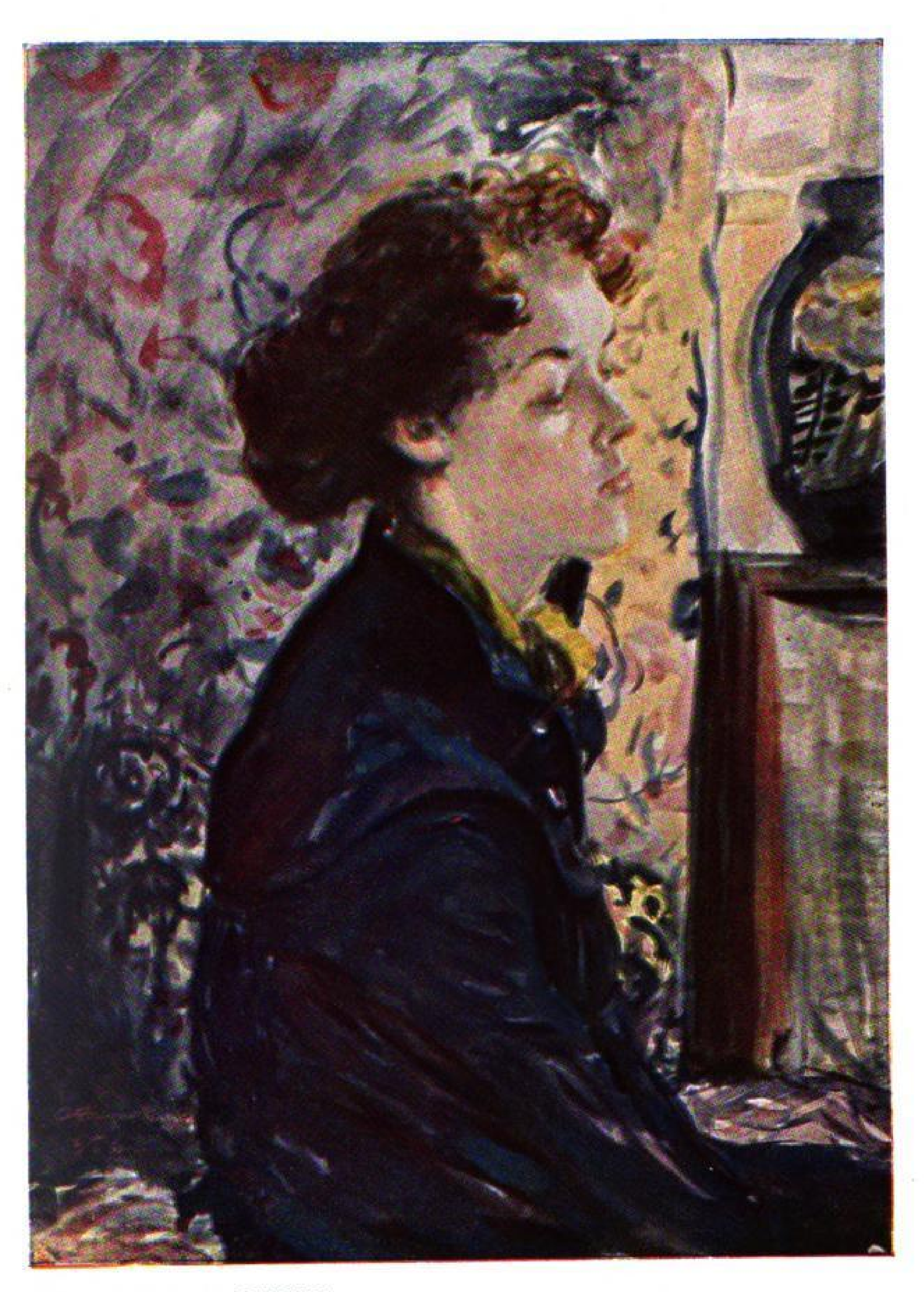
ВТОРАЯ ВЫСТАВКА АКВАРЕЛИ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Г. В. Храпак. БУЛЬВАР ОСЕНЬЮ.

Д. П. Генин. ВДАЛИ МИНСК.

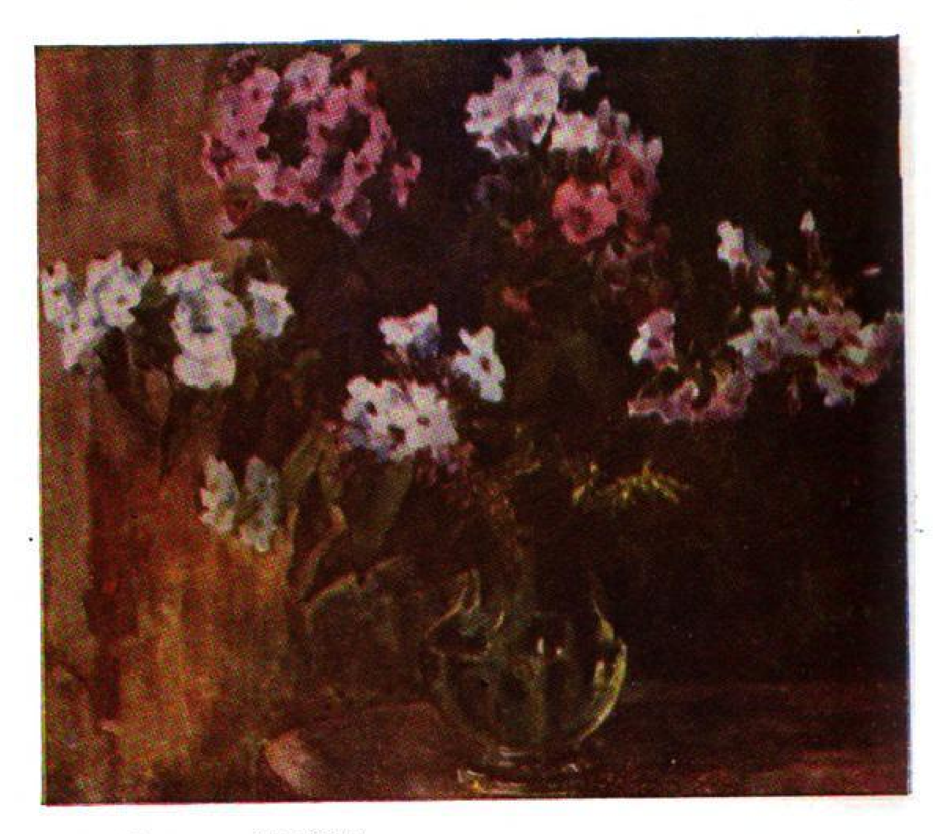

А. Н. **Варновицкая.** ЛЕНОЧКА.

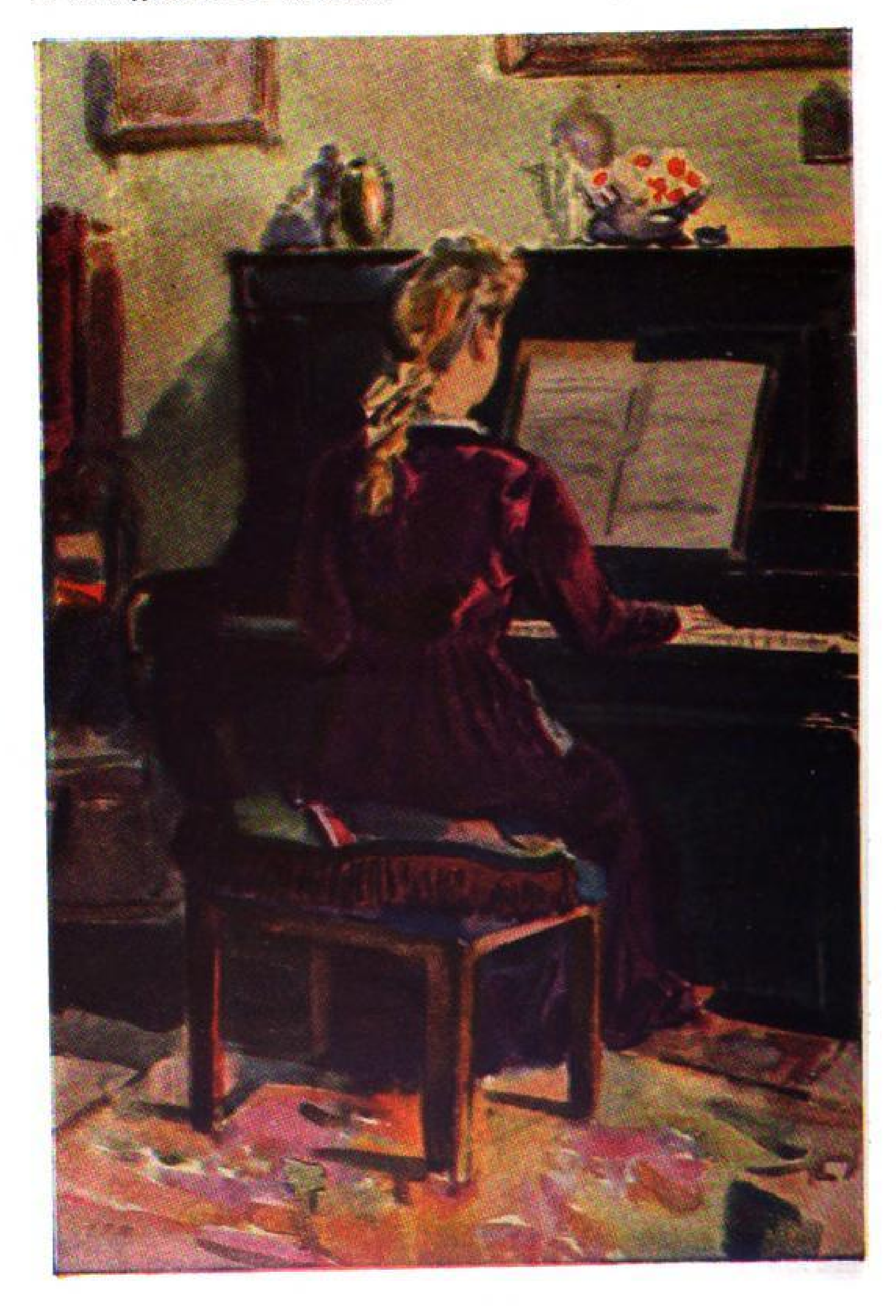

М. А. Миронова. ДОРОХОВО.

Е. С. Абрамова. ФЛОКСЫ.

С. М. Годына. УРОК МУЗЫКИ.

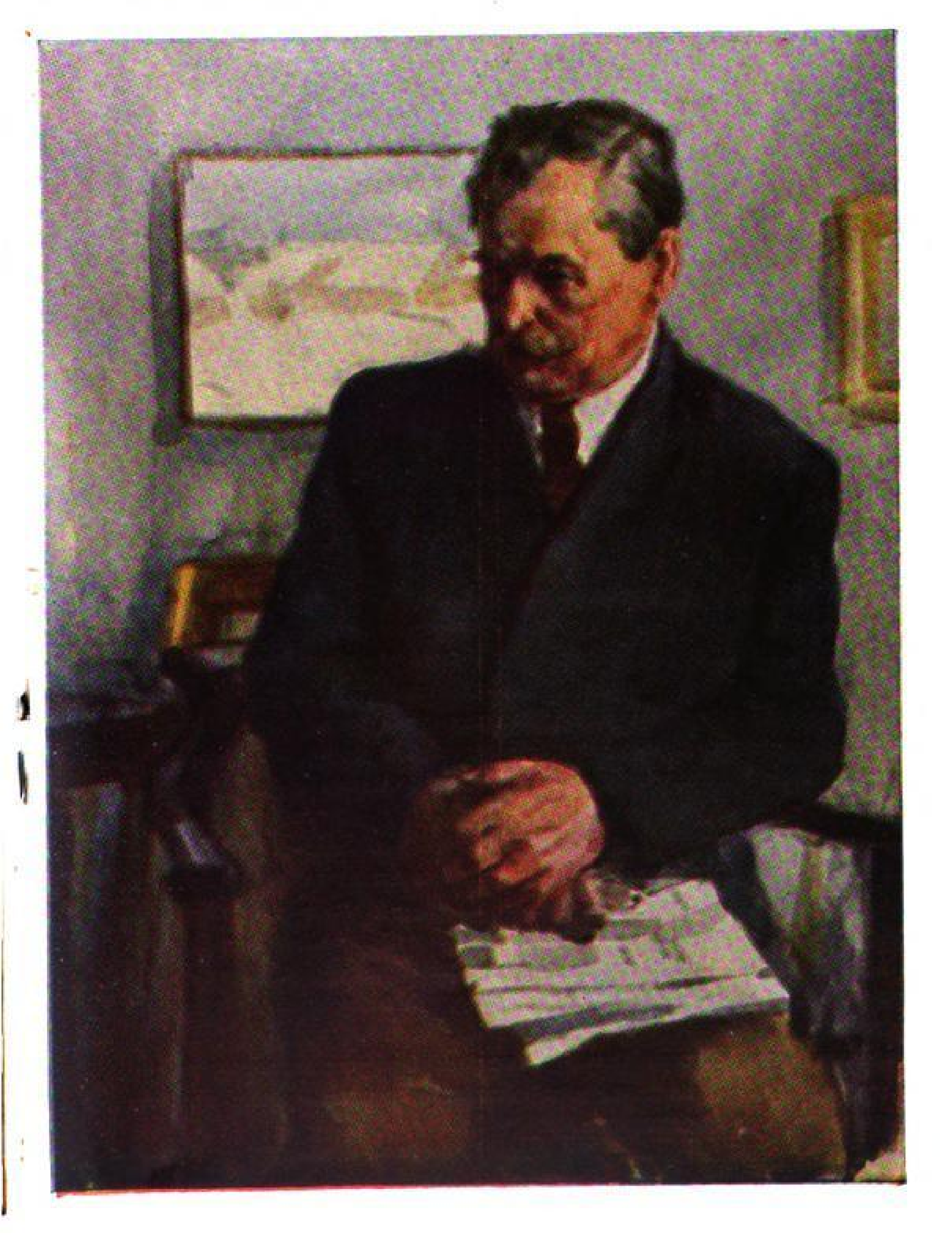

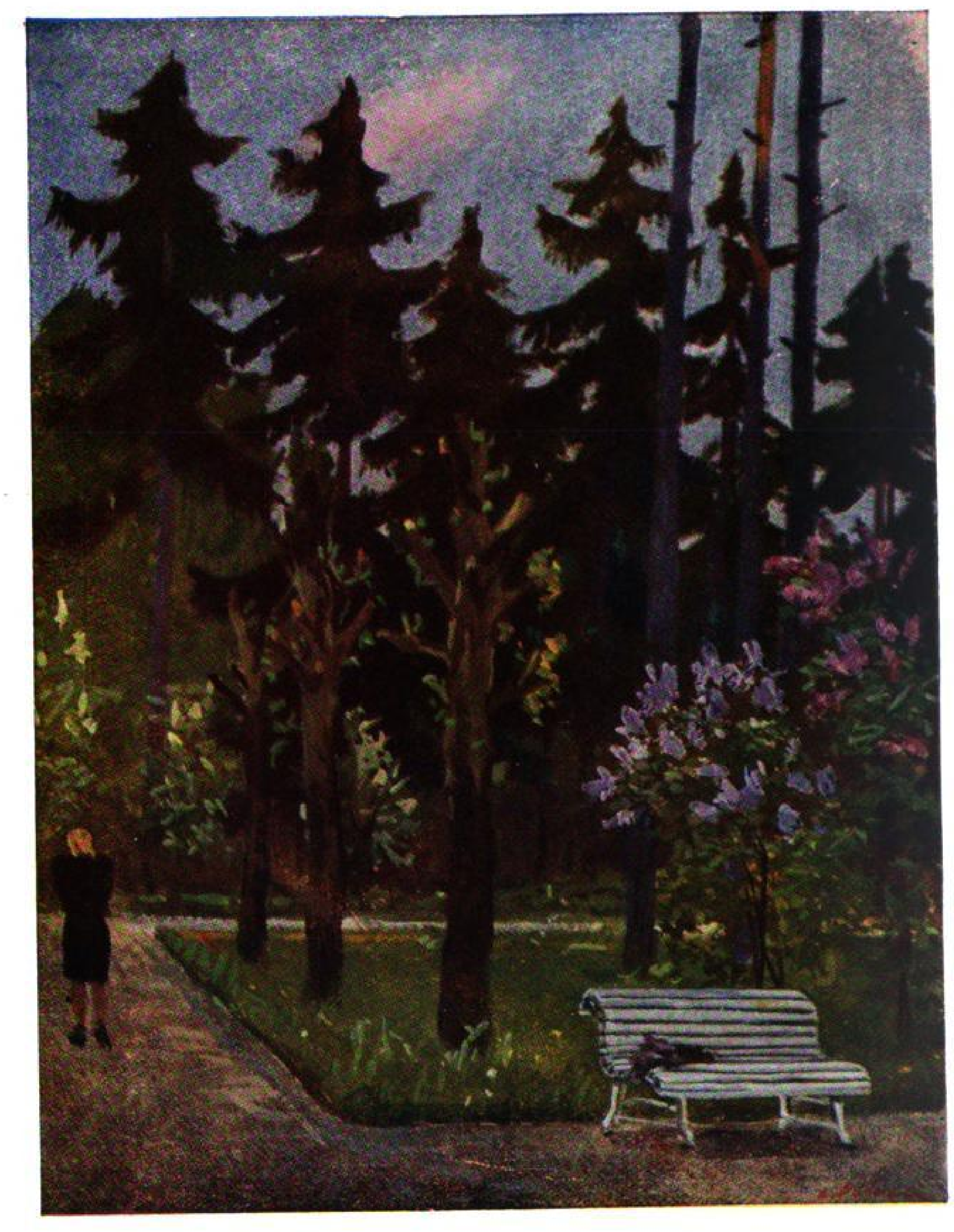

Н. Н. Жуков. НА ПЛЯЖЕ.

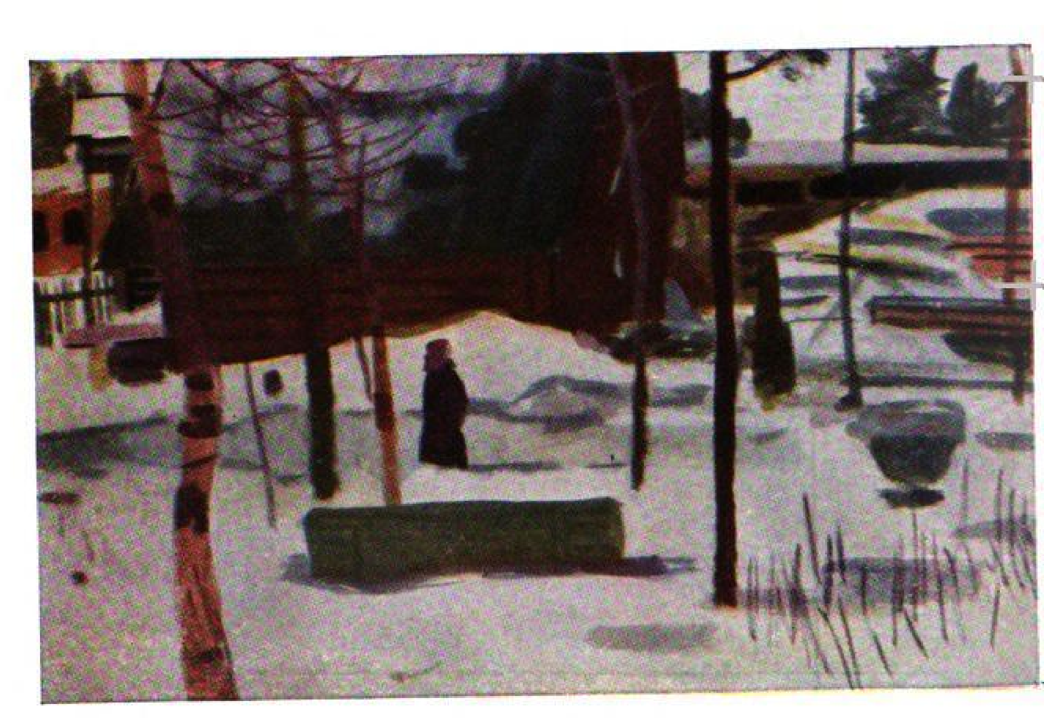

С. С. Бойм. ЗА ГАЗЕТОЙ.

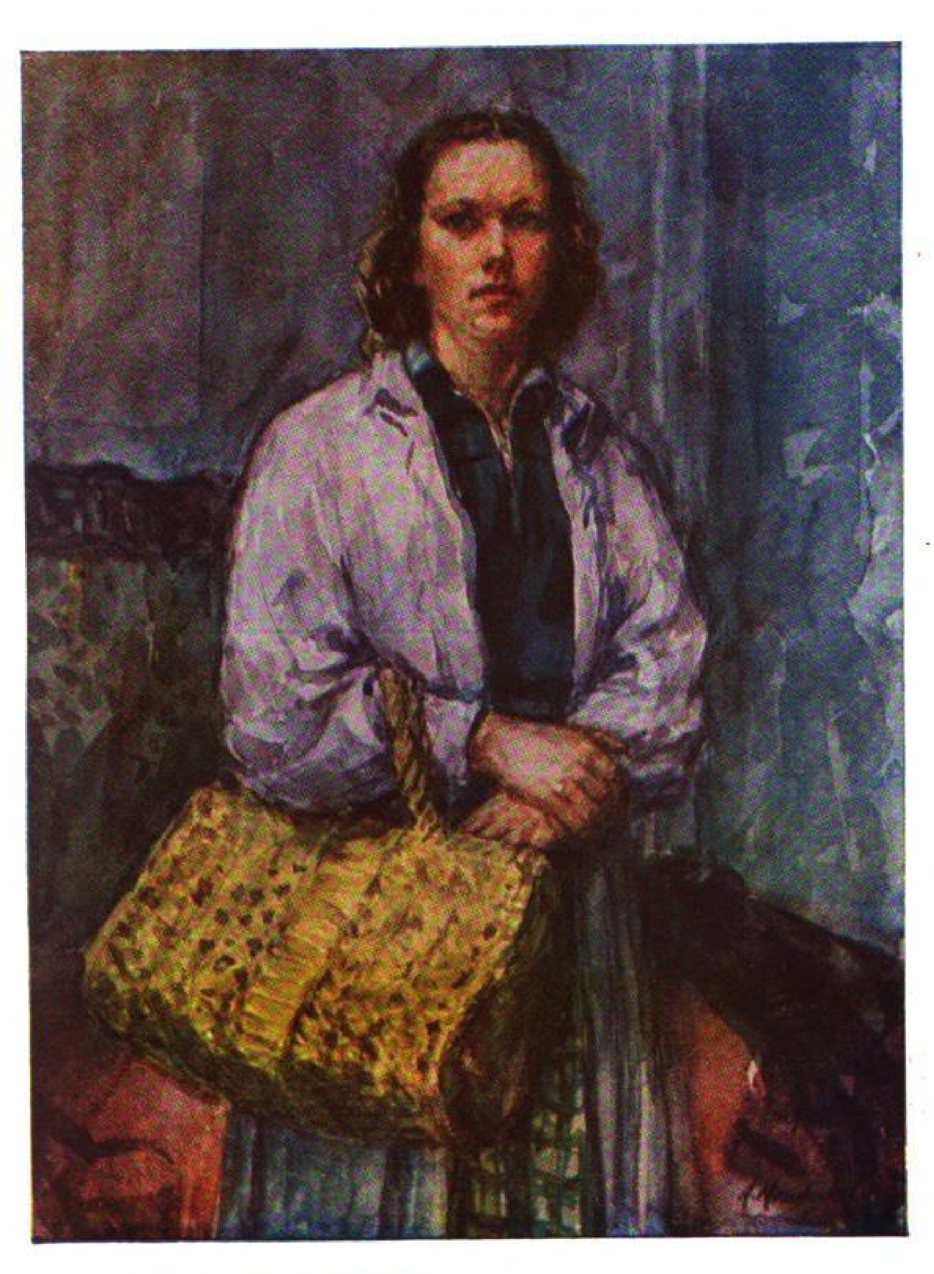

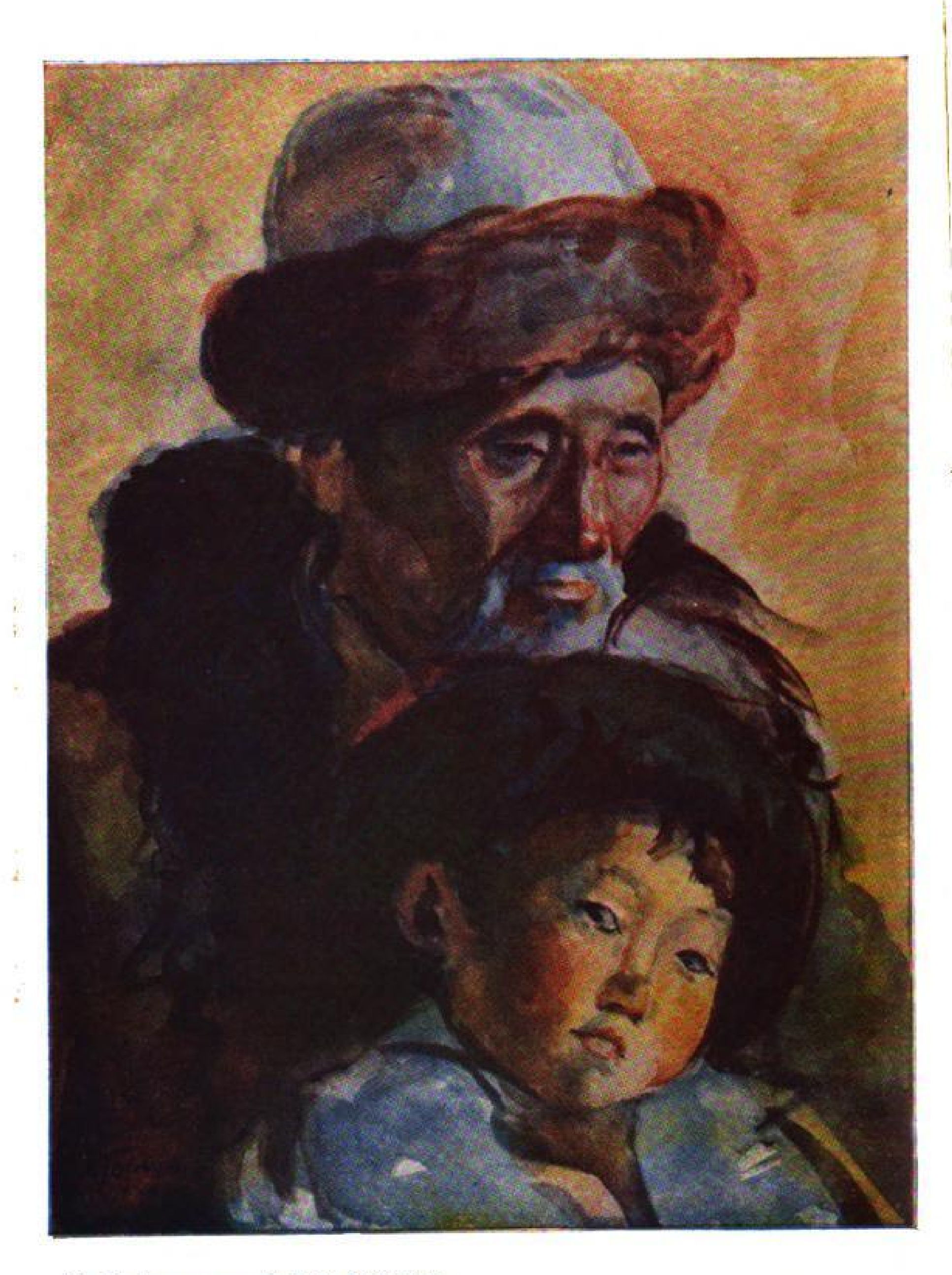
А. А. Дейнека. В ПАРКЕ.

А. А. Васин. СЕРЫЙ ДЕНЬ.

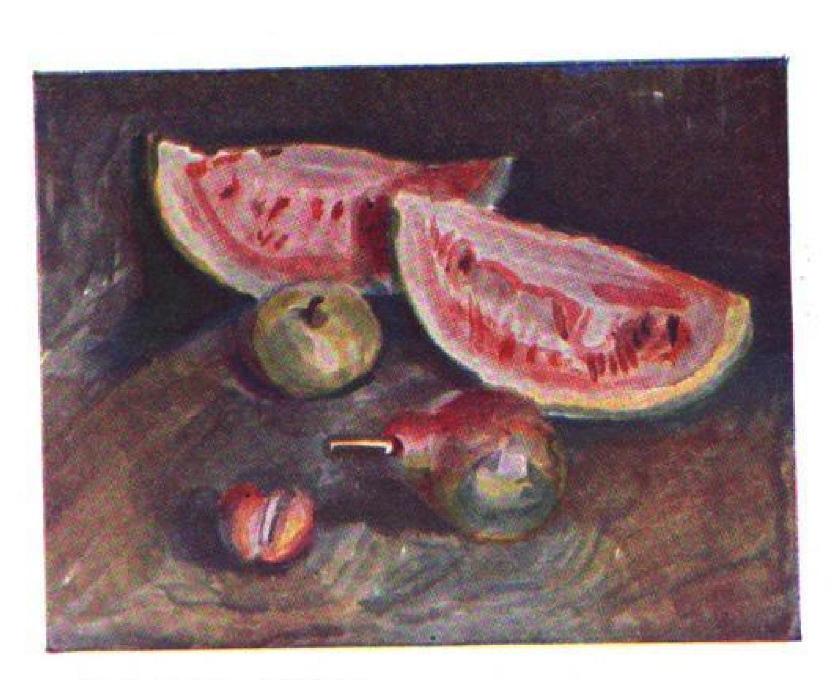

А. П. Могилевский. ХОЗЯЮШКА.

М. Х. Горшман. ДЕД И ВНУЧЕК.

АКВАРЕЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

В. П. Деопик. АРБУЗЫ.

Среди художественных выставок этого года, несомненно, одной из самых интересных была Вторая выставка акварели московских художников. Акварель, соединяющая в себе элементы графики и живописи, привлекает многих художников.

В числе участников выставки и совсем молодые и известные мастера советского изобразительного искусства, графики и живописи. Лучшие из представленных работ отличало умение в простом, повседневном и обычном находить важное и интересное. Техника, позволяющая делать легкие, прозрачные наброски, законченные произведения и даже монументальные картины, а самое главное, специфика акварельной прозрачной краски и возможность тонких нюансов в цветовых соотношениях сделали эту выставку красочной и разнообразной.

Интересный портрет «Леночка» А. Варновицкой, пейзажи А. Дейнеки, на которых всегда лежит печать индивидуальности, строгая по манере серия — советские города, железные дороги, шоссе — Д. Генина, обаятельная галерея детских образов Н. Жукова, выразительный реалистический портрет работы С. Бойма, лирические пейзажи Ю. Арндта и А. Васина — во всех этих работах художники нашли волнующую их тему и превосходно выразили ее в акварели.

Станковая акварель имеет большую историю в русском искусстве, и прошедшая выставка показала, как советские художники-акварелисты обогащают классические традиции.

А. АБРАМОВА

РАССКАЗЫ О ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки А. ВАСИНА.

Фрэнк Харди — известный австралийский писатель. Советские читатели хорошо знают его роман «Власть без славы» (Изд-во иностранной литературы. 1952) и сборник «Если бы знал народ...» (Библиотека «Огонек». 1954). «Рассказы о далекой стране» недавно присланы автором нашей редакции.

1. Друг не может ошибиться

Вы, наверно, заметили, что иногда совершенно несхожие люди становятся закадычными приятелями. Возьмите хотя бы Энди и Сэнди. Это была самая странная дружба, какую я только встречал в жизни.

Энди был рослый парень, с черной вьющейся шевелюрой, веселый, услужливый. Сэнди был приземист, толстоват, на рыжеватой голове уже завелась плешь, характером он отличался флегматичным, почти угрюмым. Казалось, ничего в них не было общего, наоборот, они то и дело ругались друг с другом, и больше по пустякам.

Я и познакомился с ними как раз во время такой стычки.

Несколько наших ребят сидело в кабачке в то утро, когда эти двое впервые появились у нас на скотобойнях. В дверь поминутно входили полусонные люди и заказывали завтрак. Энди и Сэнди уселись за наш стол, между мной и Перком О'Коннеллом, пожилым одноглазым человеком, которого мы выбрали секретарем нашего местного профсоюза.

— Ну что, пришли наниматься сюда, ребята? — спросил Перк.

— Угу,— сказал Энди,— на прошлой неделе взяли расчет у Энгвинов — и сюда.

— А как там было, у Энгвинов?

— Плохо. Потому и бросили. Они заставляют людей работать на износ, вот они кто, Энгвины.

— Да, мне говорили,— заметил Перк.

— Это не совсем так,— вмешался Сэнди, громко прихлебывая чай.— Не так уж они плохи, эти Энгвины. Бывали у меня места и похуже.

— У тебя бывали места и получше,— раздраженно повернулся к нему Энди.— Энгвины грабят нашего брата, набивают мошну да еще думают, что это мы их обкрадываем. Всё боятся, как бы мы не унесли у них жареного барашка. Разве не так, приятель? — обратился он к Перку.

— Слыхал я, что у них трудно работать,— промолвил Перк.— Распинают людей на конвейере, это верно.

— Слов нет, у этой банды не заработаешь,— не сдавался Сэнди.— Но не так уж плохо, как Энди говорит.

— Если тебе нравилось у этих чертовых Энгвинов, почему ты там не остался? — огрызнулся Энди.

— Мне говорили, что тут лучше.

— Так о чем же ты споришь? О чем? — кипятился Сэнди.

— Я не спорю. Просто ты преувеличиваешь, вот и все...

Скоро они нанялись резать скот на небольшую бойню.

— И бреем и причесываем по первому разряду,— говорил, посмеиваясь, Энди.

Они во всем были прямая противоположность друг другу, но всегда их видели вдвоем, водой не разольешь. Вместе приходили на бойню, вместе завтракали, работали рядом, вместе приходили в кабачок и жили в одном деревянном бараке. Они не расставались и в воскресенье. В этот день они отправлялись на скачки и, как правило, проигрывали. Каждый сваливал неудачу на другого. Особенно издевался Энди над тем, что Сэнди ничего не смыслит в разрядах лошадей.

— Он не может отличить трехлетки от однолетки,— сказал мне Энди однажды.— Только пускает на ветер наши деньги.

— То есть как — «наши»? — не понял я.

— Мы ведь дружки, как вам известно, ну, и кошелек у нас один.

Они спорили о скачках чуть ли не всю неделю, и каждый норовил поддеть другого колючей шуткой.

Я работал в соседнем загоне и скоро убедился, что и юмор у каждого был свой, особый — этим они больше всего и отличались друг от друга. Энди был природный шутник; его насмешки отличались тонкостью и подлинным остроумием. Сэнди, наоборот, налегал на безвкусные колкости и плохо замаскированные личные выпады.

— Совсем недурно для такого старого хрыча, как ты,— поддразнивал Энди, наблюдая за работой друга.

Сэнди только бросал на него свирепые взгляды: он не успевал придумать подходящий к случаю ответ.

Весь запас своего небогатого юмора Сэнди словно берег для Энди — он, казалось, нарочно пропускал мимо ушей его шпильки, выжидая удобного случая отыграться. А Энди, наоборот, с царственной щедростью рассыпал тысячу и одно острое словечко и десятки забавных кличек. Все это было так оригинально и неожиданно, что даже тот, кого он высмеивал, хохотал вместе со всеми.

Не прошло и недели после их прихода к нам, как Энди уже назвал Перка О'Коннелла «лордом Нельсоном». Его острое чувство смешного не упускало ничего вокруг. Не миновал его сетей и старый Бэнди Джонс. Бэнди было уже за семьдесят, он работал на бойне со дня ее основания, почти полвека. Работа у него была такая: он убирал со двора дохлых овец, остатки свиной кожи и разный прочий мусор и отправлял все это к Кокбэрну, где в котлах вываривали всякую всячину. От орлиного глаза старого Бэнди не ускользало ничего, и Энди сразу взял это на заметку.

— Эй, гляди в оба, брат! — крикнул он мне однажды.

— А в чем дело, Энди?

— Гляди в оба, а то Бэнди утащит тебя и сдаст Кокбэрну! Шевелись быстрее и держи глаза навыкат! — запевал он, как только Бэнди появлялся во дворе.

За завтраком мы обычно играли в карты, и Энди особенно изощрялся в этот час. Как-то раз у Сэнди оказалось два туза. Энди мгновенно вытащил две груши из тарелки с компотом и торжественно заявил:

— У меня тоже пара тузов [1], я выиграл!

Сэнди, как всегда, ответил неясной руганью.

Однажды мы вместе вышли из дому и направились к автобусу. Энди первым заметил приближающуюся машину и бросился бежать. Запыхавшийся Сэнди едва поспевал за ним, и тут у него слетела шляпа. Потеряв несколько секунд, он не успел вскочить в автобус. Энди вежливо раскланялся с ним через окно машины.

Назавтра, когда мы собрались в кабачке, Энди сказал мне со смиренным видом:

— Сэнди — неплохой бегун, не правда ли? Если бы только не несчастье со шляпой...

— Да,— сказал я, предчувствуя шутку.— Я тоже не поспел.

— Знаешь,— продолжал Энди,— когда я вошел в автобус, одна старуха, которая видела, как бежит Сэнди, сказала мне: «Бьюсь об заклад, этот старик в юности был чемпионом по бегу».

Сэнди был очень уязвлен, глаза его растерянно блуждали.

— Я-то хоть расчесываю волосы! — крикнул он наконец.— Не так, как другие, что причесываются раз в год, на рождество...

Но вот пришел черед и для Сэнди отплатить другу.

— Теперь я сыграю шутку с Энди,— сказал он мне таинственно.— Он тут завел шашни с одной молодой леди, у нее лошадиный подбородок, как у Джека Альберта.

— А в чем же шутка, Сэнди?

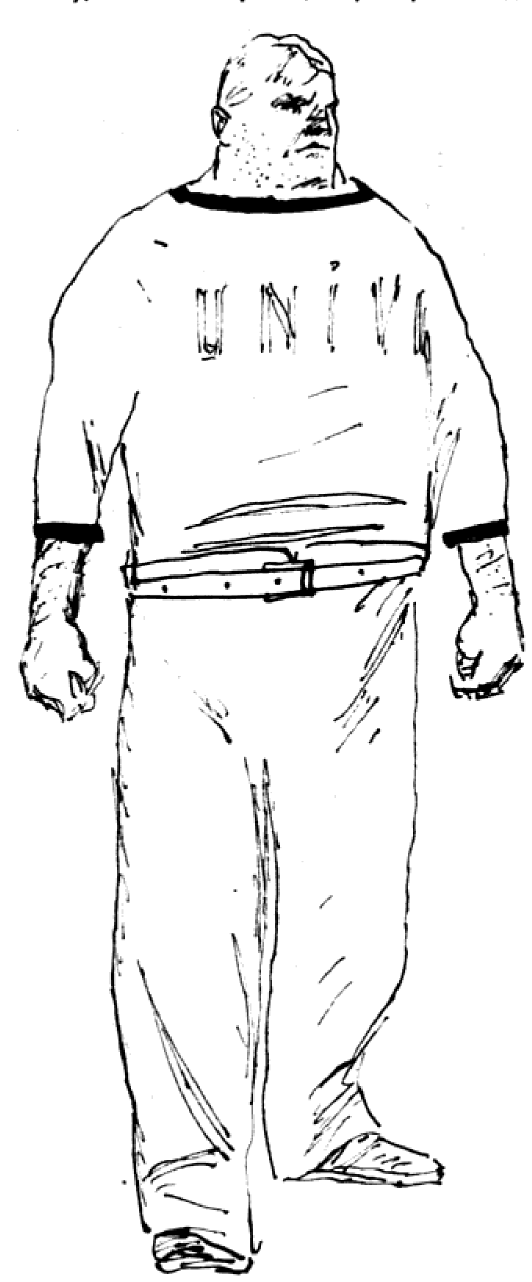
— А ты скажи ему,— зашептал Сэнди,— что видел его вчера в кино с... Джеком Альбертом. Клянусь богом, он взбесится!

[1] Игра слов: pair — пара, pear — груша (здесь и в дальнейшем — прим. автора).

— Нет уж, лучше ты сам скажи.

— Ладно!— Сэнди зашагал в сторону Энди, обдиравшего овцу.— Понравилось тебе вчера кино, Энди? — крикнул он.

— Угу, неплохая картина,— проворчал Энди.

— Говорят, ты был там с Джеком Альбертом.

— Про кого это ты бормочешь, не пойму?..— сказал недовольно Энди.

— Про Джека Альберта с лошадиным подбородком, про твою красотку.

— Присматривай лучше за собственной рожей! — прорычал Энди.

Сэнди был вне себя от радости: он нашел слабое место в панцыре острословца Энди. Теперь у него был постоянный ответ на шутки друга.

— Ему это не нравится, клянусь богом,— говорил он мне. И каждый раз, когда Энди заикался насчет «старого хрыча», Сэнди торжественно выпаливал: — Зато у меня подбородок не лошадиный, как у Джека Альберта!.

Даже Джордж Доннелли, профсоюзный делегат, и тот пал жертвой непринужденного остроумия Энди.

Как-то на бойню приехал репортер — собирать информацию для газеты. Джордж Доннелли провел его по всем загонам. Перед отъездом газетчик спросил его, долго ли он здесь работает. Джордж сказал, что сорок лет. Полагая, что он наткнулся на самого старого рабочего на бойнях, репортер написал заметку под заглавием: «Отец наших боен». Это разобидело старика Бэнди Джонса, он даже хотел писать в газету опровержение.

Когда Джордж явился к нам на следующий день, Энди вышел вперед и сказал с невинным видом:

— Кажется, о вас написали в газете, Джордж.

— Да, но я не просил газетчика об этом. Нагородил, что ему взбрело в его коровью голову. Пусть только приедет сюда еще раз...

Энди подмигнул Сэнди и мне.

— А какой там был заголовок, Джордж, в вашем экземпляре?

— «Отец наших боен»,— сказал делегат.— А что?

— Странное дело,— протянул Энди.— Должно быть, типографская опечатка. В моем экземпляре напечатано: «Дед наших боен».

— Убирайся к дьяволу! — закричал Джордж, но не мог и сам удержаться от смеха.

С тех пор Джорджа стали звать Дедом. По пятницам, в день сбора членских взносов, Энди встречал Джорджа возгласом:

— Дед пришел за пенсией. Раскошеливайся, ребята!

Оба друга аккуратно посещали ежемесячные профсоюзные собрания. Энди охотно выступал с речами, иногда его примеру следовал и Сэнди, чтобы поспорить. Тогда Энди брал слово вторично и с лукавым огоньком в глазах начинал так:

— Тут старый товарищ наговорил разных нелепостей...

Впрочем, во время стачек оба боролись плечо к плечу и держались до конца.

Пришло время выборов в профсоюз, и я, к удивлению своему, убедился, что и в политике друзья расходятся: Энди поддерживал коммунистов, а Сэнди оказался заядлым лейбористом.

На выборах были, как полагается, два бюллетеня: «Индустриальной группы» австралийской Рабочей партии и левого Объединенного профсоюза. В спорах о том, чей список подлинно рабочий, Энди и Сэнди дошли чуть не до драки. Я подозреваю, что каждый так и опустил в урну бюллетень, ненавистный для другого...

Однажды они работали, как всегда, в загоне, и я вдруг услышал, как Сэнди задал Энди вопрос:

— Говорят, ты теперь коммунист?

— Да, это так,— ответил Энди.— Я ведь и раньше сочувствовал им, еще во время кайрусских событий [1].

— Ты бы все-таки подумал... В газетах пишут такое... Опасное это дело, по-моему. Кончишь тем, что сядешь в тюрьму.

— Это будет не впервые,— сказал Энди.— Вспомни, мы ведь однажды во время кризиса побывали там с тобой вместе.

— Ну, это другое дело.

— Видишь ли, Сэнди, когда человеку стукнуло сорок, пора себя приспособить к чему-нибудь полезному. Ведь не вся же жизнь в том, чтобы выпить да глядеть в хвосты лошадям на скачках.

Меня удивило, как терпеливо Энди объясняет все это приятелю. Но еще больше поразил меня ответ Сэнди:

— Ты должен был раньше посоветоваться со мной, вот что!

После этого разговора Сэнди стал дразнить приятеля.

— Где твой красный галстук? — спрашивал он вдруг либо пускал в ход совсем несуразные шпильки: — Говорят, русские поедают своих детей...

Энди стал ходить на собрания, и Сэнди с каждым днем становился все угрюмее. Похоже было, что он просто ревнует Энди к коммунистам. Он даже принялся выручивать друга в его отсутствие, чего никогда не делал раньше. Но совсем по-другому получилось, когда об Энди непочтительно отозвался Махони-Бочка, вожак хозяйского «профсоюза» на бойнях.

Дело было так. Во время завтрака в кабачке у Сэнди вдруг вырвалась злая фраза:

— Энди уехал в город за подрывной литературой.

Махони-Бочка обрадовался и проворчал:

— В костер бы этого ублюдка-коммуниста!

— Кого ты назвал ублюдком? — спросил, поднимаясь, Сэнди.

— А что? Разве тебя не бесит, что он теперь с этими проклятыми «коммо»? [2].

Сэнди взъерошил рукой редкие волосы.

— Всякий может иметь свое мнение. «Коммо» во всяком случае больше делают для рабочих, чем твоя вшивая банда.

— А я считаю, что он изменник, ему место в тюрьме!

[1] Бурное движение безработных в Кайрусе, штат Квинслэнд, в 1934 году.

[2] Кличка, которой называют коммунистов австралийские реакционеры.

Все глаза устремились на спорящих.

Сэнди отодвинул ногой табуретку.

— Выйдем на минутку, - сказал он спокойно.

Для Махони-Бочки кулачная схватка с Сэнди могла быть только развлечением: это был мужчина огромного роста и, если и имел какой-либо авторитет, то благодаря своим чудовищным кулакам.

Все вышли вслед за ними во двор и стали в круг.

— Это будет убийство, ничего больше,— прошептал мне Перк О'Коннелл, и я бросился уговаривать Сэнди.

— Стоит ли связываться? — осторожно сказал я.

— Никто не смеет моего друга называть изменником! — сказал Сэнди и стал стягивать рубашку.

Они стояли лицом к лицу в середине круга, обнаженные до пояса: Махони-Бочка, огромный, немного обрюзгший от жира, и Сэнди, приземистый, с усыпанной веснушками грудью, но с сильно развитыми бицепсами.

— Давай сигнал, и пусть дерутся честно,— сказал кто-то.

Я подумал: «Какая тут может быть честная драка!»

Махони-Бочка яростно ринулся на Сэнди и сбил его с ног больше тяжестью тела, чем ударом. Как раз в то мгновение, когда Сэнди подымался на ноги, сквозь толпу протолкался Энди. Противники сблизились снова, но Энди стал между ними.

— Убирайся отсюда, парень,— сказал Сэнди, отталкивая его.

Энди отступил.

— Я убью Бочку за это,— пробормотал он.— Как это началось?

Я не успел ответить. Махони-Бочка снова кинулся на Сэнди. Но тот отскочил в сторону и неожиданно ударил противника в солнечное сплетение. Бочка сердито заворчал.

— Старик умеет драться, не думай,— сказал Энди.— Но Бочка слишком тяжел для него.

Махони тем временем сблизился с Сэнди вплотную и стал молотить по нему тяжеловесными ударами. Сэнди отступал, в его обороне чувствовалась упрямая сила. Но от зверского

удара выше правого глаза он полетел на землю, и кровь залила ему лицо. Зрители молчали, их брала оторопь, словно у всех на глазах наказывали провинившегося ребенка.

— Я с ним посчитаюсь, с толстой сволочью,— продолжал бормотать Энди.— Он у меня получит свое...

Он снова шагнул вперед, но Сэнди был уже на ногах. Махони рванулся к нему, подняв оба кулака, Сэнди увернулся и опять с размаху въехал крепким кулаком в толстый живот верзилы. Каждый раз, когда Бочка наносил удар, Сэнди ускользал и тут же сильно бил противника под ложечку. Его встречные удары начинали действовать. Махони сопел, как старая паровая машина. Толпа теперь была, как один человек, на стороне Сэнди, его стали подбадривать криками.

Неожиданно Сэнди перешел в наступление. Он сделал ложный выпад правой в живот, и, когда Махони инстинктивно согнулся, обороняясь, Сэнди левой угостил его сильным крюком в челюсть. Бочка свалился, как оглушенный по темени вол.

Мы столпились вокруг Сэнди. Энди перевязывал ему разбитый глаз.

— Из-за чего все произошло? — допытывался Энди у приятеля.

— Не лезь не в свое дело,— отрезал Сэнди.

Мне думается, что Энди очень скоро узнал причину драки. Но приятели в тот же вечер снова повздорили из-за политики.

Через несколько дней Энди пришел на работу один. Он выглядел очень озабоченным.

— Где твой дружок? — спросил я.

— Старика всего скрючило,— тихо проговорил Энди.— Жаловался на сильные боли в кишках. Я вызывал доктора прошлой ночью. Говорит, перитонит. Забрали его в больницу. Скверное дело, скажу тебе.

Энди работал молча часов до одиннадцати.

— Я, пожалуй, схожу в больницу,— сказал он вдруг.— Погляжу, как там старик борется со штормом.

И он ушел.

Два дня их загон стоял пустым. Потом туда пришли двое новых рабочих. Я спросил у них:

— Не знаете, что там вышло с этими двумя, что работали тут, Энди и Сэнди?

— Один из них в больнице, что ли. А другой все ходит вокруг больницы. Сказал хозяину, что не вернется, вот нас сюда и послали.

Энди пришел через несколько дней, в полуденный перерыв. Взглянув на него, я сразу понял все.

— Может, пойдем выпьем? — предложил он.

Мы пошли вниз по улице, не произнося больше ни слова.

В кабачке Энди заказал три порции. Бармен посмотрел на него удивленно, да и я не понял, к чему он клонит. Но Энди резко повторил заказ:

— Три порции, я сказал. Мы чокнемся с товарищем, который помер.

Бармен поставил на прилавок три стаканчика.

— За Сэнди, за лучшего друга на свете,— сказал Энди.

Мы выпили медленно и истово. Третий стакан стоял на прилавке[1].

— Теперь ты можешь вылить его,— сказал Энди бармену.

— Как вы впервые встретились с Сэнди? — спросил я.

— На большой дороге, во время кризиса. Ты знаешь, как это бывает. Встречаешься с кучей людей, а только один становится тебе другом, по той ли причине или по другой, все равно. Он пришелся мне по душе. Мы рассказали друг другу свою жизнь. А потом уже не разлучались, даже во время войны. Мы много спорили, но друг не может ошибиться. Ребята не очень-то высоко его ставили, но я его знаю лучше, чем они.

Мы помолчали с минуту. Потом Энди сказал:

— А знаешь, какие были последние слова старика? Он пришел в себя на минуту. Я говорю ему: «Вид неплохой для такого старого хрыча, как ты». А он отвечает: «Зато у меня не лошадиный подбородок, как у Джека Альберта»...

В глазах Энди стояли слезы. Признаться, и мои были на мокром месте: у меня тоже был когда-то приятель, он умер много лет назад. Я знал, что Энди больше не найдет такого друга, как покойный Сэнди.

— Я уезжаю на север,— заговорил снова Энди.— Условился с профсоюзом и получил разрешение от партии. Здесь мне больше невозможно оставаться.

Мы расстались. Временами мне чудится, что я слышу их голоса в соседнем загоне. Один говорит:

— Неплохи у тебя дела сегодня для такого старого хрыча!

Другой отвечает:

— Зато у меня нет такого подбородка, как у Джека Альберта...

[1] Старый обычай австралийских рабочих — заказывать стаканчик в честь покойного друга.

Из почты «Огонька»

СЛОВО К РОДИТЕЛЯМ

Вместе со студентами Московского областного педагогического института я побывал более чем в двадцати пионерских лагерях. В каждом лагере наряду с другими задачами в той или иной мере занимаются трудовым воспитанием: детей назначают на дежурство, они убирают территорию, ходят в колхоз на прополку, поливку деревьев и цветов, ухаживают за живым уголком. Дети, как правило, охотно занимаются полевыми работами. Но многие родители, к сожалению, относятся к этому без одобрения. Находятся даже такие отцы и матери, которые протестуют против всякого труда, применяемого в пионерском лагере.

Недавно на Московском автозаводе имени Лихачева было проведено собрание по итогам первой лагерной смены. Некоторые из выступавших возражали против того, что детей посылают на физическую работу. Такие настроения пагубно сказываются на детях. Например, в пионерском лагере «Центроэнергомонтажа» отряд старших пионеров отказался принимать участие в благоустройстве и уборке своего участка. На строительство этого пионерского лагеря были затрачены десятки тысяч рублей, а пионеры не согласились поработать часок для самих себя!

Хочется напомнить родителям, что посильный труд дети должны нести и в семье, и в школе, и в пионерском лагере. Мы не можем растить барчуков. Мы не можем согласиться с родителями, которые говорят: «Вырастет — наработается, а сейчас пусть развлекается и отдыхает». В одних развлечениях, играх и отдыхе нельзя воспитать будущего советского труженика.

У многих родителей сложилось впечатление о пионерском лагере как о доме отдыха, где дети должны прибавить в весе — и больше ничего. Если нет этого «прибавления», значит, лагерь «плохой». А ведь это неверно. Отдых должен сочетаться с воспитанием детей, физическим развитием и общим оздоровлением детского организма. Ребенок может не прибавить в весе, но быть крепким, сильным и закаленным.

И еще один совет родителям.

Посещение ими лагеря очень часто вместо пользы приносит вред. Хотя всем известно, что установлен один родительский день за смену, родители под различными предлогами стараются встретиться с детьми, привозят им сласти, не думая о том, что тем самым нарушают порядок в лагере.

Было бы хорошо, если б родители учли эти замечания, которые сами собой напрашиваются, когда знакомишься с работой наших пионерских лагерей.

М. ХУХАЛОВ,
заведующий педагогической практикой Московского областного педагогического института.

ЧКАЛОВИТ

Александр ЯЛЬМАРОВ

Само названье минерала
Порой немало говорит
О тех, чья долго мысль
дерзала,
Чтоб новый камень был открыт.

Где белой ночью даль повита,
Среди полярных темных скал
Названьем гордым чкаловита
Отмечен новый минерал.

Наверно, чкаловская смелость
В преодолении высот
Нужна, чтоб этот камень белый
Найти у северных широт.

Наверно, чкаловская твердость
В разведке девственных глубин
Нужна тому, кто словом гордым
Назвал находку из Хибин!

Майкоп.

За рулем трактора Эльвира Сюрьяляйнен.

— Диспетчер! Диспетчер! Воду надо подвезти!

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Накануне весны правление колхоза «Сталинец», Гатчинского района, Ленинградской области, заключило договор с Детской МТС Елизаветинской средней школы на проведение сельскохозяйственных работ. Школьники брались провести полный комплекс тракторных полевых работ: посадить кукурузу, картофель, овощи, вырастить и убрать урожай...

Что же это за МТС?

Идея создания своей МТС еще с зимы увлекла сельскую детвору. Сто пятьдесят мальчиков и девочек записались на курсы юных механизаторов. Зачастили в классы инженеры, механики, агрономы МТС. Четыре месяца продолжалось учение, а потом наступили экзамены, такие же строгие, как и по другим учебным дисциплинам. За столом рядом с директором школы сидели главный инженер, агроном, начальник мастерских МТС. Курсанты отвечали по билетам. Все, кто выдержал экзамен — а выдержали все, — получили аттестат, дающий право работать на машинах Детской МТС. Молодая станция получила своих трактористов, прицепщиков, агрономов, шоферов и радистов...

Снег еще не сошел с полей, а совет Детской МТС уже разработал план полевых работ. На школьный двор из Елизаветинской МТС привели тракторы с прицепами. Создали три бригады: одну тракторную и две полеводческие. МТС назвали Малой Елизаветинской. Укомплектовали весь штат; техноруком утвердили учителя Юрия Борисовича Тархова, но всеми делами руководил совет из школьников, возглавляемый Геннадием Яковлевым, учеником девятого класса.

Запоздалая весна вдруг порадовала ярким солнцем, поля обнажились, и главный агроном Детской МТС школьница Нина Горева доложила на совете: если такая погода удержится, через несколько дней начинаем сев.

Первый день настоящей самостоятельной работы! Первая в жизни своя борозда! Особенно волновался десятиклассник, бригадир трактористов Саша Бурасов. Он первый трактором «КД-35» проложил борозду. Сверкнула из-под плуга черная полоса земли. Сотни детских глаз следили за бороздой. Вслед за машиной зашагала агроном Валя Иванова. Замерила глубину, вернулась, деловито объявила:

Деловой разговор. Председатель колхоза «Сталинец» А. Ф. Федоров и председатель совета Детской МТС Геннадий Яковлев

МАЛАЯ ЕЛИЗ

Раннее утро на полевом стане.

— Хорошо, очень хорошо! Глубина вспашки нормальная!

Саша Бурасов соскочил с трактора и отрапортовал директору школы Тамаре Николаевне Тарховой:

— Прошу принять первую борозду!

Вся школа весело справляла праздник первой борозды.

А потом потекли будни труда и учения. В поле работали в три смены; через каждые три часа трактористов, прицепщиков и агрономов сменяли их товарищи, и механизаторы, умывшись, спешили в классы. В лицевых счетах появились первые трудодни. Едва справились с севом кукурузы, как подошла посадка картофеля, брюквы, моркови; подросла и рассада ранней капусты...

Все работники Малой Елизаветинской успешно перешли в следующие классы, а в это время в поле прибавлялось дел. Совет МТС перегруппировывал силы. К чему, например, терять время на поездки с поля домой? Не лучше ли устроить в поле свой стан, в котором можно жить, питаться и отдыхать? Но кто будет строить? Не звать же плотников! Строителями стали сами школьники, колхоз выделил им лес. Своими руками ребята поставили кухню, столовую, ледник, душевую, оборудовали спальни. Теперь, когда вся жизнь механизаторов сосредоточилась на стане, режим расписали, как в лагере. Шесть часов в день для труда, восемь — для сна, а остальное — на отдых, зарядку, завтрак, полдник, обед, ужин... Все дни вместе со школьниками в МТС проводят директор школы Т. Н. Тархова, завуч А. В. Григорьев и учителя. Часто наезжают сюда председатель правления колхоза А. Ф. Федоров, директор МТС С. Н. Федосеев...

Глядя, как на сорока гектарах зеленеют хорошо и чисто обработанные посевы, председатель колхоза Федоров говорит:

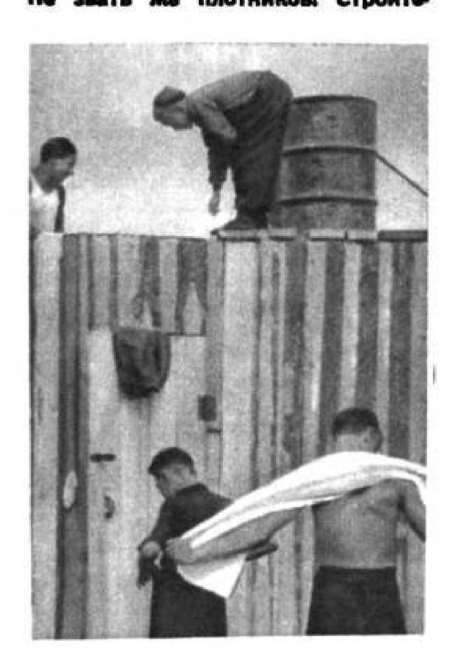
— Получилось у ребят! Урожай снимут приличный, трудодней тысяч семь заработают. Но главное в другом: школа подготовит для родного колхоза десятки умелых трактористов, прицепщиков, огородников, полеводов, шоферов.

Первая в стране Детская МТС только-только начала свою жизнь, но о ней уже знают. В самый разгар полевых работ елизаветинцы получили письмо с Украины, из Ружичнянской средней школы Хмельницкой области. Украинцы пишут, что по почину ленинградцев они создали и у себя Детскую МТС.

Кто на тракторе, а кто и на лошади.

— Не так, не так! Держи правее, Людмила!

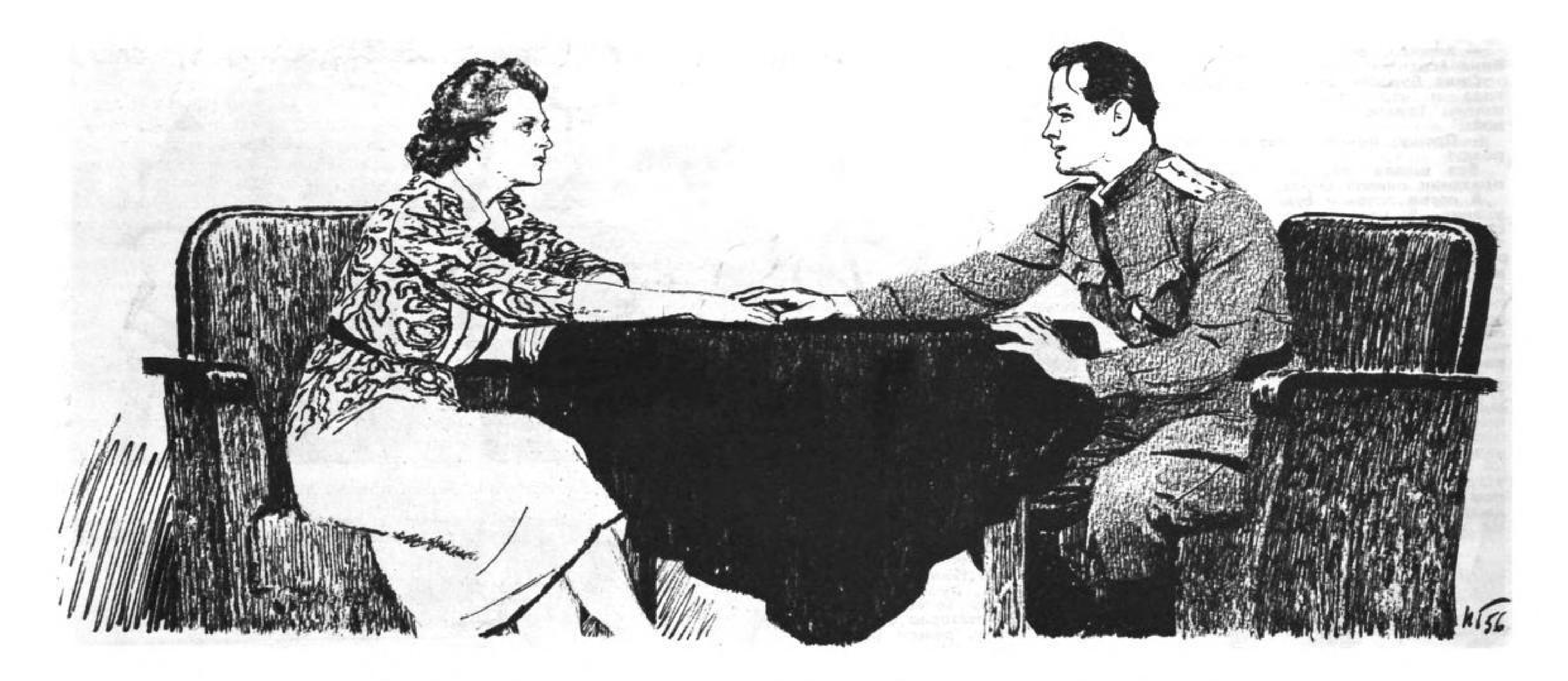
— А теперь и освежимся!

С непривычки трудно!

АВЕТИНСКАЯ

— Мне бы добавочку!

КАК ТЫ ЖИВЕШЬ, МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ?

Рассказ

Наталья ДАВЫДОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Мы не виделись ровно десять лет. И вот мы встретились в гостинице, в номере, где я остановилась, приехав в свой родной город на конференцию. Это очень странно — приехать в город, где ты родилась и выросла, где был твой дом, и жить в гостинице, как посторонняя.

Николай пришел ко мне вечером, после работы, и в первую минуту мне показалось, что он совсем не изменился. Точно такой, как десять, даже пятнадцать лет назад, когда мы еще учились в школе. Мы обнялись и поцеловались. А потом он крепко пожал мою руку и сказал:

— Ну, здравствуй, Машенька!

А я сказала:

— Я уже думала, что мы никогда не встретимся.

На самом деле все десять лет я знала, что когда-то мы должны встретиться.

Он не ответил, он смотрел на меня. Потом сказал:

— Все такая же, совсем не изменилась.

Мы сели в кресла около круглого стола с красной плюшевой скатертью и замолчали. Я не знала, с чего начинать, а он вообще больше любил молчать, чем разговаривать.

Он был в военной форме, как и тогда, и это меня удивило. Я плохо помнила, как мы расстались, но очень ясно помнила все, что было до того, намного раньше.

Я сидела перед ним в своем самом лучшем платье, причесанная у парикмахера. Я приготовилась к этой встрече. Я даже выспалась — редкий случай,— чтобы хорошо выглядеть. И помнила, что имею научное звание, серьезную должность и опубликованные и неопубликованные работы.

Николай тяжело опустился в кресло и сгорбился. В левом глазу у него лопнул сосудик, и глаз был красный. Подворотничок из целлулоида натирал ему шею. Он попросил разрешения расстегнуть крючки.

Он смотрел на меня сощурившись, со знакомой мне насмешливой и ласковой улыбкой, как будто чего-то ждал от меня. Что же изменилось в его внешности? Потом я поняла — волосы. Волосы стали редкими и потеряли блеск. Я разглядела даже раннюю лысину. А так он попрежнему был красив.

— Рассказывай первая, Машенька,— сказал он,— все подробно и по порядку.

Он погладил меня по руке и заглянул в глаза. Кроме него, меня никто не звал Машенькой.

— Как ты жила с тех пор? Как твои папа и мама? Они тоже уехали? Я заходил на вашу старую квартиру, там чужие. Как бабушка, жива-здорова? Значит, ты окончила институт?.. Что было потом?

Я задумалась, глядя на Николая, и не ответила. Я так хотела знать, какой он стал, чем он занимается, хорошо ли ему живется, но главное, какой он: такой, как раньше, или другой? И какая она, эта чужая жизнь, которая когда-то была самой родной?

Он повторил свой вопрос:

— Значит, ты окончила институт?.. Что было потом?

Я рассказала, что было потом. Очень скромно и коротко, основные события моей жизни. Пожаловалась, что трудно работать. Приходится проводить опыты по разным лабораториям, уходит много времени; сейчас мне нужны обезьяны, их сложно доставать; замучили командировки. Вообще-то я люблю командировки, часто бываю в Минске, в Одессе. Вот, собственно, и все.

Он опять взял меня за руку и спросил:

— Ты счастлива?

Но это его не касалось. Я перевела разговор на предстоящую конференцию и свой доклад. Очень ответственный доклад.

— Ну, ты всегда была молодец, и я не сомневался, что ты всех обгонишь и что из тебя получится нечто замечательное. Так и вышло.

Это прозвучало у него не слишком лестно, хотя он и раньше это часто говорил.

— Какое у тебя платье! Я даже таких не видел,— сказал он, продолжая меня разглядывать.

— А ты как? Довольно обо мне. Я хочу все о тебе знать. Я только сейчас позвоню, чтобы принесли ужин.

Он остановил меня, сказав, что недавно обедал.

— Мы что? Видишь, служим.

— Ты все еще в армии? Остался навсегда?

— Пока остался.

Я сосчитала звездочки на погонах. Четыре. Капитан. Тогда он был лейтенантом.

— Посмотрела на погоны? Пока еще не генерал.

— Еще будешь,— улыбнулась я.

— Вряд ли.

— Много работаешь?

— Ужасно! — Он усмехнулся.— Как вол.

Я промолчала.

— В этом году окончил институт. Могу похвастаться. Так что моя гражданская специальность — металлург.

— А военная?

— Совсем другая. В том-то все и дело. Я преподаю в училище топографию, а институт...

— Ничего не понятно: топография, металлург... Но ведь ты собирался стать математиком,— перебила я.— Бесконечно малые величины и так далее. Как же так?

— Мало ли что я собирался, Машенька! Жизнь подсказывает другие решения.

— Ах, вот что,— пробормотала я,— жизнь!

Он улыбнулся.

— Не сердись.

Я не сердилась, но подумала: при чем тут жизнь? Он не болен, не стар, от природы не тупица.

— Так что у меня две специальности,— с некоторой даже гордостью сказал он.

«Лучше иметь одну, но ту, которую хочешь, а не ту, которую тебе подсказала жизнь»,— чуть не вырвалось у меня, но я смолчала. Я хорошо помнила, как Николай мечтал и готовился поступить в университет. Он, наверно, забыл.

Николай продолжал:

— Так что все эти годы я работал, преподавал и учился. И даже получил диплом с отличием по нашей с тобой привычке хорошо учиться. Да, Машенька?

— Ну, а теперь? Ты все еще в училище преподаешь топографию? Ведь ты мог бы поступить в аспирантуру. Быстро окончить при твоих способностях, скажем, не в три, а в два года и

заниматься наконец научной работой. Ты же рожден для научной работы. Мы это еще в в школе знали.

— Не так-то просто, Машенька.

Да, конечно, не просто. У него семья, дочь. Я это хорошо знала. Интересно, дочь похожа на него? У меня не было семьи как раз потому, что она была у него. И мне не очень хотелось об этом говорить.

— Дочка большая? — все-таки спросила я.

— Школьница,— улыбнулся он.

— Жена работает?

— Да, преподает географию в старших классах.

Я никогда не видела его жены. Только знала, что она моложе нас с ним на три года, хорошенькая, с косами. У меня тоже раньше были косы.

— Живешь все там же?

— Да.

Я помнила его неуютную квартиру, которую я не сделала уютной. Мне было не до того. Наверно, теперь там все по-другому. Мне бы хотелось посмотреть, как там теперь. И дочка уже школьница.

Десять лет назад, когда я была в экспедиции, он написал мне, что женится на другой, потому что так получилось.

Нас называли мужем и женой, хотя свадьбы не было и в загс мы не ходили. Жили мы так: я убегала утром в институт, он в училище, куда его направили после войны, то самое, где он работает и теперь. Мы встречались только вечерами, хотя я переехала к нему. Николай готовился к экзаменам в университет. Я была студенткой четвертого курса биологического факультета. И жизнь у нас была студенческая. Мне казалось, что с семейным уютом можно подождать. Это была моя ошибка.

Дома мы занимались мало. Зато мы очень много выясняли наши отношения. Он меня ревновал, и я его ревновала, но к чему, к кому, я не помню сейчас. Мы ссорились из-за пустяков, мучились, мирились и опять ссорились. Это была какая-то страшная чепуха.

У Николая появилось много друзей по училищу. Чуть не каждый день кто-нибудь приходил и оказывался его лучшим другом. «Мы с ним, Машенька...» — говорил Николай. И они начинали пить, разговаривать, смеяться. А у меня никогда не было закуски.

Ему с ними было интереснее, чем со мной. Он не мог без них обходиться. А меня они не любили. И мне они не нравились.

Я решила уехать в экспедицию. Мне эта экспедиция была совершенно не нужна. Но мне казалось, что будет лучше, если я уеду. Коле надо остаться одному, думала я, войти в колею нормальной трудовой жизни. Наши ссоры мешали ему заниматься, а мне хотелось, чтобы он хорошо сдал экзамены. И еще одно: я хотела доказать свою независимость, что я могу обойтись без него. И еще — пускай, думала я, поживет без меня. Это полезно. Ведь я была уверена в его любви. А вернусь, будем жить по-настоящему. Я скоро окончу институт, буду работать, он — учиться.

Зачем я уехала? Я понимаю все сейчас, но тогда я не понимала. Он писал: «Брось все и возвращайся». У меня сохранились его письма: «Приезжай, ты мне нужна», «Приезжай, очень плохо без тебя». Мне тоже было плохо без него, он мне тоже был очень нужен. Я отвечала веселыми, спокойными письмами. Он даже прислал какую-то справку о своем плохом здоровье, чтобы я отпросилась у начальника экспедиции. Но я уже втянулась в работу и не могла бросить ее неоконченной. Я отвечала шутливыми медицинскими советами: «Измеряй температуру, градусник вытягивает жар», «Носи шарф и галоши и думай обо мне».

Разлука любовь бережет. Я была счастлива и спокойна. А в последнем письме, за несколько дней до моего возвращения, он сообщил, что женится. Я не поверила.

Он встретил меня на вокзале: так велика была его честность и прямота. И подтвердил, что все правда, так получилось, он виноват. Было, правда, небольшое увлечение, но теперь та девушка беременна, он не может быть подлецом. Он сказал, что любит меня, одну меня, и будет всегда меня любить. Но он не может быть подлецом.

Мы учились вместе в школе. Я его очень хорошо знала. Знала его ветреность. Немудрено, он был очень красивый, и все в него влюблялись. Знала его честность. В детстве казалось, что он упрям. Он не менял своих мнений. Он никогда, даже мальчишкой, не дрался. Принципиально, как он потом говорил. Ему нравились звучные стихи, над которыми я смеялась. Я знала его вкусы, привязанности, я все вообще про него знала. Еще бы! Я была его первая любовь, как же я могла что-нибудь не знать? Я его проводила в армию в сорок первом году. Он приезжал ко мне во время войны. Он писал мне письма, треугольники без марок.

Нас еще в школе дразнили: «Жених и невеста». А потом, в войну, я стала его настоящей невестой.

Он меня всегда любил, он даже любил, как я пою, хотя я пою ужасно и никто не может выносить моего пения.

У него был трудный характер человека, щедро одаренного талантом и красотой. Мне всегда хотелось помериться с ним и тем и другим. Но надо признать, что он был талантливее и красивее меня. Впрочем, о своих способностях судить трудно, как и о своей внешности.

Знаю только, что обладаю упорством и убеждением,— раз другие могут, то и я должна. И потом я стараюсь быстро работать. И делаю сегодня то, что надо сделать завтра. Вот и все. Это мой секрет. Моя производственная тайна.

Что касается внешности, то если серые глаза, темные волосы и хороший цвет лица это красиво при прочих средних показателях, значит, я красивая. Теперь, кстати, у меня плохой цвет лица. Я хотела бы быть повыше ростом и потолще, но я не толстею, потому что много хожу. И еще потому, что я стала курить.

От Коли я ждала очень много. Да не только я. У него не было склонности к искусствам (у меня тоже), зато у него была всепокоряющая сила логики, он должен был стать выдающимся математиком. В школе, например, он устно решал задачи, над которыми мы бились с карандашом и не могли решить. Он был абсолютным чемпионом всех школьных математических олимпиад. Учителя относились к нему с уважением. Говорят, в школе — одно, в жизни — другое. Не знаю, но ведь способности никуда не пропадают. Они остаются в человеке навсегда и ждут своего часа. Обидно, когда талант достается слабому человеку. И он, как говорят, зарывает «свой талант в землю».

Николая портили женщины. Все, кроме меня. Они вслух восхищались его внешностью. Ему постоянно твердили, что он похож на Байрона. Он, конечно, поверил. Но я пыталась убедить его, что он слишком мал ростом и что у него красивое, но тупое, животное лицо. Это была чепуха: у него было одухотворенное лицо и нормальный рост.

Когда мы встретились после войны, он объявил мне, что знает жизнь и что почем. Это было неприятно, но, пожалуй, это было наносное. Я тоже в те годы притворялась опытной и разочарованной. Он цинично говорил о женщинах. Меня это тоже огорчало. Но я собиралась все преодолеть. Моя мама часто говорила: «Ничего не попадает нам в руки готовеньким». Так что не страшно — все возможно исправить. Я его люблю.

Одно я знала твердо: только я могу быть его женой. Я помогу ему стать тем, кем он хочет стать: ученым, математиком. Если он слабый человек, у меня хватит силы на двоих.

Я тогда плохо варила супы и не умела делать котлеты, это верно, но я собиралась научиться. Я нарочно стряпала в экспедиции и справлялась. Я везла Коле подарки на первые заработанные деньги.

Он не может быть подлецом. Но как же он может бросить меня? Почему он так легко от меня отказывается? Она беременна — вот что. Я не упрекала его. Зачем? Я должна была держаться, хотя бы в его присутствии.

Она, оказывается, ничего не требует и не просит от него, и потому он тем более обязан жениться на ней. Какая доблесть! Я тоже ничего не просила и не требовала. Она, оказывается, любит его. Но я любила его всегда.

Я знала, что его родные против нашей женитьбы. Я им не нравилась. Они уговаривали его вообще подождать, не торопиться. «Из ранних браков ничего не получается»,— наверно, говорили они.

Он побоялся на мне жениться — вот что. Или он разлюбил меня и полюбил ее? Тогда скажи прямо. Так бывает. У меня так быть не может. Неужели человек может связать себя на всю жизнь только потому, что «так случилось»? Видимо, да, если он тряпка и трус.

Ничего подобного я тогда не думала. Тогда я понимала только одно: все кончено. Я не испытывала ни гнева, ни ревности. Это было

ТРУД

Иван НОВИКОВ

Помимо мастерства, и знания, и силы,
Есть вдохновение труда.
Так музыкой звучат на лесопилке пилы
И звонкая поет руда.

И у поэта так: помимо вдохновенья,
Взлетающего на крылах,
В самом горенье ждут, как дорогие звенья,
Забота, труд — с пером в руках.

Черновики стихов исчерчены порою,
Как пашня под весенний сев,
Но слышит пахарь сам: над чистой бороздою
Как чисто прозвучал напев!

* * *

Конст. МУРЗИДИ

Весна. Обрывается с громом
Лиловая ветка дождя.

Пирушка. Сошлись мы всем домом,
Всем миром и славим дитя
И мать. И целуем ей руки,
Счастливице с бледным лицом,
За все ее страшные муки
И шутим слегка над отцом.

От шутки смешно и печально.
Еще бы! Известно давно:
Отец — это так... Не случайно
И почестей нам не дано.

Да нам и не нужно. Довольно
Счастливого взгляда жены,
И мы улыбнемся невольно
И будем вознаграждены!

мною почти одновременно.

Несколько фотографий я показала Николаю. После защиты диссертации, на фестивале молодежи в Варшаве, за рабочим столом у себя в лаборатории, в белом халате на фоне осциллографа, с сотрудниками на демонстрации Первого мая и даже где-то на трибуне с воинственно поднятой рукой.

— Честолюбивая! — засмеялся он.— Подари какую-нибудь.

— Не надо,— ответила я.

— Не надо,— вздохнул он.

Я хотела закурить, Николай отобрал у меня папиросу.

— Не кури.

Какое ему дело! Я закурила.

Почему я не рассказала о том, как я в действительности работаю? Прихожу домой ночью, ставлю одни и те же опыты до одурения. Получаю ничтожные результаты и все начинаю сначала. Как меня чуть не выгнали из института за год работы впустую. Что мое положение завлабораторией ничего, кроме забот, мне не прибавило, работать стало труднее. Как это все не парадно, бесконечно далеко от фотографий, которые я демонстрировала! И еще, что язык мой — враг мой. Последнего, впрочем, я могла не говорить: он это знал.

Мы заговорили о наших одноклассниках. Он знал обо всех и дружил с многими. А я растеряла старых друзей. Отчасти потому, что уехала из родного города, а может быть, потому, что одно время не хотела встречаться с ними. Ведь они все знали про нас с Колей.

потом. Вначале я была только несчастлива. Жить было очень тяжело.

На вокзале мы и расстались. Я пожелала ему счастья. Я запомнила его лицо, бледное, неподвижное, в слезах. И утешила его на прощание: «Не горюй, ничего не поделаешь». Я ушла. Остальное неважно.

Что за человек сидел передо мной сейчас? Так же, как и он обо мне, я больше всего хотела знать, счастлив ли он. Непохоже. Почему у него такой усталый вид? Ведь ему только тридцать лет.

— Что же будет у тебя дальше? — продолжала я свои расспросы.

Николай пожал плечами:

— В этом году попытаюсь сдать кандидатские экзамены. Самое крайнее, в будущем. При том, что я работаю, это займет немало времени. Не знаю, как вообще, получится ли что-нибудь из этой затеи.

Я подумала, что он сдаст эти экзамены, но время, время!.. Время уходит. Что, кто ему мешает? Семья? Семья — это счастье, которого нет у меня. Это помощь. Выходит, что для него это обуза.

А если не побояться, сесть на стипендию, как многие студенты, у которых тоже есть семьи?.. Тяжело, конечно, тяжело. Жена ему поможет. Тише едешь, дальше не будешь. К тридцати пяти, сорока годам он, может быть, заработает себе право заниматься наукой. Не поздно ли это?

— Ну-ка, Машенька, встань, я на тебя еще посмотрю,— попросил он.— Худущая! Но, пожалуй, это лучше.

Наверное, его жена растолстела; раньше он говорил, что мне обязательно надо поправиться. Он попросил показать мои фотографии за эти годы. У него было смешное пристрастие к фотокарточкам. Я достала из сумочки пачку, отложила в сторону две бумажки: одна — выговор, другая — благодарность, полученные

Он посмотрел на часы.

— Поздно, Машенька? — вопросительно сказал он, поднимаясь.— У вас завтра ответственный доклад, Марина Сергеевна.

— Брось, мы редко видимся,— пошутила я и подумала: «Он нервничает, ему попадет за опоздание».

— Ну, хорошо.— Он опять опустился в кресло.

— Тогда чаю.— Я выбежала в коридор, чтобы попросить чаю. Возвращаясь, взглянула на себя в зеркало. Щеки у меня горели. Новое бархатное платье, которое я на себя напялила, показалось мне неуместным.

— Так ты ничего о себе и не расскажешь? — спросил Николай, когда я вернулась. Я развела руками.— Ты не замужем. Почему?

Я опять развела руками, улыбаясь. Почему я не вышла замуж? Это длинная история, и к нему она уже не имеет отношения.

— Ты никого не любишь?

Я ответила, что люблю.

Нам принесли чай.

— Может быть, выпьем водки? — предложила я.

— Я не пью, то есть пью по большим праздникам,— ответил он и поправился: — Сегодня, конечно, большой праздник, что я тебя повидал, да, Машенька? Для меня, во всяком случае. Но пить не будем.

Большой праздник? А мне хотелось плакать.

— Еще через десять лет, когда мы встретимся в следующий раз, ты будешь уже профессором или академиком, а, Машенька?

Я не ответила: не люблю, когда надо мной шутят. Если говорить серьезно, то за десять лет я постараюсь сделать что-нибудь путное.

Что будет с ним через десять лет? Сделает ли он что-нибудь? Я от всей души желала ему успеха, но я уже не верила. А раньше я верила, и эти прошедшие десять лет я тоже верила. Мне хотелось гордиться им, но гордиться было нечем, это я поняла сегодня.

Я внимательно посмотрела на него, он отвел глаза.

— Коля!

— Что, Машенька? — тихо проговорил он.

— Ничего,— ответила я.

Мы замолчали.

Как же так? Любил меня, женился на нелюбимой. Мечтал о математике, родился математиком, а стал преподавателем топографии с дипломом металлурга в кармане. Опять нелюбимое вместо любимого. «Что, так спокойнее, Коля?» — хотелось мне крикнуть. Но я сказала:

— Изменился наш город.

— Ты согласна, Машенька, что тебе везет? Я знал и раньше, что тебе будет везти в жизни,— сказал Николай. Я пожала плечами.— Но счастлива ли ты, этого я так и не узнал.

— А ты, Коля? Ты счастлив?

— Я? Не знаю. Наверно,— ответил он.— Почему же нет?

Через полчаса он поднялся. Я сказала, что пойду проводить его. Он не хотел, чтобы я шла, и стал отговаривать меня:

— Нет, нет! Поздно. Мне уже пора. А как ты будешь возвращаться одна, Машенька?

Ну, как я всегда одна возвращаюсь, так и сегодня вернусь.

— Не уговаривай, сказано, провожу тебя,— сказала я.— Я быстро, только наброшу пальто и отдам ключи от номера.

У него был плащ на вешалке в гардеробе; он сказал, что подождет меня у подъезда.

Когда я вышла из гостиницы, он стоял на улице. В руках у него был старенький портфель, а подмышкой два батона, завернутых в газету.

Мы пошли. Как я давно здесь не была! Улицы знакомые, дома знакомые. Скамейки в сквере, и как будто я на каждой когда-то сидела.

Мы молча прошли несколько кварталов. За поворотом уже был его дом. Он опять взглянул на часы. Его ждали, он боялся опоздать, даже один раз за десять лет. Я вдруг подумала, что он изменяет своей жене. Не любит ее и изменяет.

— Давай прощаться,— сказала я, останавливаясь.— Давай пожелаем друг другу всего хорошего.

— Я желаю,— сказал он,— всегда желаю.

— И я,— сказала я тихо и обняла его. Мне было так тяжело, как будто он еще раз обманул меня. Моя первая любовь.— До свидания,— сказала я,— уже очень поздно.

— Посмотри на меня, Машенька, я хочу запомнить твое лицо,— сказал он.— До свидания.

Он пошел медленно вперед. Я осталась стоять на месте. Я испытывала в своем сердце только жалость к нему. Жалость. Я все стояла и смотрела ему вслед. Неужели это его я так любила когда-то?

Один раз он оглянулся. Может быть, он хотел все-таки спросить, счастлива ли я?

Я вытерла слезы. Не надо мне сюда ездить. Это слишком грустно.

Я еще долго видела его широкую спину, портфель и батоны, завернутые в газету.

На шхуне «Хибины»

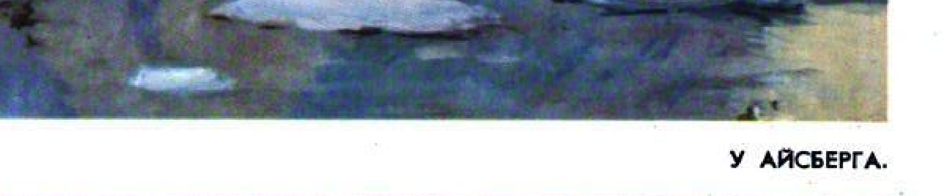
Молодой художник Серафим Фролов, окончивший в 1951 году Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, еще в студенческие годы увлекался романтикой походов, экспедиций. Его дипломная работа, представленная на Всесоюзной художественной выставке 1951 года,— «Молодые геологи»— написана по живым впечатлениям. Показанная на этой же выставке картина «К больному» — результат первой поездки художника на север.

В начале 1956 года художник на рыболовецкой шхуне «Хибины» отправился к берегам Исландии.

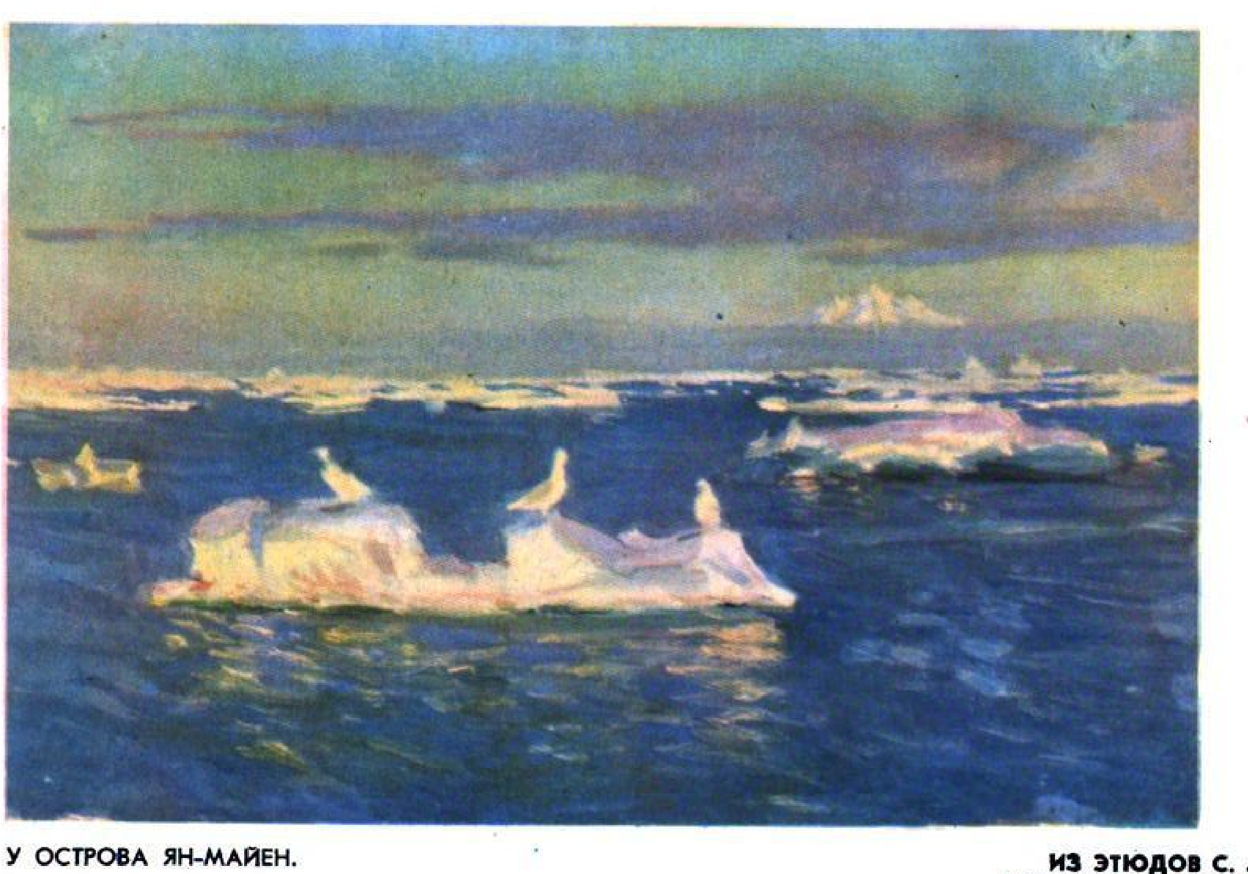
В этом номере публикуются четыре этюда Фролова из большой серии работ, выполненных им во время последнего длительного путешествия.

НАБЛЮДАТЕЛИ.

У АЙСБЕРГА.

У ОСТРОВА ЯН-МАЙЕН.

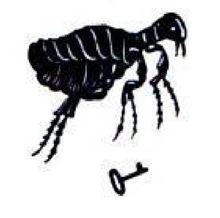
В ГРЕНЛАНДСКОМ МОРЕ.

ИЗ ЭТЮДОВ С. Л. ФРОЛОВА.
ЭКСПЕДИЦИЯ НА ШХУНЕ «ХИБИНЫ».

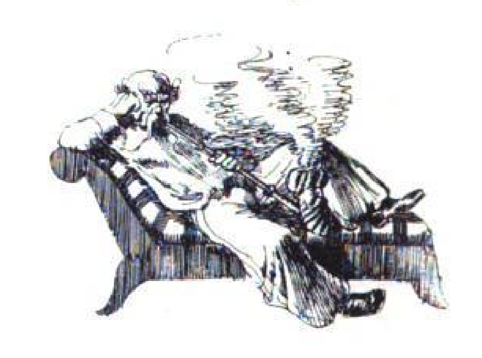

Иллюстрации Н. В. Кузьмина

к «Левше» Н. С. Лескова

Писатели и книги

Неуходящая молодость

Вышел отдельной книгой роман Всеволода Кочетова «Молодость с нами».

Роман этот многоплановый: здесь и мир ученых, и будни партийных работников, и жизнь пограничной заставы. Автор посвящает нас в заводские дела, в тревоги и радости студенческого коллектива, в тонкие, не всегда поддающиеся трезвому анализу семейные и сердечные отношения героев. Повествование ведется непринужденно, движение сюжета определяется естественным, хотя порой и прихотливым течением жизни героев. Иногда, впрочем, писатель чересчур распыляет наше внимание, вводя все новые и новые персонажи, заставляя вместе с ними совершать экскурсы в прошлое, приобщаться к кругу их интересов. Но за близкое знакомство с многими героями — знакомство, обогащающее ум и сердце,— мы благодарны Кочетову.

Через тяжелые жизненные испытания проходит Павел Петрович Колосов, металлург-практик и ученый. Душевной стойкостью, мужеством и человечностью завоевывает он уважение людей. Вызывает симпатии и хлопотливый секретарь райкома партии Макаров. Под стать старшим молодежь: непосредственная, излишне категоричная в суждениях Оля Колосова, нежная и самоотверженная в своей любви Варенька Стрельцова, сталевар Виктор Журавлев...

Писатель показал борьбу Колосова за подлинную, советскую науку, тесно связанную с практикой. В лагере его врагов находятся не только жрецы чистой науки, как Красносельцев, или откровенные тунеядцы и приспособленцы, как Харитонов, Мукосеев, но и искусно замаскированные противники, вроде Шуваловой. Ловкая карьеристка, прикрывающаяся толстой броней званий и наград, Шувалова — тоже обывательница от науки. Врагам нового удается взять верх лишь на короткое время. Но побеждает в конце концов Колосов, потому что за него выступает могучая сила коллектива.

Автор хочет, чтобы перед нами разматывался и разматывался «клубок жизни со всеми ее горестями и радостями, со всеми недоумениями и неустройствами, со всеми надеждами и верой в будущее». И он рассыпает в книге меткие наблюдения, часто окрашенные характерным легким юмором, публицистически выражает волнующие мысли.

Не разменивать большого счастья на мелкие, мещанские радости и удобства — таков девиз лучших героев Кочетова. Самое главное для них — сознавать себя участниками огромной созидательной работы своего народа, разделять его трудовые успехи и победы. Тогда даже большие личные горести не становятся неизбывными трагедиями. Творческое дерзание и есть секрет неуходящей молодости, говорит Всеволод Кочетов. Вдохновенное раскрытие этой темы делает его книгу нужной сегодня.

Г. ДРАЧЕВА

Всеволод Кочетов. Молодость с нами. Роман. Изд-во «Советский писатель». Ленинград. 1956. 513 стр.

Лу Синь на русском языке

Выдающийся китайский писатель Лу Синь давно известен нашему читателю. В последнее время Гослитиздат выпустил произведения Лу Синя в четырех томах. До этого многотомные собрания сочинений китайских писателей на русском языке не издавались. Естественно, что издательство начало с произведений Лу Синя — основателя современной китайской литературы.

Лу Синь родился в семье обедневшего помещика. Учился в мореходной, затем в горно-железнодорожной школе. В числе лучших студентов поехал в Японию для продолжения образования, но там поступил в медицинский институт.

Вскоре Лу Синь пришел к выводу, что болезни не самое большое зло в Китае и, прежде чем исцелять телесные раны, нужно заняться духовным развитием народа. Он вернулся на родину и стал преподавателем, после революции 1911 года работал в министерстве просвещения в Нанкине.

То была эпоха бурных событий: пал трон маньчжурской императорской династии, была провозглашена Китайская Республика. Но народ не получил свободы. Все осталось по-старому. «Глядя на это, я стал сомневаться, мною овладели разочарование и уныние», — вспоминал позже Лу Синь.

В 1918 году в журнале «Новая молодежь», руководимом коммунистом Ли Дачжао, появился первый рассказ Лу Синя — «Дневник сумасшедшего». Рассказ был создан под влиянием произведения Гоголя «Записки сумасшедшего».

В 1921 году увидело свет самое крупное произведение Лу Синя — «Подлинная история А-Кью» — история жалкого бродяги из деревенского захолустья, в которой, как в капле воды, отразились все болезни и пороки феодального китайского общества.

В последующие годы один за другим выходили сборники рассказов Лу Синя «Клич», «Блуждания», «Дикие травы».

Реакционные власти занесли имя Лу Синя в черный список. Писателю пришлось уехать из Пекина на юг. Он побывал в Амое, затем преподавал историю литературы в Кантонском университете, а после поражения революции 1924—1927 годов в знак протеста против репрессий правительства Чан Кай-ши отказался от работы и уехал в Шанхай.

Лу Синь всегда верил, что рано или поздно человечество придет к свободе. Но каким образом? «Только после Октябрьской революции,— писал Лу Синь,— я понял, что творцом нового общества является пролетариат...» В Шанхае писатель сблизился с коммунистами. Он изучал теорию марксизма, прятал у себя дома коммунистов, в трудные для партии дни вносил в ее кассу свои средства.

Лу Синь горячо пропагандировал советскую литературу. Ему принадлежат переводы Н. Гоголя, М. Горького, М. Салтыкова-Щедрина, А. Фадеева и других наших писателей.

Лу Синь внес огромный вклад в создание нового литературного языка, основанного на живой речи, понятного народу.

Четырехтомник Лу Синя включает в себя все лучшие произведения писателя — рассказы, публицистические статьи, сатирические сказки. В последнем томе опубликованы письма Лу Синя. Многие произведения в переводе на русский язык публикуются впервые. В работе над четырехтомником приняли участие советские китаисты Л. Позднеева, В. Рогов, В. Петров.

Выход собрания сочинений Лу Синя — большое событие в нашей культурной жизни.

А. ЛАРИН

Лу Синь. Собрание сочинений в четырех томах. Под общей редакцией В. С. Колоколова, К. М. Симонова, Н. Т. Федоренко. Гослитиздат. Москва. 1954—1956.

Растут сыновья

Для лучших стихов Юрия Яковлева характерны живой язык, ясная и прозрачная поэтическая форма, мужественная интонация, идущая от гайдаровской традиции.

Со своим юным читателем поэт разговаривает серьезно и уважительно, учит его размышлять и действовать, не скрывает от ребенка трудностей.

Воспитательную силу наглядного примера в детской книжке трудно переоценить. Здесь у молодого поэта есть удачи, которые уже отмечала критика («Знамя над отрядом», «Наш Андрейка»). Стихи Яковлева всегда сюжетны. Умение строить занимательную фабулу во многом определяет интерес детворы к произведениям поэта. Привлекут внимание юного читателя и две новые книги Яковлева — «Растут сыновья» и «Шел отряд».

Судьбе младших сыновей советской Родины посвящено одно из лучших стихотворений — «Растут сыновья». Это раздумье о тех, чье «время не настало».

Нас они в уменье
перекроют,
Верх над нами в мужестве
возьмут.
Что мы не достроили,—
достроят,
Что мы не допели,— допоют.

Взволнованный разговор о том, как мужает детское сердце, столкнувшись с первым в жизни испытанием, ведет поэт в стихотворении «Больной». Паренек расхворался. Он лежит один в больнице, ему не хватает материнской ласки. Но вызвать из города мать — значит расстроить ее.

Видно, он поправится не
скоро.
Но, привстав на локоть,
весь горя,
Мальчик просит:
— Не пишите в город,
Маму не расстраивайте зря.

Поэма «Шел отряд» овеяна романтикой первых лет пионерского движения.

«Растут сыновья» и «Шел отряд» — удачные книги, согретые искренним чувством, освещенные поэтической мыслью.

В. РАЗДОЛЬСКИЙ

Юрий Яковлев. Растут сыновья. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 118 стр.

Юрий Яковлев. Шел отряд. Стихи и поэмы. Детгиз. Москва. 1956. 95 стр.

Лирические стихи

Александр КОВАЛЕНКОВ

ГЛАЗА

Не нравится мне, что мешками, возами
Везут на продажу лесные цветы.
На них ты посмотришь другими глазами
Среди толчеи, городской суеты.

И, может быть, спорить начнешь
с продавщицей,
Заставишь ее уступить пятачок;
Недорого купленной, милой вещицей
В руках твоих станет фиалок пучок.

Нам трудно глаза уберечь от соблазна.
Смотри. Удивляйся. Все краски лови.
Не может быть спору: искусство прекрасно,
Но я-то поспорить хочу о любви.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Шутка

Опять цветут ромашки Подмосковья,
Как прежде, соловьи поют для нас,
Но это все теперь не предисловье,
А о любви и верности рассказ.
Его береза вязу прочитала,
Та самая, что, на гору взбежав,
Свиданий наших видела начало —
Вступительные строки первых глав.
Она серьезней стала, выше, строже,
Наростами кривыми обросла.
И шепчет другу:— Я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была...
А вяз глядит в эпические дали,
К лирическим восторгам глух и нем,
Как будто за него давно сказали:
— Я не хочу печалить вас ничем...

ФАНТАЗЕР

— Да брось ты выдумывать! Плюнь!
Не грусти! —
Товарищу добрые люди сказали,
Когда, усмехаясь: — Не надо, пусти,—
Рассталась волшебница с ним на вокзале.

И сказка ушла, как вагон прицепной
В хвосте набиравшего скорость экспресса.
Сквозь пыль пассажирка на кран тормозной
Взглянула без всякого интереса.

Она подошла деловито к окну,
Стекло опустила, чтоб в спину не дуло.
А парень хотел с ней лететь на луну,
К нездешнему счастью его потянуло.

Чудак! Он не знал, что ее кругозор
Хорош для холодного, сытого глаза.
Вернулся играть в городки фантазер,
И все были рады, когда он промазал.

РЫЦАРЬ

Обозвали девочку собакой,
Репой, тумбой в ленточках цветных.
И тогда полез мальчишка в драку,
Зубы сжав. Один на четверых.

Им досталось, и ему влетело.
Пуговицы брызнули в песок.
Ванькой-встанькой поднимался смело
Вновь и вновь мальчишка, сбитый с ног.

Оттащили няньки забияку,
Хмурый дворник свел его домой.
Но не зря полез мальчишка в драку:
Девочка была глухонемой.

ПУШНИНА идет с аукциона...

К. КОНСТАНТИНОВ

Фото Б. УТКИНА.

Француз Клод Гюйо был более спокоен. За конкурентами следила его секретарша.

Когда на возвышение в центре зала поднялись советские аукционаторы, сто семнадцать представителей крупнейших фирм и концернов, в руках которых фактически сосредоточена вся мировая торговля пушниной, открыли перед собой каталоги. В этих объемистых книгах под номерами обозначены лоты-связки, где собрано более четырех миллионов шкурок горностая, колонка, куницы, норки, ондатры, белки, соболя, песца, каракуля... Осмотрев заблаговременно коллекцию пушнины, намеченную к продаже с аукциона, меховщики сделали в каталогах пометки против тех лотов, которые они облюбовали. Но это, конечно, держится в секрете, чтобы не узнал конкурент.

Ведет аукцион Алексей Алексеевич Каплин — председатель Всесоюзного объединения «Союзпушнина». По обе стороны от него сидят помощники. Зарубежные коммерсанты заняли столики, расположенные полукругом в несколько ярусов, так, чтобы всем хорошо было видно возвышение, откуда объявляют продажу меха. А. А. Каплин берет в руки маленький деревянный молоточек и приглашает сидящих в зале начать международный аукцион советской пушнины.

— Господа,— говорит он,— желаю вам успехов в ваших покупках и перепродажах.— И сразу приступает к делу: — Лот номер один. Четыре доллара, да, четыре доллара, господа! Кто больше?

И на световом экране вспыхивает цифра «1».

Справа в первом ярусе кто-то поднял руку. Зал мгновенно услышал новую цену: «Четыре доллара десять центов!». И снова вопрос: «Кто больше?». По условиям аукциона владельцем лота становится тот, кто предложит хорошую и наивысшую цену... Поднятием руки, легким кивком головы, сигналом светящейся авторучки дельцы незаметно для конкурента стремятся подать знак, что они набавляют цену. Только опытный аукционатор может заметить эти намеки и быстро объявить новую цену...

Цена постепенно доходит до пяти долларов пятнадцати центов за одну шкурку.

— Кто больше, господа? Последний раз!..

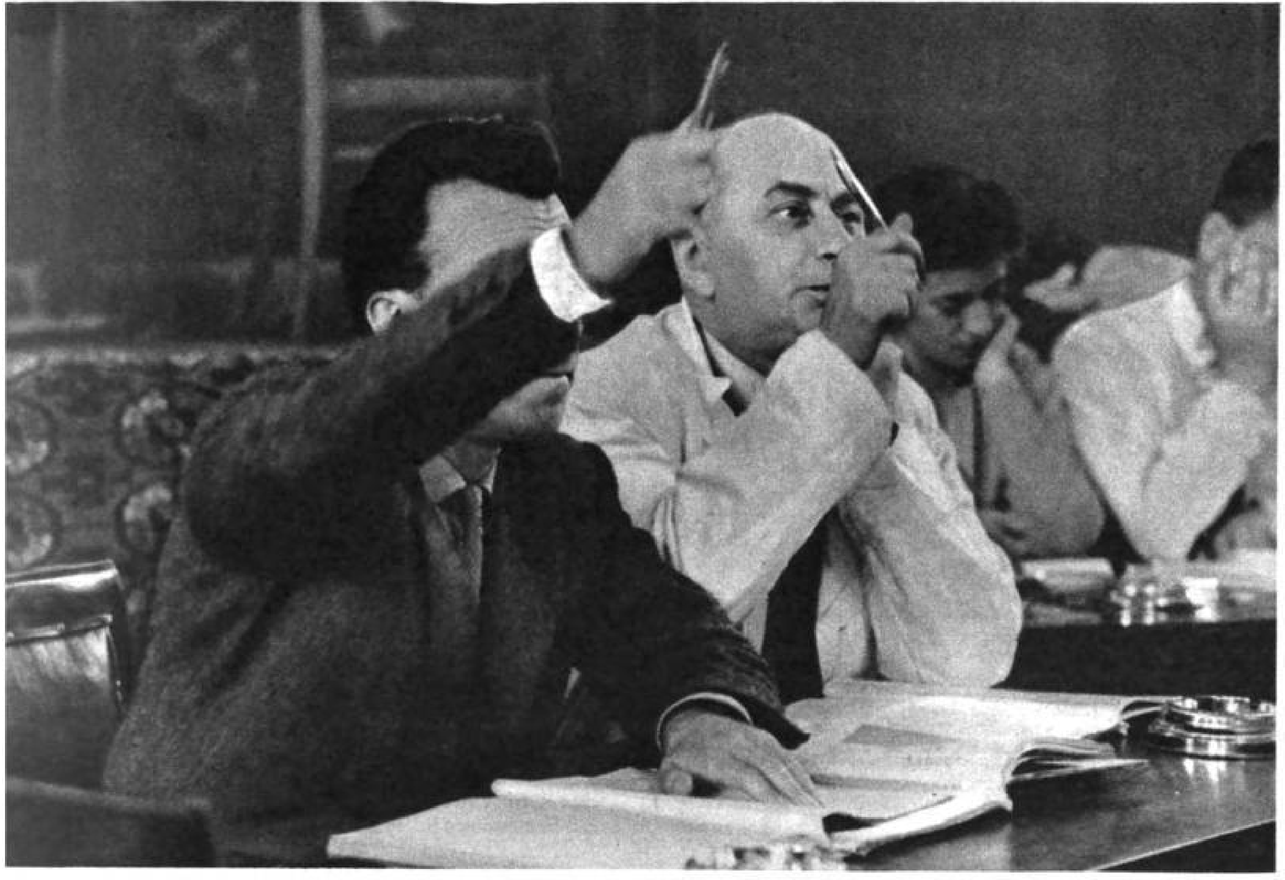
В зале царит молчание, не видно условных знаков, никто не желает заплатить дороже. И аукционатор ударяет деревянным молоточком о наковальню. Это означает, что лот продан.

— Поздравляю вас, господин Зайдлер, с первой покупкой! — говорит Каплин.

Бернар Зайдлер — один из старейших покупателей. Он уже двадцать пять лет участвует в международных аукционах в Ленинграде и всегда стремится сделать почин, видя в этом хорошую примету. Только что он приобрел первый лот, в котором насчитывается несколько сот шкурок березовского горностая, славящегося на международных рынках своей шелковистостью. Его шкурки окрашивают в золотистый, бежевый, шоколадный цвета.

Двадцатый год А. А. Каплин проводит пушные аукционы, многих меховщиков знает по фамилии. На этот раз после продажи лота № 3 он поздравляет с первой покупкой господина Отто Вамбаха — представителя лондонской фирмы «Аскинекс». Его фирма — крупнейший поставщик русских мехов в Европе, Канаде, США, Южной Америке. Впервые Вамбах приехал в Ленинград на пушной аукцион в 1932 году.

— Тогда,— вспоминает он,— я двух слов по-русски не мог связать, а теперь, как видите, свободно разговариваю. Торговля сближает людей. Советские меха хороши, мы закупаем их всегда много!

Парижские меховщики братья Сольмоны так горячились, что порой оба сразу набавляли цену.

Представитель шведско-итальянского концерна Френкель явно доволен покупкой.

Нынешний пушной аукцион богат разнообразными мехами, и съехалось на него коммерсантов больше, чем когда-либо. Торговля идет бойко! Вот объявлена продажа лотов амурского колонка. Меховщики с успехом имитируют его под соболь.

— Колонок — это король сегодняшнего пушного рынка,— сказал по-русски сидевший рядом с нами крупнейший поставщик пушнины в нью-йоркские торговые дома Генри Махутан.— Главное — дешево, модно и красиво!

У каждого коммерсанта свои расчеты: для Бельгии и США выгодно закупить шкурки зайца-русака, из его волоса там выделывают лучший фетр. Ондатровые меха очень модны в Англии, Франции, Канаде, Швейцарии. После выделки и отбелки шкурки ондатры красят под серебристую норку и шьют из них дамские манто. Редкостную алтайскую белку, превышающую по размеру обычную в два раза, охотно берут итальянские и шведские фирмы.

В аукционном зале оживление. Продают соболей камчатских, якутских, тобольских, енисейских, баргузинских... Соболи водятся почти исключительно в Советском Союзе. Ценнейшие соболиные меха пользуются огромным спросом едва ли не во всех странах мира.

Господин Махутан несколько раз поднимает руку. За камчатского соболя он дал самую высокую цену — сто девяносто долларов за шкурку. Ударом молотка аукционатор извещает: вся партия камчатского соболя продана нью-йоркской фирме. Партия шкурок баргузинских соболей закуплена старинной французской фирмой «Ревильон» по двести сорок три доллара за одну шкурку.

И вот снова А. Каплин объявляет:

— Лот № 2451, песец белый. Господа! Кто назначит приемлемую цену?

Сидевший внизу полный мужчина наклонил голову.

— Вы, господин Френкель?

В ответ снова кивок головой. Юрий Френкель представляет шведско-итальянский концерн. Он участник всех двадцати семи пушных аукционов в Ленинграде. Довольный выгодной сделкой, он идет в вестибюль, чтобы по междугородному телефону соединиться с Италией. Из Милана ему ответили: «Белый песец очень хорошо! Отправляйте самолетом».

Оформляя отправку шкурки песца в Италию, Френкель интересуется, посланы ли двести горных куниц.

— Это тоже в Италию?

— Нет, это для мексиканских синьорит на горжеты.

— И сколько отдали за шкурку? — интересуется Марк Гринстен, владелец нью-йоркской фирмы «Азиатик трейдинг компани».

— Семнадцать долларов.

Ведет аукцион Алексей Алексеевич Каплин (с молоточком в руках).

— Я бы заплатил девятнадцать, но, к сожалению, в Америку русских куниц ввозить нельзя.

— Стратегический товар? — заметили мы.

Гринстен пожал плечами.

— Что же вы купили у нас?

— Подписал контракт на шестьдесят тысяч шкурок русской белки. Но я еще поеду в Москву, хочу заключить две коммерческие сделки. Какие, не спрашивайте, все равно не скажу сейчас,— опередил нас Гринстен.

Аукцион продолжался восемь дней, и главные страсти разыгрались, когда продавали каракульчу, каракуль серый и черный крашеный. Англичане и французы, шведы и финны — все охотно приобретали советский каракуль, пользующийся доброй славой. Известные парижские меховщики братья Сольомоны так волновались и горячились, что порой в один голос набавляли цены. Их сосед, француз Клод Гюйо, тоже закупавший каракуль для собственной парижской фирмы, действовал более спокойно, но в этом ему помогала секретарша, которая бдительно наблюдала за конкурентами. Победа осталась за Гюйо, он торжествует.

Большие партии каракуля купили представители деловых кругов Федеративной Республики Германии. Старейшая немецкая фирма «Торер и Холлендер» в Франкфурте-на-Майне связана давними торговыми узами с нашей страной.

— Мы еще на ярмарках в Нижнем Новгороде закупали меха,— сказал нам господин Оскар Фолькманн.— Но после войны впервые приехали к вам.

— И не пожалели?

— Конечно! Десять лет нам приходилось торговать кроликом, а за пушниной ездили в Южную Африку. К вам ближе и выгоднее. Теперь мы имеем каракуль, горностай, белку, ондатру.

— Выходит, потеряно добрых десять лет?

— Не только годы, но и доходы. На этом аукционе восемь немецких фирм, а на следующий приедет двадцать восемь. Не сомневайтесь, мы будем с вами торговать.

Последний удар деревянного молотка известил, что почти весь пушной и меховой товар продан. Двадцать седьмой международный пушной аукцион, проходивший успешно, закрылся.

— До новой встречи, господа! Желаем успехов в ваших коммерческих делах! — прощаясь, говорят зарубежным гостям советские аукционаторы.

Вл. РУДИМ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Мы решили выехать по грибы раньше всех и отправились на вокзал в час ночи. Каково же было наше удивление, когда нам не удалось сесть ни на первую, ни на вторую электричку и с трудом мы втиснулись в третью. Прямо не верилось: неужели все тоже едут по грибы? Оказывается, да. Стиснутые, как опенки в туго набитом лукошке, мы тронулись...

— Нужно потерпеть, в лесу будет просторнее,— произнес сосед.— Я вот уже ровным счетом пять десятков грибным увлечением страдаю, все испытал: и дожди, и болота, и прочие неудобства.

...Уходят «грибные поезда» в сторону Вереи, Звенигорода, Белых Столбов, к лесам за Хлебниковом...

Рассвет мы встретили в лесу под Звенигородом. На дно корзин, ведер, кошелок легли подрезанные ножом первые боровички. Теперь, пожалуй, можно оторвать взор от земли и осмотреться по сторонам: до чего же хорошо вокруг!

Солнечные иглы пронзили резную листву дубов, не шелохнувшись, дремлют сказочно-дремучие ели... Вот пень весь во мху, будто накрыт изумрудной скатертью, а на ней рюмочками стоят сыроежки, храня в изогнутых шляпках чистое росяное вино. А травяной ковер вокруг словно приколот к земле яркими кнопками: бронзовыми рыжиками, серостальными подберезовиками, желтыми и алыми сыроежками, темнокоричневыми боровиками, особенно радующими каждого охотника за грибами.

Кстати, об охотниках. Здесь, в лесу, их сейчас, наверное, несколько сотен. Вдоль Волоколамского шоссе выстроились грузовики, автобусы, «Москвичи», «Победы», «ЗИСы», доставившие сюда чуть свет таких же, как мы, любителей. Три машины прислал завод «Моссельмаш», на двух грузовиках приехали шестьдесят работниц швейной фабрики № 5.

Лес перекликается десятками голосов. Веселое оживление вызвала закройщица Тоня: она набрала по неопытности целую корзину мухоморов.

Кто-то кричит:

— Девочки, сюда! Вот гриб — целая дамская шляпа!

Пожилой рабочий предлагает:

— Меняю белый гриб на десять рыжиков!

— Что вы! Белый ведь лучше!

— Смотря к чему, дочка. Рыжик на вид неказистый, да стойкий: долго в маринаде сохраняется.

Время летит незаметно. Постепенно все возвращаются из лесу, усталые, довольные, с богатой добычей. К небу поднимается дымок костра: нужно подсушить обувь, чулки, а заодно пора и позавтракать.

До сих пор мы думали, что грибники — народ спокойный, уравновешенный, а тут услышали такие «грибные» споры и схватки, что куда там! Кому белый гриб нравится, а кто отдает предпочтение маслятам, один не признает сыроежек, а другой из себя выходит: вот вы ни во что ставите сыроежку, а если разобраться, так это самый вкусный и питательный гриб!

Послушаешь и невольно воскликнешь: «Но, боже! Как играли страсти». И грибам-то у них даны свои прозвища: говорушка, козельчик, белянка, колосовик... А самих грибников, оказывается, классифицируют по степени «болезни»: увлечение, страсть, мания и, наконец, грибной психоз. Познакомились мы и с «учеными грибниками», которые рассказали, что сбором грибов охотно занимались древние греки, что грибы попадаются иногда даже в девонских отложениях, что москвичи съедают за сезон несколько тысяч бочек грибов...

А день незаметно клонится к вечеру. Довольные «уловом», хорошо отдохнувшие, отправляются грибники в обратный путь.

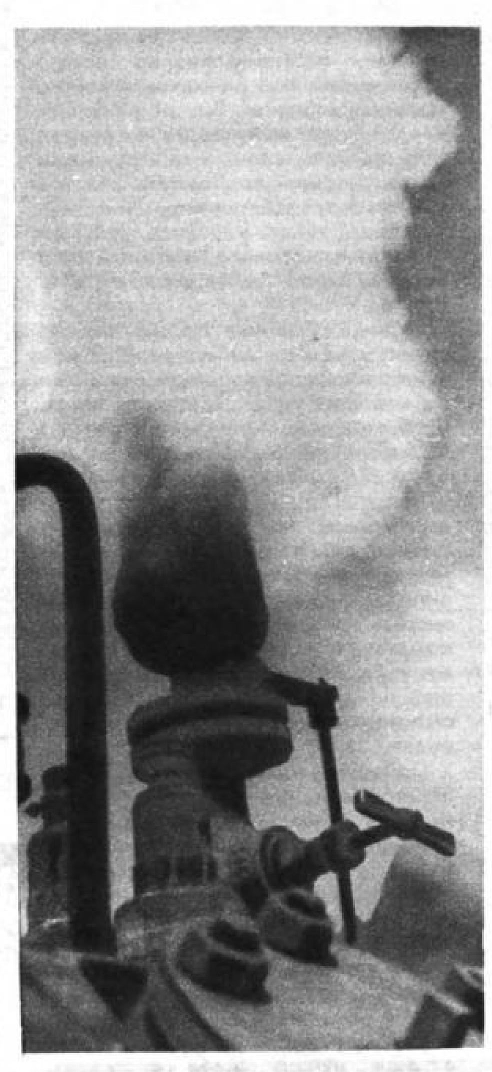

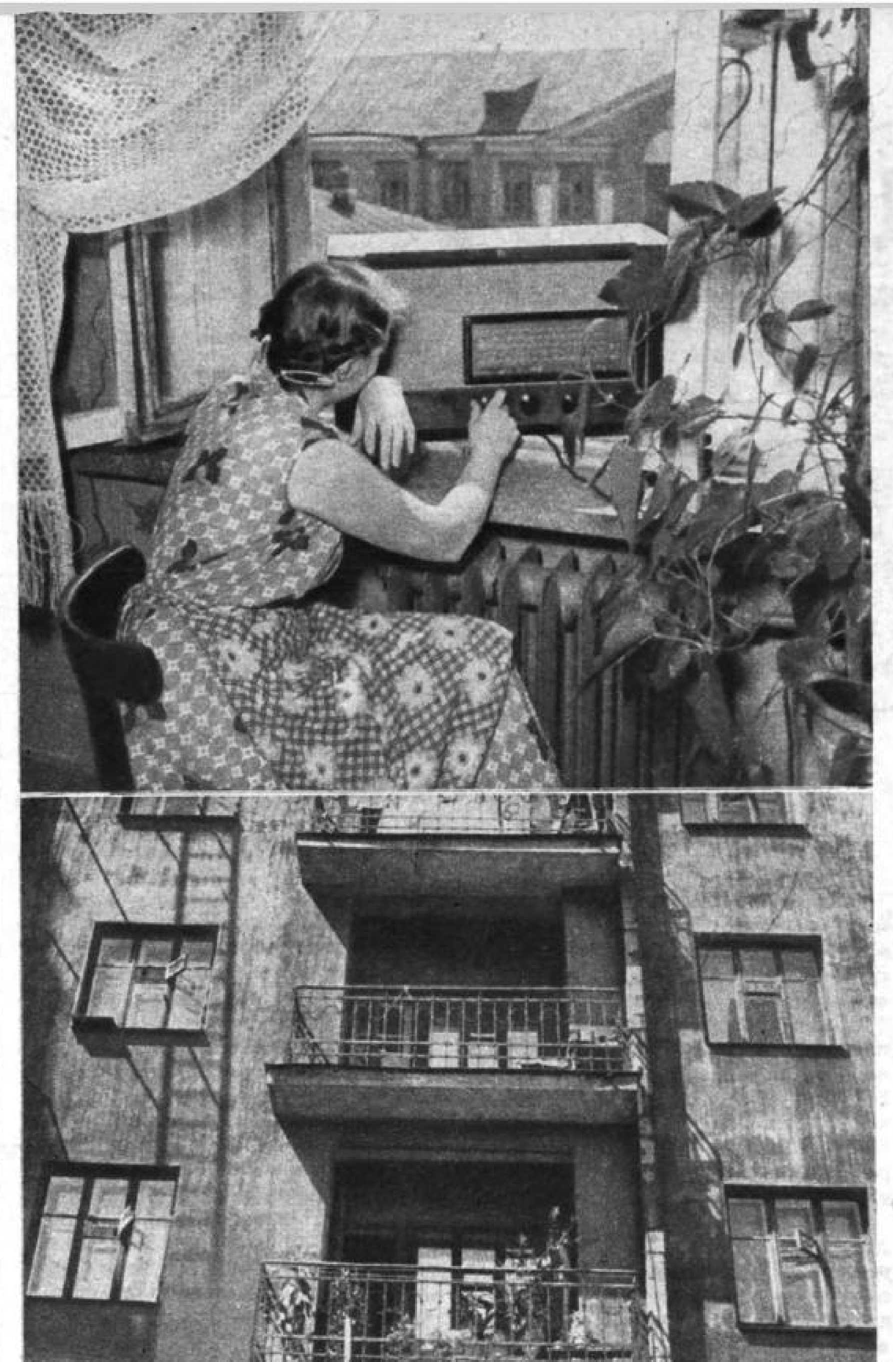

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

ТИШИНА

Вслушайтесь в шум большого города: ревет радио; басят паровозные гудки; на заводских дворах скрежещет металл; на улицах гудят двигатели бесчисленных машин; кто горланит подобие песни, а кто поет под аккомпанемент гитар и баянов; тревожно прорезают воздух сигналы грузовых и легковых автомобилей. Вся эта какофония портит людям нервы, расшатывает здоровье, мешает им отдыхать и работать.

И вдруг первого августа слитный городской шум в Москве притих. Еще вчера вас оглушали на улицах автомобильные клаксоны, а сейчас по асфальту тихо проносятся тысячи машин. Будто живительным ветром развеяны и вынесены с площадей, проспектов и набережных зычные гудки: решением Московского Совета в столице запрещены автомобильные сигналы.

Москвичи с радостью встретили решение Моссовета. Однако это — лишь начало в борьбе за подлинную тишину в городе.

Умолк гудок на перекрестке. Очень хорошо. Но рядом во все горло орет радиоприемник. Разве это можно назвать тишиной? И можно ли ограничить борьбу за тишину запрещением только автомобильных сигналов, если ребенок испуганно просыпается в постели, ученый нервно закрывает книгу, а студент затыкает уши при громоподобных звуках радио?

Великое благо нашего времени — радио зачастую превращается в орудие пытки. Излишне громкие звуки провожают вас в вагонах поездов дальнего следования, на пассажирских речных и морских судах, даже в санаториях и домах отдыха. Общительный сосед по дому выставляет на подоконник свой магнитофон и «гоняет» танго и фокстроты до двух часов ночи.

В одном доме по Ново-Песчаной улице до ночи слышится рев пущенных во всю силу радиоприемников, а в это же время играет гармонист. Посредине ночи жильцов будит пальба: выколачивают палками ковры. Под эти звуки лают собаки, которых прогуливают по двору. Чтобы как-нибудь спастись от шума, жильцы даже в душные ночи плотно закрывают окна.

Есть особая категория радиодударей — «часовщиков». Они не слушают ни музыку, ни диктора — это их совсем не интересует. Им нужно, чтобы радио будило их по утрам. Так как «часовщики» любят поспать, то включают репродуктор на полную громкость с ночи и заставляют с рассветом вскакивать весь дом. Люди, вернувшиеся ночью со смены, не могут затем, после такой «побудки», уснуть и успокоиться.

А есть такой квартал, где, как только замолкает радио, раздается голос механика Научно-исследовательского тракторного института Дмитрия Филиппова, оповещающего всю округу о том, что «шумел камыш»...

Москву украшают садами и парками... Не пора ли украсить ее тишиной? Не следует забывать, что, по утверждению врачей, в шумных районах города особенно много нервнобольных.

В борьбе за тишину полезно использовать опыт Праги, Варшавы, Парижа, Лондона и других городов мира. Там, начиная со школьной скамьи, прививают ребенку чувство уважения к тишине. Любопытно, что во многих городах надевают резиновые, бесшумные подковы коням, развозящим по ночам овощи.

Нужно покончить в Москве с системой безнаказанности всех, кто нарушает тишину в городе. Вслед за распоряжением о запрещении автомобильных сигналов будем ждать указаний о средствах борьбы с другими «шумовыми эффектами». В установлении тишины должны принять деятельное участие медицинские учреждения, райсоветы, милиция, общественные организации, сами москвичи. В редакцию «Огонька» поступают различные предложения: создать, например, для борьбы с шумом общественные «посты тишины», вменить в обязанность милиционерам и дворникам строго наблюдать за тишиной.

Есть все силы, все средства сделать нашу прекрасную Москву городом тишины.

— Ш-ш-шу-умел камыш, — оповещает ночью Дмитрий Филиппов.

ДИПЛОМированная НЕВЕСТА

Николай АСАНОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Итак, пройдет еще шесть месяцев — и для Сонечки Кожухарь все будет кончено. Если она не сделает какого-нибудь героического усилия, ее ждет гибель...

Сонечка зябко повела узким плечиком и остановилась у зеркала в вестибюле, рассматривая себя. Она только что вернулась из колхоза после двухмесячной практики и сегодня сдала дипломную работу. Остались еще государственные экзамены, а потом...

Она боялась подумать, что будет потом. До тех пор, пока Сонечка не побывала на практике, она как-то неясно представляла свое будущее. Ее знания о колхозах исчерпывались романом Елизара Мальцева «От всего сердца», статистическими и организационными материалами, изложенными в учебнике, и конспектами лекций, которые она брала у подруг по курсу. Сама она ленилась записывать эти неинтересные подробности. Правда, ей приходилось иногда разговаривать с колхозницей, которая носила молоко, когда семья Сонечки жила на даче, но Сонечка и сама чувствовала, что эти разговоры на тему «А почем ноне сено? Вот по том и молоко!» мало что могли дать ей как будущему агроному. Поэтому она при встречах с молодыми людьми говорила только, что учится в вузе, не уточняя, как он называется. И вот эта несчастная практика!

Сначала все было отлично. И погода и комната, которую колхоз предоставил практикантам. Село стояло на берегу реки, девушки купались, загорали, по вечерам заходили в правление и слушали, как председатель распекал каких-то нерадивых бригадиров, а потом шли «на майдан», где молодежь танцевала под гармошку, или смотрели кинокартину на свежем воздухе. Танцы были такие же, как и в институтском клубе, были и хорошие танцоры. Сонечка сразу поправилась, загорела, стала «ужас до чего хорошенькой». В нее уже влюбился техник из МТС. Подруги шутили: «Смотри, не выскочи замуж!»

Задание у Сонечки было несложное: взаимосвязь механизмов на уборке урожая. До уборки было еще далеко, и Сонечка пока изучала прошлогодние сводки.

В первый день уборки Сонечка выехала на полевой стан. Там тоже было неплохо. Девушкам отвели отдельный вагончик, вечером к вагончику собирались все свободные механизаторы, пели, иногда тоже танцевали. Техник приезжал почти каждый день на своем мотоцикле; Сонечка каталась с ним по проселкам мимо лесных полос, было страшно сидеть за его спиной и лететь в темное пространство.

И вдруг начались дожди.

Сонечка утопила в поле галоши. Крыша вагончика протекала. Постели были сырые. Кожа на лице обветрилась. На руках появились цыпки, как бывало в детстве. Даже сейчас еще Сонечку пробирает дрожь, когда она вспоминает эту неделю с затяжным дождем.

Она внимательно осмотрела свое лицо в зеркале. Да, кожа стала шершавой, хотя Сонечка каждый день натирается ланолином, а ногти потрескались, маникюр теперь ложится неровно. Вот уж в самом деле:

Под ногтями чернозем,
Это значит: агроном...

И зачем только она пошла в этот Сельскохозяйственный институт! Нет, мама была тысячу раз права, когда отговаривала ее! Но что могла сделать Сонечка? Она и так пропустила целый год из-за того, что подала документы в университет. Там оказался такой конкурс, что ей, с ее двадцатью очками, набранными во время экзаменов, не помогли никакие мамины хлопоты. Вот почему Сонечка была вынуждена вместе с несколькими своими подружками на следующий год пытать счастье в Сельскохозяйственном институте. Ведь тогда казалось, что до окончания далеко, мало ли что еще случится... А диплом есть диплом!

Правда, Сонечка до сих пор не знает, зачем он ей нужен. Для нее ясно одно: агрономом она ни за что не будет! Но так принято, чтобы каждая культурная девушка имела диплом. Конечно, лучше было бы иметь диплом Архивного института или Института иностранных языков: эти документы как-то больше ценятся, к тому же они никого не обязывают ехать в провинцию,— но говорят, что в Архивный принимают только по знакомству, а с иностранными языками у Сонечки дела ничуть не лучше, чем с русским, на котором она только говорит, а грамотно писать так и не научилась...

Сонечка вздохнула и оторвалась от зеркала. Надо обязательно зайти в учебную часть. Ходят слухи, что всех агрономов этого выпуска будут направлять на целинные земли. Это самый ужасный из всех вариантов...

Сонечка энергично потирает щеки, чтобы вызвать на них угасший под степным загаром румянец, и решительно направляется в учебную часть. Румянец, блеск, а еще лучше слеза в глазах, дрожь в голосе — лучшие помощники при разговоре с заведующим учебной частью.

Заведующего учебной частью Ивана Анемподистовича студенты называют Иван Методистович. Это прозвище как нельзя лучше подходит завучу, который во всем любит методу и порядок, тогда как студенты с такой же страстью любят нарушать их. Увидав Сонечку, Иван Методистович сразу делает бесстрастно-решительное лицо и торопливо спрашивает:

— Что вам, Кожухарь?

— Я прошу оставить меня на работе в министерстве,— твердо говорит Сонечка.

— Этот вопрос будет решать комиссия по распределению молодых специалистов! — быстро выпаливает Иван Методистович. Он так привык слышать эти просьбы, что даже не раздражается. Из ста студентов-москвичей, заканчивающих ежегодно институт, тридцать просит оставить их в городе, и чаще всего это девушки.

— Я больна! — жалобно произносит Сонечка.

— Лучшая волейболистка института — и больна! — говорит Иван Методистович.— Придумайте, Кожухарь, что-нибудь новое!

Сонечка сердито закусывает губку. Одна из ее подруг, кажется, действительно отделается от поездки «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», сказавшись больной. Но подружка начала этот опыт с первого курса. Она сразу представила справку о том, что больна туберкулезом. Ей-то хорошо, у нее дядя — профессор медицины. Когда подружке грозило разоблачение, дядя сам вошел в состав комиссии, благо, фамилии у него и у племянницы разные, и отстоял родственницу. Подружка все четыре года чувствовала себя, как сыр в масле. От физкультуры ее освободили, летом она путешествовала с туристами, а осенью прихватывала еще целый месяц от занятий, отдыхая по бесплатным путевкам профкома где-нибудь на Черном море. И ни разу ее не мобилизовали, даже на практику не послали. Нет, Сонечке уже поздно притворяться больной!

— У меня мама больна! — говорит она с отчаянием в голосе.

— Представьте в комиссию справку, что ваша мать нуждается в постоянной помощи и что у нее нет других помощников,— решительнее прежнего отвечает Иван Методистович. Чернявое лицо его утомлено, ему надоел этот бесполезный спор.

Сонечка соображает: мама бегает по портнихам, готовит платья к сезону, летом она на два месяца уезжает в Гагру. Ее не заставишь притвориться инвалидом. Сонечка грубо говорит:

— Я выхожу замуж!

— Вот это уже что-то интересное! — медовым голоском констатирует Иван Методистович, с любопытством, точно впервые видит, оглядывая девушку.— За кого же? — спрашивает он и тут же строго поднимает указательный палец.— Имейте в виду, Кожухарь, жена может последовать за своим мужем, и ей предоставляется право самой подыскивать работу только в том случае, если муж — военный или занимает более высокий пост, чем тот, который поручат вам. Ясно? — Потом он вдруг начинает возмущаться и, уже не обращая внимания на Сонечку, говорит двум своим помощницам: — Нет, это все-таки безобразие! В этом году из выпуска почти пятьдесят девушек вышли замуж! Кто же поедет в деревню? Если вас интересует только замужество, незачем было поступать в институт! — Это он снова обращается к Сонечке.

— А зачем вы держите ваш Сельскохозяйственный институт в Москве? — резонно спрашивает Сонечка.— Был бы он где-нибудь на Кубани, мы бы туда не поехали!

— Ну, это не ваше дело! — резко отвечает Иван Методистович. В глубине души он сам обеспокоен слухами о том, что институт в скором времени переведут из Москвы. Конечно, на Кубань он тоже не поедет, но где тогда искать работу? Впрочем, этой студентке не к чему знать о его треволнениях. Он сухо приказывает: — Копию свидетельства о браке, справку с места работы мужа, справку из домоуправле-

Кавказская акварель

Внизу, на синем берегу,
стоит молоденькая ива.
Под ветром выгнувшись в дугу,
на каменистом берегу,
как бы споткнувшись на бегу,
неприхотливо и лениво
внизу, на синем берегу,
зеленый шелк полощет ива.

А с раскалившейся скалы
корявый дуб сорокалетний,
достойный всякой похвалы,
весь пышущий жарою летней,
следит за ивой со скалы,
как холостяк сорокалетний.

Василий ЖУРАВЛЕВ

Июль 1956 года.

ния, что проживаете совместно, и личное заявление как от мужа, так и от вас. Все, Кожухарь, можете идти!

— А если я не выйду замуж? — с отчаянием в голосе перебивает его Сонечка.

— Ну, с таким-то личиком и фигуркой обязательно выйдете,— равнодушно возражает Иван Методистович, принимаясь за свои бумаги.— Вон ваша подружка Чивилева уж какая некрасивая, а даже ребенком обзавелась. Я бы, кажется, совсем не принимал девушек в сельскохозяйственные институты — имею в виду горожанок,— а уж красивых тем более!— И, бросив эту отравленную стрелу, окончательно склоняется над столом. Теперь видна только плешь на его затылке и заросшая черным волосом шея.

Сонечка думает про себя: «Неужели кто-нибудь обнимает эту черноволосую шею?» — И, вздрогнув, будто черные волосы уже щекочут нежную кожу ее руки, выходит в коридор.

На улице она долго стоит, переживая этот противный разговор. Теперь ей кажется, что она могла бы найти слова похлестче, чтобы вогнать Ивана Методистовича в ярость. А получилось, что он вывел Сонечку из себя. Зачем она сказала, что выходит замуж? За кого?

Правда, многие ее подружки по институту именно так и ускользнули от комиссии по распределению молодых специалистов. Самую блестящую карьеру сделала Алла. Как только стало известно, что весь выпуск отправят в Сибирь, она сразу заявила:

— Нет, девочки, романтика не для меня! Ни на целину, ни за Можай меня не загонят! Свою судьбу я решила!

И тут же выскочила замуж за старшего научного сотрудника по кафедре биологии. Сейчас Алла в полной безопасности. Но у Сонечки-то нет под рукой такого научного сотрудника — ни старшего, ни младшего!

Мама говорит, что Сонечке, с ее лицом и фигуркой, лучше всего стать секретарем у министра или, в крайнем случае, у заместителя. Но к министру трудно пробраться даже маме, которая все может. А с начальником кадров мама разговаривала, но тот почему-то стал на официальную почву, и мама так и унесла в сумочке заранее приготовленный подарок — золотой портсигар. Теперь папа носит этот портсигар в своем кармане и все недоумевает, почему это маме понадобилось делать в день его сорокапятилетия такой дорогой и ненужный подарок? А мама только вздыхает да разве изредка бросит печальный взгляд на Сонечку: «И в кого ты такая несчастная уродилась?»

Сонечка стоит у подъезда института, тоскливо поглядывая на проходящих мимо мужчин. Пользоваться своими девичьими чарами она еще не научилась: она же не думала, что ей самой придется ловить жениха только для того, чтобы ее, не дай бог, не угнали в колхоз. Думалось, что придет он, единственный, на всю жизнь, скажет какие-то необыкновенные слова, и она отдаст ему и руку и сердце. Но теперь и мужчины-то пошли какие-то легкомысленные. С их курса, например, все готовы уехать хоть на Алтай, хоть на Саяны, лишь бы была нужная работа. А как Сонечка из Москвы уедет, если она здесь родилась, здесь выросла и Россию видела только из окна вагона, когда ехала с мамой на курорт, или через забор своей дачи? Ну, еще вот нынче в колхозе...

Женихи, где вы?

Леонид Маслюков нашел удобную точку для съемки.
Фото Е. Тиханова.

ДВЕ ПРОФЕССИИ

К ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Когда присутствующие в зале киноработники увидели на экране события, происшедшие с ними не далее, как два часа назад, удивление их не имело предела.

Вот они входят в зрительный зал. Один, рассеянность которого широко известна, растерянно шарит по карманам в поисках билетов. Неподалеку здороваются знакомые. А вот смущенная молодая пара — ее попросили освободить места — села на свободные, а какие уж тут свободные, когда зал набит до отказа! Сегодня не совсем обычный концерт. Объявлен творческий вечер Тамары Птицыной и Леонида Маслюкова, но в программе акробатов, широко известных в Советском Союзе и за рубежом, указаны... кинорассказы, киноочерки, кинорепортажи. Они покажут и самый оперативный фильм — о зрителе сегодняшнего представления. Все это снято без павильона, киноэкспедиций, редакторов, съемочных групп. Впрочем, в создании фильмов участвовали сценаристы и режиссеры, операторы, осветители, художники, костюмеры, только все это... те же Птицына и Маслюков. А вот и они.

На эстраде на высоком пьедестале в грациозной позе стоит женщина; кажется, убери подставку — и она удержится в воздухе. Впечатление невесомости еще больше усиливается, когда женщина переходит на ладонь вытянутой руки подошедшего мужчины и застывает на ней. А затем плавно начинает акробатические трюки.

Артисты находятся сейчас в расцвете сил, в блестящей форме. Актерский стаж Леонида Маслюкова насчитывает уже 37 лет. Сын известного русского клоуна Семена Ивановича Маслюкова, Леонид еще малышом приобщился к цирковому искусству. Он был и жокеем, и турнистом, и эксцентриком, пока не утвердился на эстраде в жанре акробатической вольтижировки. Тамара Птицына готовилась стать инженером-ирригатором, но любовь к цирку взяла верх, и впервые на манеже появилась женщина с номером акробатической вольтижировки.

В этом жанре артисты работают давно, и, кажется, уже все возможности ими изучены и использованы. Но они неустанно стремятся обогатить жанр. В последнее время у артистов появился помощник — киноаппарат. Заснимая им различные гимнастические номера, репетиции в цирке, свой номер, они затем дома, проэцируя кадры на экран в замедленном темпе, проверяют технику создания трюка, новые сочетания движений.

Кино стало для Маслюковых не только помощником в работе, но и соперником цирка. Ему отдают они все свободное время. Часть комнаты супругов Маслюковых превращена в мастерскую: здесь монтируются различные детали, сделанные на заводах по их собственным чертежам. Так появился собственной конструкции монтажный стол, сидя за которым можно просмотреть весь фильм на экране размером 13 × 18; так возникло специальное устройство для проявления пленки, кассеты новой конструкции и многое другое. Это и позволяет Маслюковым в течение двух часов снять, проявить и напечатать пленку, на которую они запечатлели публику на концерте, и продемонстрировать эту ленту в конце вечера.

Фильмотека Маслюковых необычайно богата: цирк, театр, эстрада, физкультурные парады, видовые сюжеты, маленькие кинокомедии с участием Райкина, артистов Свердловской оперетты, Утесова и других. Каждый из фильмов идет на экране минут 20—30, а сняты все были в течение нескольких часов. Очень интересны хроникальные кадры, отснятые Маслюковыми во время гастролей артистов в Англии. Видно, что операторы — люди с хорошим чувством юмора, с острым, наблюдательным взглядом.

Вот почему творческие вечера Тамары Птицыной и Леонида Маслюкова привлекают широкое внимание.

И. ВЕРШИНИНА

ПРОТИВ ПОШЛОСТИ

Важной и увлекательной теме посвящена большая часть № 32 журнала «Огонек». К открытию Спартакиады народов СССР журнал напечатал несколько интересных фотоснимков и ярких литературных материалов о спорте и физической культуре.

Но в этом же номере журнала помещен и ряд маловыразительных фотографий, поданных под претенциозным заголовком: «Увлекайтесь спортом! Советы начинающим».

У читателей вызывает законное возмущение подпись под фотографиями: «Занимайтесь спортом! И вас ждут награды: богатство, слава, признание поклонниц».

Как могли появиться на страницах журнала подобные гнилые «советы», от которых разит духом пошлости и цинизма? Видимо, в редакции «Огонька» нет должного чувства ответственности за отбор и редактирование публикуемых материалов. «Советы», которые преподносятся в указанном «фотоочерке», оскорбительны для наших спортсменов, которым чужды погоня за богатством и признанием поклонниц — то, что усиленно культивируют руководители спорта буржуазных стран. Главная отличительная черта советского спорта заключается в том, что он способствует гармоническому развитию молодежи, укреплению ее здоровья и воспитанию в ней высоких моральных качеств.

Всего этого не могут не знать члены редколлегии журнала «Огонек». Известно это, очевидно, и редакции газеты «Вечерняя Москва». Между тем на первой странице этой газеты от 9 августа помещен халтурный рисунок Ю. Черепанова с надписью: «Переходящий букет», на котором в мещанском духе изображается «чествование» чемпиона его поклонницей.

Нет никакого сомнения в том, насколько благородна любовь к спорту. Хорошо, когда эта тема увлекает наших журналистов. Но фотоочерк В. Полынина в «Огоньке» говорит вовсе не об увлечении спортом. Он, вопреки традициям нашей советской печати, проповедует чуждые духу советских людей взгляды на спорт.

«Правда».
10. VIII 1956 года.

От редакции: Редколлегия журнала «Огонек» считает правильной критику газетой «Правда» фотоочерка В. Полынина «Увлекайтесь спортом! Советы начинающим», а равно замечания «Комсомольской правды» (7 августа) и многочисленных читателей, приславших письма в редакцию, признает свою ошибку и приносит извинения читателям.

Из рассказов рыболова

ЛЯГУШКА-ВОРОВКА

Отправились мы на рыбалку еще засветло, но пока добрались до нужного места, стемнело. Здесь, на Дону, солнце садится быстро и темнота наступает как-то внезапно.

Чтобы насадить червей, пришлось зажечь карманный фонарик, пренебрегая яростными атаками комаров. У самых моих ног что-то тяжело зашлепало по воде. Нагнувшись, я увидел большую зеленую лягушку — она уставилась немигающим взглядом на луч света, исходивший из положенного на землю фонарика.

Мой товарищ, подняв фонарик, поднес его к самой мордочке лягушки, но она не шелохнулась. Даже от толчка фонариком в самый нос лягушка не изменила позы. Товарищ засмеялся:

— Ну сиди уж, если ты такая храбрая!

Мы забросили удочки подальше от берега и стали ждать. Зазвонил звоночек на моей удочке, и я вытащил маленького подлещика. Вскоре «подала голос» одна из удочек моего друга.

Позабыв о любопытной лягушке, мы занялись сменой червей. Комары тучами носились над нами, нещадно жужжа и жаля. Вдруг мой приятель изумленно воскликнул:

— Смотри, смотри, что делает!

Схватив своей широкой пастью подлещика «поперек живота», лягушка не спеша поскакала к воде.

— Стой! Стой! — закричал я и направил сноп света прямо в морду воровке.

Лягушка застыла, как загипнотизированная. Но, как ни старался я отнять у нее своего подлещика, ничего не вышло. Она крепко держала добычу, размером превосходившую воровку почти вдвое.

— Ну, не отдашь, так убирайся вон!

И я, погасив фонарик, хлестнул лягушку прутиком. Раздался тяжелый всплеск. Было видно, как серебристый подлещик боком ушел в черную прибрежную муть реки. Лягушка как бы растаяла в темноте.

Через несколько минут у меня вновь зазвонил звоночек. Я резко подсек и стал выбирать лесу. Почувствовав на крючке рыбу, я выдернул ее из воды. В свете фонаря мелькнул небольшой окунь, а за ним вдогонку стремительно ринулась отчаянная лягушка, пытаясь поймать рыбку на лету.

Раздосадованный, я поднял камень и хотел им запустить в обжору, но товарищ остановил меня:

— Оставь ее. Ведь с таким же аппетитом она пожирает армии комаров.

И я отбросил камень в сторону.

НА ДВУХ УДОЧКАХ

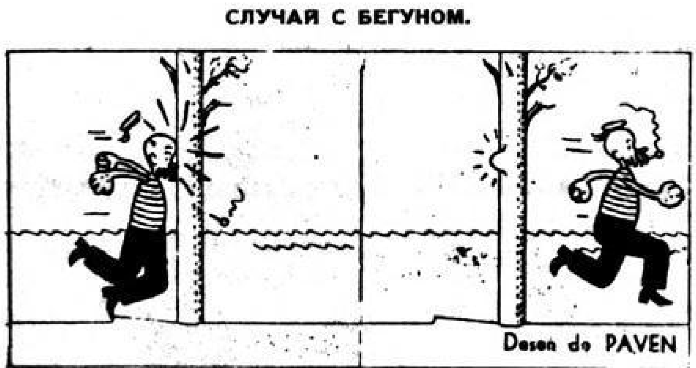
Забросив две удочки, я вскоре заметил, что течением и ветром поплавки сносит один к другому. Надо было переброcить удочки, но в это время на одной из них началась осторожная поклевка. Однако, когда поплавки почти сошлись, мне волей-неволей пришлось вытаскивать одну удочку. Вслед за леской этой удочки из воды потянулась и вторая. «Все-таки зацепилась!» — с досадой подумал я.

Каково же было мое удивление, когда, вытащив обе удочки, я обнаружил на них одного окунька! Один крючок ушел глубоко в его рот, а второй впился под жабру.

Л. САМОЙЛОВ

Рисунки автора.

СЛУЧАЙ С БЕГУНОМ.

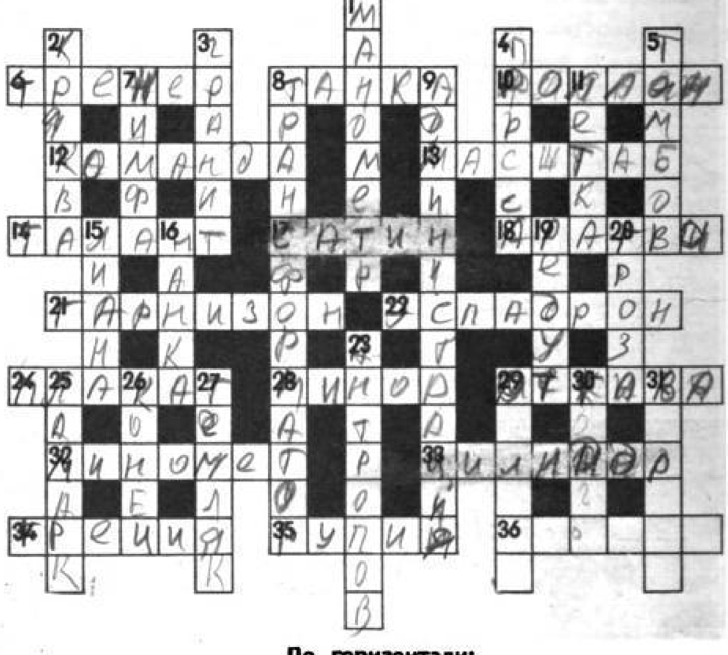
Из румынского журнала «Флакара».

ПОСЛОВИЦЫ НАРОДОВ АФРИКИ

Крокодил выползает из реки лизать росу.
Досада антилопы не помешает сгореть лесу.
Два барана не могут пить из одного горшка.
Горячая вода не забывает, что она была холодной.
Сила, не знающая цели,— мать лени.
Наука — это ствол баобаба, который не обнять одному человеку.
Как бы ни была длинна шея, голова выше.
Джунгли сильнее слона.
Как ни долга ночь, день придет.
Если бы солнце взошло среди ночи, обнаружилось бы, что не только гиены дурны.
Если ты едешь в чужую страну, не останавливайся в доме богача.

Перевел В. ИОРДАНСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Спортивный руководитель. 8. Жанр японской поэзии. 10. Французский писатель. 12. Устный приказ. 13. Отношение длины линий на карте к длине в натуре. 14. Дарование. 17. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 18. Река в Грузии. 21. Войсковые части, расположенные в населенном пункте. 22. Оружие, применяемое в фехтовании. 24. Рисунок с агитационным текстом. 28. Музыкальный лад. 29. Столица государства в Америке. 32. Орудие. 33. Геометрическое тело. 34. Государство в Европе. 35. Денежная единица Индии. 36. Зависимое государство.

По вертикали:

1. Прибор для измерения давления газа и жидкостей. 2. Дикая утка. 3. Горная порода. 4. Периодическая печать. 5. Областной город в РСФСР. 7. Стадия в развитии некоторых насекомых. 8. Аппарат для преобразования тока. 9. Должностные лица управления. 11. Отверстие в доменной печи. 15. Вьющееся растение. 16. Хлопчатобумажная ткань. 19. Полевое укрепление в старину. 20. Пьеса А. Н. Островского. 23. Русский живописец-портретист. 25. Французский естествоиспытатель. 26. Картина художников Кукрыниксы. 27. Тесьма на эфесе холодного оружия. 29. Советская киноактриса. 30. Страна в Африке. 31. Река, впадающая в Эгейское море.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 32

По горизонтали:

3. Спартакиада. 7. Маска. 10. Молот. 11. Рулетка. 12. Стиль. 13. Шашки. 15. Брасс. 18. «Ласточка». 19. Байдарка. 20. Старт. 21. Забег. 23. Вратарь. 27. Рапира. 30. Стойка. 31. Лужники. 32. Кубок. 33. Сетка.

По вертикали:

1. Эстафета. 2. Разминка. 4. Атлетика. 5. Баскетбол. 6. Восьмерка. 8. Кроль. 9. Парад. 14. Пассаж. 15. Боксер. 16. Стайер. 17. Борьба. 20. Силач. 22. Гонка. 24. Теннис. 25. Прыжок. 26. Штанга. 28. Футбол. 29. Скутер.

На вкладках этого номера 4 страницы репродукций работ со Второй выставки акварели московских художников, страница этюдов С. Л. Фролова, страница рисунков Н. В. Кузьмина к «Левше» Н. С. Лескова и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.
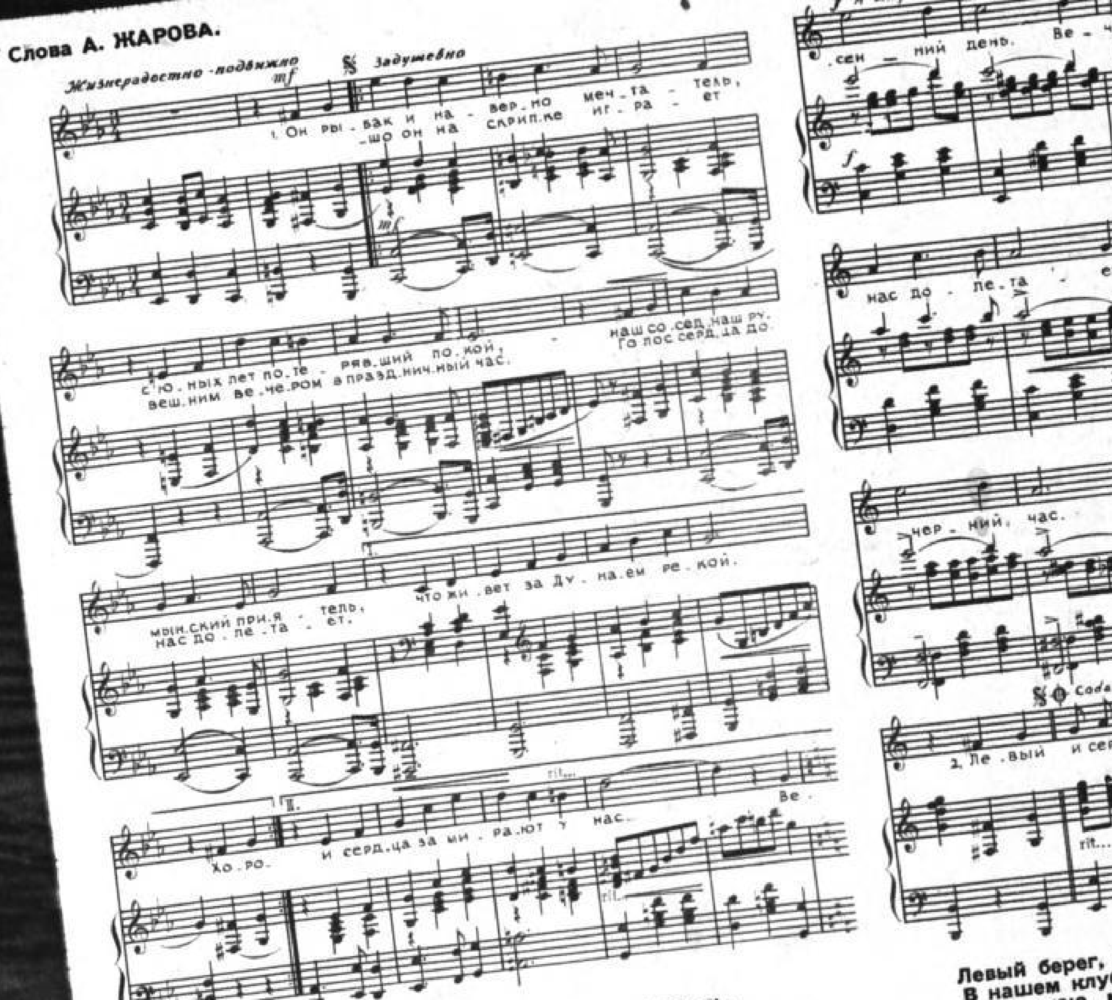
А 10309. Подп. к печ. 8/VIII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 653. Заказ № 2084.
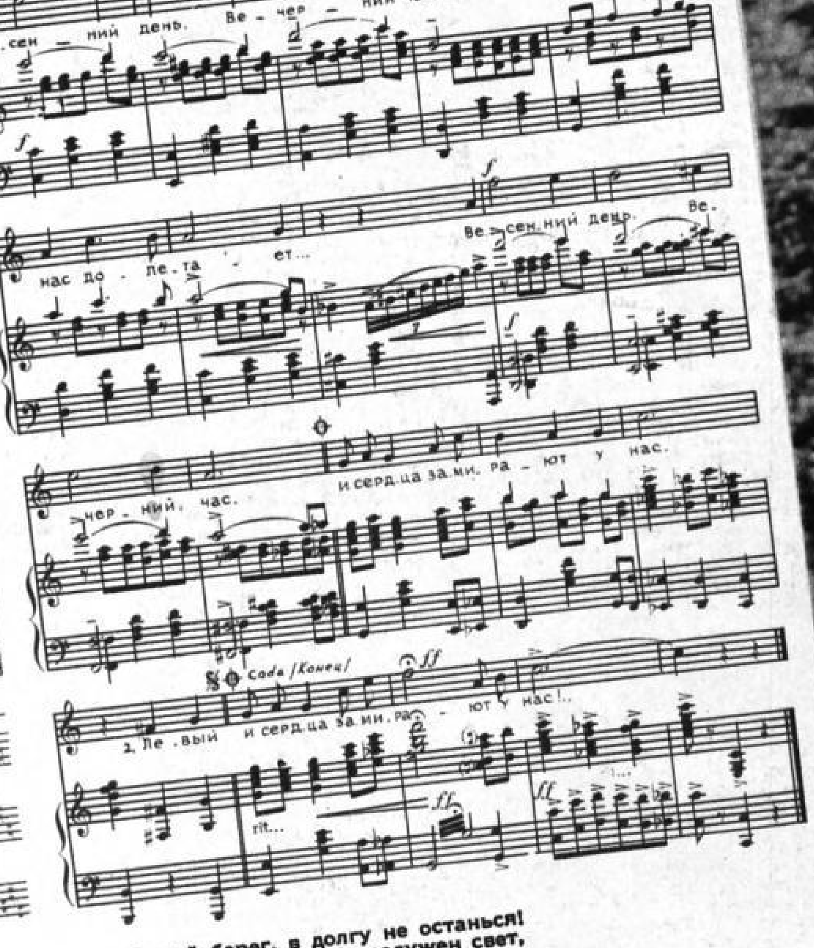
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На Дунае голубом

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка К. ЛИСТОВА.

Он рыбак и наверно мечтатель,
С юных лет потерявший покой,
Наш сосед, наш румынский приятель,
Что живет за Дунаем-рекой.

Хорошо он на скрипке играет
Вешним вечером в праздничный час.
Голос сердца до нас долетает,
И сердца замирают у нас...

ПРИПЕВ:

Весенний день.
Вечерний час.
Голос сердца до нас долетает...
Весенний день.
Вечерний час.
И сердца замирают у нас.

Левый берег, в долгу не останься!
В нашем клубе, где радужен свет,
Над рекою, мелодия вальса,
Разливайся — соседу в ответ!

И лети над водой быстротечной
За Дунай, в расцветающий сад...
О любви и о дружбе сердечной
Песни нашей весны говорят.

ПРИПЕВ:

Весенний день.
Вечерний час.
Голос сердца до нас долетает...
Весенний день.
Вечерний час.
И сердца замирают у нас.

Цена номера 3 руб.